

06
с

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

30/IX

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5

1 9 7 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

5

1973

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. И. Костюшко.</i> Боевые традиции народного Войска Польского	3
<i>М. А. Бирман.</i> Революционное движение болгарского пролетариата в 1918 — 1923 гг. и антифашистское Сентябрьское восстание 1923 года	15
<i>Станислав Михалькевич (ШНР).</i> Структура рабочего класса Силезии во второй половине XIX века	29
<i>Е. А. Княжецкая.</i> Связи России с Далмацией и Бокой Хоторской при Петре I	46
<i>А. П. Грицкевич.</i> Материалы из истории слупских выbranцев как источник по крестьянской генеалогии	70
<i>В. Мочалова.</i> Рыбалтовская комедия в истории польской драмы первой четверти XVII века	82
<i>А. Б. Долгопольский, В. А. Дыбо, А. А. Зализняк.</i> Вклад В. М. Иллич-Свитыча в сравнительно-историческую грамматику индоевропейских и нестратических языков	82

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>С. М. Толстая.</i> Современное состояние польской диалектологии (краткий библиографический обзор)	92
<i>Е. П. Пугач.</i> В. В. Марьина, Г. П. Мурашко. Путь чехословацкого крестьянства к социализму (1948—1960)	99
<i>В. Д. Королюк.</i> «Славянский сборник»	100
<i>В. Я. Гросул.</i> К. А. Поглубко. Очерки истории болгаро-российских революционных связей (60—70-е годы XIX века)	101
<i>И. В. Чуркина.</i> М. Tanty. Panslawizm, sarat, polacy	103
<i>Т. М. Исламов.</i> Книга по истории пангерманизма в Австрии	105

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

н. 10932

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РАЗУМНОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

<i>И. С. Достян.</i> Политика России в отношении Турции и балканских народов в 1813—1815 годах	107
<i>А. Е. Москаленко.</i> Л. В. Горина. Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве	109
<i>Л. Кишкин.</i> А. А. Чума. Ян Амос Коменский и русская школа (до 70-х годов XVIII века)	111

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1972—1973 гг.	113
Содержание иностранных журналов	119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Н. К. Жакова, Р. Х. Тугушева.</i> Торжественное заседание, посвященное памяти Ю. Фучика	122
<i>Р. В. Булатова, С. Б. Бернштейн.</i> Конференция по сравнительно-исторической грамматике	123
<i>Г. Сафронов.</i> Защита диссертации	126
<i>В. И. Злыднев.</i> <u>Академик Людмил Стоянов</u>	127

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ, (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

И. И. КОСТЮШКО

БОЕВЫЕ ТРАДИЦИИ НАРОДНОГО ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО

12 октября 1943 г. созданная в Советском Союзе 1-я польская пехотная дивизия им. Т. Костюшко вступила под Ленино в бой с гитлеровскими захватчиками и, сражаясь плечом к плечу с советскими войсками, нанесла значительный урон врагу. Этот день стал днем рождения народного Войска Польского, 30-летие которого торжественно отмечается в этом году.

Создание народного Войска Польского диктовалось коренными интересами польского народа, необходимостью вооруженной борьбы против его смертельного врага — гитлеровских оккупантов, выполнения своего союзнического долга, развития и упрочения польско-советского боевого сотрудничества, обеспечения условий для демократических преобразований в стране.

Захват гитлеровцами Польши создал серьезную опасность для самого существования польского народа. Польские земли были расчленены, часть их включалась в состав третьего рейха и подлежала сравнительно быстрой германизации, из остальных земель было образовано так называемое генерал-губернаторство. Установленный оккупантами режим характеризовался крайней жестокостью. Гитлеровцы грабили и уничтожали национальное достояние польского народа, производили массовые переселения и экзекуции, тысячи людей угоняли на каторжные работы в Германии и истребляли в концлагерях, стремились превратить оставшееся население в послушных рабов, которые обрекались на нищенское существование и быстрое или постепенное вымирание. Польский народ не мог смириться с этим, в стране усиливалось движение Сопротивления экстерминационной политике оккупантов.

Советский народ и люди доброй воли в других странах осуждали зверства, совершаемые нацистами в Польше, солидаризировались с освободительной борьбой польского народа. После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз правительство СССР, стремясь к объединению усилий всех народов в борьбе против фашистской агрессии, установило дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством. Соглашение от 30 июля 1941 г. обязывало оба правительства «оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в настоящей войне против гитлеровской Германии»¹. Советское правительство выразило согласие на создание на территории СССР польской армии, которая должна была вместе с советскими войсками сражаться против общего врага, и по мере возможности оказывало помощь в ее формировании².

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны». Т. I, М., 1946, стр. 128.

² «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». Т. VII, М., 1973 (далее — «Документы и материалы...»), стр. 330—335.

Возникшая в январе 1942 г. Польская рабочая партия (ППР) определила цели польского народа в освободительной войне и призвала его к активной, решительной борьбе против оккупантов в союзе с советским народом и другими народами антигитлеровской коалиции, за возрождение свободной, независимой, демократической Польши, в которой сам народ будет хозяином своей судьбы³. Она приступила к организации подпольных вооруженных сил — Гвардии людовой (ГЛ). Созданный в Варшаве первый отряд ГЛ им. С. Чарнецкого в мае 1942 г. был направлен в окрестности Петркова для ведения боевых акций. По данным на 19 июня 1942 г. в военной организации ППР насчитывалось 3 тыс. членов⁴. До сентября 1942 г. отряды и группы ГЛ осуществили 17 крупных диверсий на железных дорогах, совершили около 50 нападений на административные и хозяйственные объекты оккупантов, в ходе которых происходили схватки с полицией и жандармерией⁵. Руководимое ППР партизанское движение расширялось, приобретало все более массовый характер. В нем принимали участие и советские граждане, бежавшие из гитлеровского плена⁶. ГЛ наносила ощутимый ущерб оккупантам, защищала население от нацистского террора. Ее боевые действия вызвали широкий отклик в польском народе и серьезное беспокойство у оккупационных властей.

В то же время польское эмигрантское правительство и подчиненные ему и связанные с ним организации в стране, исходя из своих планов восстановления досентябрьской Польши, пытались опорочить вооруженную борьбу ГЛ, призывали народ к выжиданию, сбережению сил до момента, когда появятся с их точки зрения благоприятные условия для осуществления этих планов⁷. Эта политика противоречила интересам польского народа, ибо только немедленная и решительная борьба против оккупантов могла спасти жизнь многим тысячам людей, приблизить час освобождения. Вместе с тем польское эмигрантское правительство, уклоняясь от выполнения своих обязательств по польско-советскому соглашению, вывело польскую армию в Иран⁸. Добиваясь отторжения от Советского Союза Западной Украины и Западной Белоруссии, оно заняло враждебную позицию в отношении СССР. Это вынудило Советское правительство прервать дипломатические отношения с ним⁹.

Польская эмиграция в СССР и демократические силы в Польше не одобряли вывода польской армии из СССР, резко осуждали политику польского эмигрантского правительства и буржуазных и мелкобуржуазных организаций в стране. Польские граждане, находившиеся в СССР, стремились к объединению своих усилий в борьбе с фашистскими захватчиками. Понимая все значение работы в тылу для обеспечения нужд фронта, они выражали желание и с оружием в руках вместе с Советской Армией сражаться против ненавистного врага¹⁰. Пропагандируя идеи борьбы за свободную и демократическую Польшу, за установление союзных и дружественных польско-советских отношений, польские коммунисты выступили с инициативой создания в СССР польской патриотической

³ «Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1945». Warszawa, 1958 (далее — Kształtowanie się podstaw programowych PPR), s. 11—15.

⁴ «Новая и новейшая история», 1964, № 5, стр. 113.

⁵ T. R a w s k i, Z. S t a p o r, J. Z a m o j s k i. *Wojna wyzwolenicza narodu polskiego w latach 1939—1945*. Warszawa, 1966, s. 322.

⁶ «Новая и новейшая история», стр. 113.

⁷ Там же, стр. 116.

⁸ «Документы и материалы...», стр. 330—335.

⁹ «Внешняя политика Советского Союза...», стр. 346—347.

¹⁰ П. М. К а л е н и ч е н к о. *Польска прогрессивна емиграция в СРСР в роки другої світової війни*. Київ, 1957, стор. 138—139.

организации. Их соображения по этому вопросу были изложены в письме В. Василевской и А. Лямпе от 4 января 1943 г. на имя заместителя председателя СНК СССР В. М. Молотова¹¹. Советское правительство поддержало инициативу польских коммунистов. Был создан Организационный комитет Союза польских патриотов в СССР (СПП), и с 1 марта 1943 г. начала выходить газета «Вольна Польшка» — печатный орган Союза. На ее страницах и в журнале «Нове виднокренги» раскрывался антинародный и антисоветский характер политики «лондонского» лагеря, разъяснялись программные положения и задачи Союза польских патриотов, развивалась идея создания в СССР польских воинских частей, которые, сражаясь на советско-германском фронте, внесли бы свой вклад в освобождение Польши и в упрочение польско-советского боевого содружества.

Придавая важное значение участию поляков в борьбе с гитлеровскими захватчиками на советско-германском фронте, Союз польских патриотов обратился к Советскому правительству с просьбой разрешить формирование в СССР польских воинских частей. В письме к И. В. Сталину председатель СПП В. Василевская писала, что «уже пришло время, когда создание польской военной части у нас просто необходимо». «Организацию польской части, — говорилось далее в письме, — я считаю необходимой в кратчайший срок, принимая во внимание, что концентрация офицеров и солдат, боевая и политическая подготовка требует времени, а нам хочется, чтобы летом польская часть вступила в действие. Мы рассчитываем, что нам удастся начать с дивизии.

Создание польской военной части возможно путем мобилизации поляков, советских граждан как из Польши, так и из западных областей СССР, а также путем перевода поляков, мобилизованных в строй- и труд-колонны. Я думаю, что очень необходимо будет откомандирование некоторых командиров Красной Армии, поляков и русских, для помощи польской части. Кроме этого, возможен отбор некоторых военнопленных поляков.

Считаю, что в этой польской военной части необходима будет крепкая политическая работа, которую может провести Союз польских патриотов»¹².

8 апреля 1943 г. полковник З. Берлинг направил письмо в НКВД СССР, в котором излагались соображения относительно срока и порядка формирования одной дивизии и ее запасной части¹³. В. Василевская в речи по радио 28 апреля 1943 г., обращаясь к полякам в Советском Союзе, сообщала о предпринимаемых Союзом польских патриотов мерах для создания польских воинских частей и выражала надежду, что в ближайшее время они смогут плечом к плечу с советскими войсками под польским знаменем доказать с оружием в руках свою любовь к Польше, свое право на нее¹⁴.

Советское правительство благожелательно отнеслось к пожеланиям польских патриотов в СССР. 6 мая 1943 г. Государственный Комитет Оборона СССР принял постановление о формировании польской пехотной дивизии с дополнительными средствами усиления в составе: истребительного противотанкового дивизиона 45-мм пушек, танкового полка, дивизиона 120-мм минометов и роты противотанковых ружей. Местом ее формирования были избраны Селецкие лагеря, расположенные в 50 км севернее Рязани, на реке Оке. Предписывалось выделить для формируемой дивизии необходимые денежные средства, хозяйственное имущество, авто-

¹¹ «20 lat Ludowego Wojska Polskiego». Warszawa, 1967, s. 220.

¹² «Документы и материалы...», стр. 330.

¹³ «Документы и материалы...», стр. 352—353.

¹⁴ «Wolna Polska», 1 V 1943.

машины и конский состав, горючее и фураж, продовольствие, интендантское, медицинское и ветеринарное имущество, изготовить обмундирование по польскому образцу 1939 г.¹⁵

Дивизии был присвоен номер 1, и она именовалась — 1-я польская пехотная дивизия имени Тадеуша Костюшко¹⁶. Командиром дивизии был назначен полковник З. Берлинг, его заместителем по политической части майор В. Сокорский.

Весть о формировании польской дивизии была встречена польской эмиграцией в СССР с большим удовлетворением и энтузиазмом. Выражая благодарность Советскому правительству за его поддержку освободительной борьбы польского народа, многие поляки добровольно являлись на призывные пункты и просили направить их в польскую дивизию, чтобы вместе с советскими войсками бороться против общего врага.

НКО СССР уделял большое внимание вопросу формирования польской дивизии. В приказе от 29 мая 1943 г. командованию Московского военного округа предлагалось оказать командиру дивизии практическую помощь «в своевременном и качественном укомплектовании личным составом ..., полном обеспечении вооружением, материальной частью, всеми видами имущества и транспортом...» и «в организации боевой подготовки». На него возлагались непосредственное руководство и контроль за всей работой по комплектованию дивизии, обеспечению ее вооружением, имуществом, продовольствием, фуражом и хозяйственному обслуживанию. Предусматривалось создание специального приемного пункта для прибывающего пополнения, где совместно с командованием дивизии должен был производиться отбор личного состава. Командование округа обязано было выделить хорошо подготовленный командно-инструкторский состав для помощи командиру дивизии в организации и проведении боевой подготовки соединения¹⁷.

Глубокий патриотизм польских граждан, находившихся в СССР, их горячее желание бороться с оружием в руках против гитлеровских захватчиков, всемерное содействие советских властей командованию польской дивизии в ее формировании обеспечили сравнительно быстрое комплектование ее личного состава. 6 июня 1943 г. в ее рядах насчитывалось 6092 солдата, 15 июля — 14 380, а 20 июля — уже 15 700 солдат¹⁸. Дивизия получила советское первоклассное вооружение. В нее были направлены опытные советские командиры и инструкторы, главным образом поляки по национальности, которые, выполняя свой интернациональный долг, помогли солдатам дивизии в сравнительно короткий срок овладеть оружием, знаниями, необходимыми для успешных боевых действий против гитлеровских захватчиков. Политико-просветительным аппаратом дивизии, состоявшим в основном из польских коммунистов, была проделана большая работа по идейно-политическому воспитанию личного состава соединения. Все это обеспечило высокую боевую и политическую подготовку дивизии. 22—26 августа 1943 г. состоялись дивизионные учения, показавшие готовность соединения к выполнению боевых задач.

В связи с необходимостью пополнения дивизии офицерским составом и перспективой формирования новых польских частей было признано целесообразным призвать и направить в военное училище Красной Армии 500 бывших польских граждан, польской национальности, для подготовки командиров взводов, рот и батальонов, а также сформировать при поль-

¹⁵ «Документы и материалы...» стр. 369.

¹⁶ Там же, стр. 378.

¹⁷ Там же, стр. 381.

¹⁸ T. R a w s k i, Z. S t a p o r, J. Z a m o j s k i. Ibid., s. 364.

ской дивизии запасной пехотный полк и отдельный зенитный артиллерийский дивизион¹⁹.

Главное правление Союза польских патриотов обратилось к Советскому правительству с просьбой разрешить формирование 1-го польского корпуса в СССР. Его просьба была удовлетворена. 10 августа 1943 г. ГКО СССР принял постановление о создании 1-го корпуса. Предусматривалось формирование корпуса в составе двух пехотных дивизий (в том числе 1-я польская дивизия), артиллерийской и танковой бригад, авиаполка истребителей, запасного полка, офицерской школы и других частей и подразделений различных родов войск и служб. Командиром корпуса назначался генерал бригады З. Берлинг (одновременно он исполнял обязанности командира 1-й пехотной дивизии), его заместителем по строевой части — генерал бригады К. Сверчевский. По приказу Генерального штаба Красной Армии от 14 августа 1943 г. на укомплектование корпуса следовало «обратить дополнительно призываемый в количестве 19 000 чел. рядовой и младший командно-начальствующий состав из числа бывших польских граждан, поляков по национальности, в возрасте от 18 до 45 лет включительно, в том числе 750 чел. с высшим и средним образованием для укомплектования офицерской школы». Для замещения офицерских должностей в корпусе предлагалось откомандировать необходимое число офицеров из Красной Армии. Личный состав должен был быть сосредоточен в Селецких лагерях в период с 15 августа до 1 сентября 1943 г. Вместе с тем было дано указание об обеспечении вновь формируемых соединений и частей корпуса вооружением, материальной частью, транспортом и хозяйственным имуществом²⁰. Благодаря принятым мерам формирование корпуса проходило успешно. К концу сентября было закончено комплектование новых соединений и частей, и с 1 октября началось обучение личного состава по установленному плану боевой подготовки.

Главное правление СПП и командование 1-й польской дивизии, имея в виду важное политическое значение выступления дивизии на фронт 1 сентября, обратились с просьбой к председателю ГКО СССР И. В. Сталину направить ее в этот день на фронт. «Так как 1 сентября годовщина нападения немцев на Польшу, — говорилось в письме В. Василевской и З. Берлинга, — мы очень просим дать возможность Польской дивизии имени Тадеуша Костюшко выступить на фронт в этот день.

Программа боевой подготовки у нас кончается 15 сентября, но мы считаем, что дивизия с 1 по 15 сентября может боевую подготовку закончить, находясь уже во фронтовом резерве, ибо для нас политически очень важно выступить на фронт именно 1 сентября»²¹.

1 сентября дивизия покинула Селецкие лагеря и через несколько дней прибыла в окрестности Вязьмы и сосредоточилась в районе Юркино, Григорьево и Степанково, где продолжалась ее боевая подготовка до 22 сентября. Затем она продвинулась в западном направлении, к фронту, и 7 октября была включена в состав 33-й армии, готовившейся к наступлению.

В ночь с 9 на 10 октября 1943 г. батальон 1-й польской дивизии сменил советский полк на участке Сысоево, Ленино. Основные силы дивизии с присоединившимся к ней польским танковым полком приступили к подготовке наступательных действий. 11 и в ночь с 11 на 12 октября дивизия заняла исходные позиции для наступления. После разведки боем и артподготовки 12 октября в 10.00 началась атака польской пехоты. Против-

¹⁹ «Документы и материалы...», стр. 405.

²⁰ Там же, стр. 416.

²¹ Там же, стр. 418.

ник оказывал упорное сопротивление. Польские воины плечом к плечу с советскими братьями по оружию отважно сражались с врагом. В результате двухдневных боев под Ленино польская дивизия форсировала заболоченную долину реки Мереи, овладела передней линией обороны и узловыми пунктами сопротивления врага в районе деревни Ползухи и высоты 215,5 и нанесла значительный урон противнику.

Отмечая мужество и героизм воинов 1-й польской дивизии в боях под Ленино, командование 1-го польского корпуса¹ наградило 247 солдат и офицеров дивизии орденами и медалями. Высоко оценило боевые действия польских воинов и Советское правительство. Указами Президиума Верховного Совета СССР от 11 ноября 1943 г. за отличное выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство, доблесть и мужество трем воинам дивизии было присвоено звание Героя Советского Союза и 239 солдат и офицеров были награждены орденами и медалями СССР²².

Боевые действия 1-й польской дивизии под Ленино имели большое военно-политическое значение. Осуществилось горячее желание польских патриотов в СССР выступить с оружием в руках против ненавистного врага, бороться с ним на советско-германском фронте, решающем фронте войны, на кратчайшем пути к своей родине. Бой под Ленино убеждал в правильности политики ППР и польских коммунистов в СССР, направленной на развертывание вооруженной борьбы народа в союзе с СССР против фашистских захватчиков, и свидетельствовал о всемерной ее поддержке народными массами. Приобретенный польскими воинами боевой опыт способствовал успешному формированию народных польских вооруженных сил. Братство по оружию польских и советских солдат, скрепленное совместно пролитой ими кровью в сражениях под Ленино, являлось важным фактором дальнейшего развития боевого польско-советского сотрудничества.

Многие польские патриоты мужественно боролись с фашистскими захватчиками в рядах советских партизан. На Полесье и Волыни были созданы польские партизанские отряды и соединения: отряд им. Т. Костюшко, на базе которого позднее было сформировано соединение «Еще Польша не згинела», бригада им. В. Василевской и другие отряды и группы. Действуя в составе советских партизанских формирований, польские патриоты наносили чувствительные удары по врагу.

Блестящие победы советских войск над гитлеровскими захватчиками, знаменующая собой коренной перелом в ходе второй мировой войны, оказывали существенное влияние на обстановку в оккупированной Польше, благоприятствовали развертыванию освободительной борьбы польского народа. ППР, основываясь на анализе международного положения и расстановки политических сил в стране, в ноябре 1943 г. в программной декларации «За что мы боремся?» выдвинула идею создания демократическими силами, объединенными в национальном фронте, временного правительства, которое проводило бы политику, отвечающую интересам народа. В декларации определялись задачи народного правительства в области обеспечения Польше справедливых границ и ее безопасности в будущем, проведения коренных социально-экономических преобразований, планового ведения народного хозяйства и развития культуры²³. Стремясь объединить все демократические силы освободительного движения, ППР вступила в переговоры с рядом демократических организаций и групп. В результате переговоров была выработана общая политическая плат-

²² Там же, стр. 433—434.

²³ Kształtowanie się podstaw programowych PPR, s. 140—151.

форма. Она была изложена в «Манифесте демократических общественно-политических и военных организаций в Польше», обнародованном в декабре 1943 г. В нем предусматривалось создание подлинного политического представительства народа — Крайовой рады народной (КРН) для руководства освободительной борьбой народа и перестройки социально-экономической и политической жизни страны на демократических основах. После освобождения от гитлеровской оккупации КРН должна была образовать временное правительство, которое действовало бы до принятия конституции ²⁴.

В ночь с 31 декабря 1943 г. на 1 января 1944 г. в Варшаве представителями ППР, ГЛ, левого крыла Рабочей партии польских социалистов, радикального направления в крестьянском движении и Батальонах хлопских, профсоюзов, левых кругов интеллигенции и молодежи, объединявшейся вокруг Союза борьбы молодых, была создана Крайова рада народа. Председателем КРН был избран член ЦК ППР Б. Берут. КРН приняла декларацию, в которой определялась программа ее деятельности. Выражая волю народа, КРН ставила своей главной задачей объединение и мобилизацию всех его сил на борьбу с оккупантами, заявляла о своем стремлении осуществить после освобождения страны демократические преобразования, воссоединить в едином государстве все польские земли, установить прочные отношения дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, развивать сотрудничество с другими народами ²⁵.

Декретом КРН создавалась Армия людова (АЛ) «как основная вооруженная сила польского народа», демократическая по своему духу. В ее состав входили вооруженные силы демократических организаций, представленных в КРН. Предусматривалось включение в состав АЛ польских воинских формирований, находившихся за границей ²⁶. Верховным главнокомандующим АЛ назначался генерал М. Жимерский («Роля»).

Командование АЛ провело организационную перестройку подпольной партизанской армии, пополнило ее личный состав, осуществило ряд мер по повышению ее боевой подготовки. Значительно расширились боевые действия отрядов АЛ. В первых месяцах 1944 г. ими было произведено около 60 диверсий на железных дорогах, 35 нападений на учреждения оккупантов, свыше 50 схваток с отрядами полиции и жандармерии ²⁷. Широкий размах приобрело партизанское движение весной и летом на территории Люблинского и Келецкого воеводств. Отряды АЛ, дислоцированные на Люблинщине, вели упорные бои с превосходящими силами противника, стремившегося очистить этот район от партизан. В ходе боев с партизанами каратели понесли большие потери. Диверсионные отряды АЛ провели в апреле — мае 84 акции на коммуникациях врага. Находившиеся здесь отряды советских партизан тесно взаимодействовали с отрядами АЛ. Чувствительные удары оккупантам наносили отряды АЛ в Келецком воеводстве и других районах страны.

Части 1-го польского корпуса после окончания обучения в начале января 1944 г. были направлены на Смоленщину в район Лаптева, где находилась 1-я польская дивизия. Сосредоточенные здесь силы корпуса насчитывали 24 660 человек. В оперативном отношении корпус подчинялся командующему Западным фронтом и находился во фронтовом резерве. В Селецких лагерях продолжалось формирование 3-й польской пехотной дивизии. Личный состав корпуса увеличился до 40 тыс. человек.

²⁴ Ibid., s. 461—468.

²⁵ Ibid., s. 469—473.

²⁶ T. R a w s k i, Z. S t a p o r, J. Z a m o j s k i. Ibid., s. 428.

²⁷ Ibid., s. 478.

Идя навстречу пожеланиям Союза польских патриотов, Советское правительство в марте 1944 г. разрешило преобразовать польский корпус в 1-ю польскую армию. 13 марта НКО СССР отдал приказ о переводе штата управления корпуса на штат армии и сформировании в составе армии 4-й пехотной дивизии и других соединений и частей²⁸. В связи с этим части корпуса, расположенные на Смоленщине, перемещались в район Житомира. По пути следования к месту назначения отдельный дивизион зенитной артиллерии в ночь с 7 на 8 апреля на станции Дарница под Киевом принял участие в отражении налета немецкой авиации. К середине апреля основные части корпуса были сосредоточены в указанном месте. Корпус был подчинен командующему 1-го Украинского фронта. В Сумах, где находился запасной полк, формировались новые части армии. Командующим армии стал генерал З. Берлинг, его заместителями были назначены генерал К. Сверчевский и полковник А. Завадский — председатель Центрального бюро польских коммунистов в СССР.

29 апреля 1944 г. 1-я польская армия была подчинена командующему 1-го Белорусского фронта. К 1 июля во втором эшелоне фронта находилось 42 тыс. солдат, остальные 35 тыс. солдат оставались в районе Сум. В результате дальнейшего пополнения армии ее личный состав увеличился до 100 тыс. человек. Она имела четыре пехотные дивизии, танковую бригаду, кавалерийскую бригаду, пять артиллерийских бригад, дивизию зенитной артиллерии, саперную бригаду и ряд отдельных частей и подразделений различных родов войск и служб, а также ряд частей, находившихся в процессе формирования. Она представляла собой крупное воинское формирование, способное решать важные задачи оперативного характера, и готова была принять участие в освобождении Польши от гитлеровской оккупации.

Летом 1944 г. советские войска, осуществляя крупные стратегические наступательные операции, разгромили гитлеровские группы армий «Центр» и «Северная Украина», вышли к границам Польши и начали освобождение польских земель от фашистских поработителей.

21 июля КРН образовала Польский комитет национального освобождения (ПКНО) — орган временной исполнительной власти для руководства освободительной борьбой народа, завоевания независимости и восстановления польской государственности. ПКНО 22 июля опубликовал в г. Хелме «Манифест к польскому народу». В нем провозглашалось создание польского народно-демократического государства, предусматривалось проведение коренных социально-экономических и политических преобразований в стране и внешней политики, отвечающей интересам народа²⁹. День обнародования Манифеста стал днем рождения Народной Польши, национальным праздником польского народа.

В связи с признанием Союзом польских патриотов Крайовой рады народной единственным политическим представительством польского народа 1-я польская армия переходила в подчинение КРН. Декретом КРН от 21 июля 1944 г. 1-я польская армия объединялась с подпольной Армией людовой в единое Войско Польское³⁰. Верховным командующим Войском Польским стал генерал М. Жимерский, его заместителями назначались генералы З. Берлинг и А. Завадский.

1-я армия Войска Польского приняла участие в боевых операциях Советской Армии по освобождению восточной части Польши от гитлеровских оккупантов. Артиллерийские части 1-й армии, заняв огневые пози-

²⁸ Архив Института славяноведения и балканистики АН СССР.

²⁹ *Kształowanie się podstaw programowych PPR*, s. 502—510.

³⁰ «*Dziennik ustaw Rzeczypospolitej Polskiej*», 1944, № 1, poz. 2.

ции на реке Турии, 18 июля участвовали в 100-минутной артподготовке, а затем поддерживали наступление советских частей и подавляли артиллерию противника. За «образцовую боевую работу» во время боев, развернувшихся 20—22 июля в районе Дорогуска и Гусынье, польские артиллеристы получили благодарность от командира 91-го стрелкового корпуса³¹.

22—23 июля части 1-й армии переправились через Буг и вступили на польскую землю. Воодушевленные возможностью сражаться на родной земле против гитлеровских оккупантов, встречаемые с энтузиазмом населением, польские воины стремились достойно выполнить свой долг. 28 июля части армии подошли к восточному берегу Вислы на участке Рыцице — Демблин — Голомб и заняли оборонительные позиции. В ночь с 1 на 2 августа ими была предпринята попытка форсировать Вислу и захватить плацдарм на ее правом берегу. Эта боевая операция не имела успеха, но она отвлекла часть сил неприятеля и облегчила действия соседних советских армий. 7—9 августа армия была перебазирувана в район Гарволина — Ласкажева для оказания поддержки войскам, сражавшимся на магнушевском плацдарме. На плацдарм переправились 1-я танковая бригада, которая приняла участие в ликвидации прорыва противника под Студзянками, 3-я и 2-я пехотные дивизии, занявшие оборону на Нижней Пилице. 1-я пехотная дивизия обороняла участок от устья Свидра до устья Пилицы, 2 сентября она двинулась в направлении к Праге. Находясь в обороне до 12 сентября, армия вела разведку и бои местного значения в целях улучшения своих позиций. Польские авиаполки «Варшава» и «Краков» проводили разведывательные полеты и атаковали позиции и коммуникации противника. Взаимодействуя с наступающими советскими и польскими частями, партизаны совершали диверсии в тылу врага, нарушали его коммуникации и уничтожали мелкие группы противника³².

Успешное наступление советских войск и создание на освобожденной территории Польши народной власти вызвало большую тревогу в «лондонском» лагере. Его руководители, несмотря на неблагоприятные условия в связи с начавшейся стабилизацией фронта решили до подхода советских войск к Варшаве овладеть столицей и установить в ней свою власть. Без согласования с советским командованием подпольные вооруженные силы (Армия крайова), подчиненные польскому эмигрантскому правительству, 1 августа начали вооруженное восстание в Варшаве. В столице развернулись ожесточенные бои между повстанцами и гитлеровскими войсками. В них активное участие приняли находившиеся здесь подразделения Армии народной. Повстанцы, не ориентируясь в политических замыслах реакционных сил, героически сражались с врагом. Советское командование оказывало возможную в сложившихся условиях помощь борющемуся населению Варшавы.

10 сентября 1-я пехотная дивизия, действуя в составе 47-й армии, вступила в бой с врагом в развилке Вислы и Буго-Нарева. Она провела его успешно, за что получила благодарность от Военного совета 1-го Белорусского фронта. Продолжая наступление, 11 сентября советские и польские части отбросили противника к Праге, подразделения дивизии подошли к Кавенчину и Грохову. 12 сентября дивизия овладела населенными пунктами Кавенчин, Антонинов и Эльснеров, ворвалась на станцию Утрага, приняла участие в отражении атаки врага и в последующие дни, ведя упорные бои, продвигалась вперед и к утру 15 сентября вышла

³¹ T. R a w s k i, Z. S t a p o r, J. Z a m o j s k i. Ibid., s. 519.

³² Ibid., s. 520—524.

к берегу Вислы³³. За образцовое выполнение заданий командования, овладение крепостью Прага и проявленные при этом доблесть и мужество 1-я пехотная дивизия указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 ноября 1944 г. была награждена орденом Красного Знамени.

В соответствии с приказом командования 1-го Белорусского фронта части 1-й армии сосредотачивались на участке Пельцовизна — Збытки. Перед ней ставилась задача провести разведку и подготовиться к форсированию Вислы. Командующий 1-й армией решил с ходу форсировать Вислу в направлении Саска Кемпа, Черняков. В ночь с 15 на 16 сентября подразделения 3-й пехотной дивизии переправились у Чернякова, в последующие дни предпринимались попытки форсировать Вислу на других участках и закрепиться на ее левом берегу, однако, успеха они не имели. 22 сентября армия перешла к обороне на участке Пельцовизно — Карчев.

Руководители восстания в Варшаве не желали сотрудничать с советским и польским командованием. Восстание потерпело поражение.

В октябре части армии предприняли наступательные действия в северо-западном направлении, овладели южной окраиной Жерани и Яблонна, а затем до начала января 1945 г. занимали оборону на участке Яблонна — Карчев³⁴.

КРН и ПКНО, имея в виду необходимость увеличения Войска Польского и его вклада в общую борьбу против гитлеровских захватчиков, приняли решение о создании новых соединений и частей народных вооруженных сил. Советское правительство оказало им всемерную помощь в осуществлении этой задачи.

В конце августа 1944 г. началось формирование 2-й армии Войска Польского на Подлясье. Она создавалась в составе четырех (5, 6, 7 и 8-й) пехотных дивизий (6-я дивизия в декабре была передана в 1-ю армию), бригады противотанковой артиллерии, зенитной артиллерийской дивизии, минометного полка, полка тяжелых танков, саперной бригады, полка связи и других частей и подразделений. В конце декабря в армии насчитывалось 55 тыс. солдат и офицеров. В феврале 1945 г. в нее были включены 10-я пехотная дивизия, бригада противотанковой артиллерии, советская танковая бригада и полк танковой артиллерии. Армией командовал с сентября по декабрь генерал С. Поплавский, а затем генерал К. Сверчевский. В декабре 1944 г., 1-я армия была пополнена 6-й пехотной дивизией и саперной бригадой, командующим 1-й армией назначался генерал С. Поплавский. Были сформированы танковый и авиационный корпуса и другие воинские части и подразделения. К началу 1945 г. в боевых частях Войска Польского находилось свыше 200 тыс. солдат и офицеров.

В январе 1945 г. начались крупные наступательные операции советских войск, осуществлявшиеся силами семи фронтов. 14 января перешли в наступление войска 1-го Белорусского фронта, в составе которого находилась 1-я армия Войска Польского. Ближайшей задачей фронта являлось освобождение Варшавы. Прорвав оборону противника, войска фронта развивали наступление в сходящихся направлениях, что создавало условия для окружения варшавской группировки врага. Польской армии была поручена почетная задача непосредственного освобождения столицы Польши. 16 января 2-я пехотная дивизия форсировала Вислу в районе Кемпы Келпинской и наступала в южном направлении вдоль левого берега реки, а 1-я кавалерийская бригада, переправившись через Вислу восточнее Карчева, заняла Оборки, Опач, Оборы, Пяски. В связи с отходом про-

³³ Ibid., s. 594—602.

³⁴ Ibid., s. 597—602.

тивника от Вислы была введена в действие главная ударная группировка 1-й армии. В ночь с 16 на 17 января она форсировала Вислу в районе Гуры Кальварии, а 6-я пехотная дивизия переправилась на западный берег реки в районе Белян, Секерек и Вилянова. В ходе боевых действий 17 января Варшава была очищена от неприятеля³⁵.

После освобождения Варшавы 1-я армия, обеспечивая безопасность правого фланга фронта, совершила 20—24 января марш-маневр до Быдгощи. Затем она продвинулась до реки Гвды, за которой располагалась полоса прикрытия Померанского вала. С 31 января по 12 февраля армия вела упорные наступательные бои с противником. Прорвав его оборону на Померанском вале, она освободила ряд населенных пунктов и отразила контратаки врага. 13 февраля армия перешла к обороне.

В то же время продолжалось формирование новых частей Войска Польского. Весной 1945 г. в его составе насчитывалось около 400 тыс. человек.

1 марта в рамках Померанской операции начались боевые действия частей 1-й армии и резерва Верховного командования Войска Польского. Они овладели опорными пунктами противника Боруйско, Злоцонец, Дравско, приняли участие в окружении и ликвидации его сил в районе Свидвина, вышли к берегу Балтийского моря севернее Гжибова, освободили г. Колобжег.

2-я армия Войска Польского в это время находилась в районе Гожова Велькопольского. 20 марта она вместе с танковым корпусом и 2-й артиллерийской дивизией перешла в подчинение командующего 1-м Украинским фронтом, направилась в Нижнюю Силезию и сосредоточилась в начале апреля в районе Болеславца.

Оперативные и тактические соединения Войска Польского приняли участие в Берлинской операции. 1-я армия, заняв позиции на правом берегу Одры, на участке Старая Рудница — Гоздовице, 16 апреля форсировала Одру и, продвигаясь вперед, 22 апреля вышла к каналу Гогенцоллернов, форсировала его, достигла рубежа Бернёве — Ораниенбург — Науэн и заняла там оборону. 1-я пехотная дивизия, 2-я артиллерийская гаубичная бригада и 6-й отдельный понтонно-мостовой батальон участвовали в штурме Берлина. Продолжая наступательные действия, части армии 3—6 мая продвинулись до Эльбы.

2-я армия, занимавшая позиции на правом берегу Нисы Лужицкой, на участке Мосты — Прендоцице, начала наступление 16 апреля. Она сломала сопротивление противника на Нисе Лужицкой и продвигалась в направлении Будишина и Дрездена. На нее обрушился сильный контрудар врага. Ведя упорные бои, она сдерживала натиск противника и в начале мая вместе с 5-й гвардейской армией и 52-й армией восстановила единый фронт, обращенный на юг. На заключительном этапе войны 2-я армия приняла участие в Пражской операции, в освобождении Чехословакии от гитлеровской оккупации³⁶.

Советское правительство высоко оценило подвиг и боевое мастерство польских воинов. Ряд соединений и частей Войска Польского были награждены орденами СССР, получили наименования «Пражских», «Померанских» и т. д., в честь их побед салютовала Москва.

Народное Войско Польское плечом к плечу с Советской Армией прошло славный боевой путь от Ленино до Берлина. Оно приняло участие в освобождении Польши от гитлеровского ига и внесло достойный вклад в

³⁵ K. S o b c z a k. Wyzwolenie Warszawy. Styczeń 1945. Warszawa, 1964, s. 211—290.

³⁶ T. R a w s k i, Z. S t a p o r, J. Z a m o j s k i. Ibid., s. 677 i n.

общее дело победы над фашистскими агрессорами. Этому способствовала большая и всесторонняя помощь Советского Союза в создании польских народных вооруженных сил, содействие советского народа в выполнении ими своей исторической миссии. До 1 января 1945 г. на содержание польского военного формирования на территории СССР НКО СССР израсходовал 723 264 095 руб. С мая 1943 г. до окончания войны было передано Войску Польскому 410 тыс. винтовок и автоматов, около 19 тыс. пулеметов, около 7 тыс. противотанковых ружей, около 1500 минометов, 3,5 тыс. орудий, более 1 тыс. самолетов, около 670 танков и самоходных установок, около 12 тыс. автомашин. Особенно ценной была помощь кадрами. В период с мая 1943 г. до окончания войны в Войско Польское было откомандировано из Советской Армии около 19 тыс. офицеров и более 13 тыс. младших командиров и рядовых — специалистов технических войск³⁷, которые, передавая свой боевой опыт польским воинам, вместе с ними геройски сражались с общим врагом.

В годы войны, в совместной с Советской Армией борьбе против гитлеровских захватчиков получили дальнейшее развитие и обогатились новым содержанием боевые традиции народного Войска Польского. Их характерными чертами являются глубокий патриотизм и демократизм, преданность своему народу, делу мира и социализма, сознание своего интернационального долга, стремление к упрочению польско-советского боевого содружества, высокое боевое мастерство, мужество и героизм.

Народное Войско Польское сыграло важную роль в укреплении народно-демократического государства, в освоении западных и северных земель, в проведении социально-экономических преобразований в стране. Участвуя в строительстве народной Польши, оно совершенствовало свое боевое мастерство, повышало свой идейно-политический уровень. В интернациональном братском союзе с Советской Армией и вооруженными силами других социалистических стран народное Войско Польское стояло и стоит на защите безопасности польского народа и всего социалистического содружества.

---

³⁷ Архив Института славяноведения и балканистики АН СССР. Во время советско-польских переговоров в мае 1946 г. все обязательства, возникшие в год войны в связи с вооружением и снабжением, были аннулированы. «Известия», 1946, 28 мая.

М. А. БИРМАН

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ БОЛГАРСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА В 1918—1923 гг. И АНТИФАШИСТСКОЕ СЕНТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1923 года

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала большое влияние на рост политического сознания болгарского пролетариата и его передового отряда — Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов). Партия тесняков заняла позицию полной поддержки революции в России. В историческом воззвании «К рабочим и мелким собственникам в городах и селах», написанном сразу же после Октябрьской революции секретарем ЦК партии тесняков Г. Кирковым и распространенном большим для Болгарии тиражом (10 тыс. экземпляров), тесняки призывали болгарский пролетариат («как более сознательную часть болгарского народа») «...поднять свой голос и по примеру своих русских братьев первыми решительно и смело подняться на борьбу»¹. Борьба эта, — указывалось в воззвании, — неизбежно завершится победой революционного социализма над капитализмом.

Активизация агитационно-пропагандистской деятельности тесняков: нелегальное распространение антивоенных воззваний и прокламаций, смелые открытые выступления депутатов-тесняков (Д. Благоева, Г. Киркова, Г. Димитрова, В. Коларова, Хр. Кабакчиева и др.) в парламенте и на рабочих собраниях и митингах в поддержку предложений Советского правительства о мире имели широкий резонанс в стране. Быстро растет политическая активность трудящихся масс в тылу и солдат на фронте. В конце 1917 и начале 1918 г. проходит волна митингов, демонстраций и волнений в Пловдиве, Софии, Габрово, Сливене, Плевене и других городах. Рабочие предприятий (в подавляющем большинстве, по условиям военного времени, — женщины) требовали заключения мира и улучшения продовольственного положения². Массовые выступления против войны и реквизиций имели место в первые месяцы 1918 г. и в деревнях — в частности, в селах Габровской и Русенской околий; в некоторых селах происходили столкновения с реквизиционными командами³.

Росло революционное брожение и в армии; орган тесняков — газета «Работнически вестник» стал самой популярной у солдат газетой. В воинских подразделениях возникали нелегальные солдатские комитеты. Усилению революционных настроений в болгарской армии способствовало

¹ «Българска работническа партия (комунисти) в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК» (далее — «БРП (к) в резолюции...»), т. I. София, 1947, стр. 420.

² «Дневници (стенографски) на XVII Обикновено Народно собрание, IV редовна сесия» (далее — «Дневници на XVII ОНС, IV р. с.»), стр. 1099, 1106, 1419.

³ «Доклад на парламентарната изпитателна комисия», София, 1923, стр. 18—19.

братание с русскими солдатами на румынском фронте, принявшее после Октябрьской революции массовый характер⁴. Активность болгарских солдат быстро нарастала. С конца 1917 г. под влиянием событий в России и усилившейся агитации тесняков в болгарской армии участились волнения. По признанию болгарского генерала, в 1918 г. «редка была часть в которой не происходили бы бунты»⁵. К лету 1918 г. в Болгарии явно созрела революционная ситуация.

Прорыв войск Антанты у Доброполе на Салоникском фронте и попытка болгарского командования расстрелами отступавших солдат восстановить положение ускорили назревавший взрыв. 22—24 сентября 1918 г. в ряде подразделений отступавшей армии зародилось стихийное солдатское движение под лозунгами: «На Софию!» и «Смерть виновникам катастрофы!». Восставшие солдаты разгромили штаб-квартиру и 26 сентября захватили город Радомир в 30 км от Софии. Здесь 27 сентября по инициативе примкнувшего к восстанию лидера левого крыла Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) Р. Даскалова восставшие провозгласили в Болгарии республику во главе с президентом — популярным руководителем БЗНС А. Стамболийским.

Хотя отдельными группами восставших руководили комитеты во главе с тесняками, хотя тесняки своей предшествующей антивоенной деятельностью в значительной мере подготовили восстание, руководство партии тесняков вследствие сектантского отношения к крестьянству и к БЗНС неправильно оценило значение и перспективы восстания и самоустранилось от него⁶, отказавшись поддержать радикальных лидеров БЗНС, вставших во главе восстания. Таким образом, в критический для страны момент партия тесняков отставала от тех требований, которые история предъявляла к авангарду пролетариата.

Восстание явилось стихийной попыткой превращения войны империалистической в войну гражданскую. С помощью германских войск правительство разбило восставших у Софии. Однако, хотя восстание и потерпело поражение, революционные силы болгарского народа не были разгромлены. Обстановка в стране оставалась напряженной, и власть буржуазно-монархической клики держалась главным образом на штыках армии Антанты, оккупировавшей Болгарию в октябре 1918 г.

Новый этап в развитии революционной ситуации в стране ознаменовался быстрым нарастанием активности болгарского пролетариата, занявшего с конца 1918 г. авангардную роль в революционном движении трудящихся. В ноябре-декабре 1918 г. под руководством тесняков развернулась борьба болгарских рабочих за всеобщую амнистию политзаключенных, принимавшая все более острый и массовый характер. Эту борьбу поддержало и левое крыло БЗНС⁷. Мощное давление масс заставило правительство пойти на уступку, и в начале 1919 г. последовала амнистия политзаключенным.

Авторитет и влияние партии тесняков быстро росли. Под руководством партии и примыкавшего к ней объединения революционных профсоюзов (Общего рабочего синдикального союза — ОРСС) разворачивалась весной 1919 г. стачечная борьба пролетариата. К своему очередному XXII съезду, состоявшемуся 25—27 мая 1919 г., партия тесняков насчитывала около

⁴ ЦГВИА, ф. 2126, оп. 1., д. 371, л. 366; д. 373, л. 49, 117, 118, 124; ф. 2282, оп. 1, д. 271, л. 120, 129, 131.

⁵ «Доклад на парламентарната изпитателна комисия», стр. 13.

⁶ Г. Д и м и т р о в. Съчинения, т. 14. София, 1953, стр. 234; «История на Българската комунистическа партия». София, 1969, стр. 210—212.

⁷ «Дневници на XVII ОНС, IV и. с.», стр. 260, 553—554, 570, 581; «Работнически вестник», 20 XII 1918; 4 I 1919.

25 тыс. членов (по сравнению с 3 тыс. в 1915 г.)⁸. На съезде партия была преобразована в Болгарскую коммунистическую партию (тесных социалистов), что открыло новую главу в истории рабочего движения в Болгарии.

Съезд единодушно и безоговорочно одобрил вступление партии в ряды III Коммунистического Интернационала⁹. На нем была принята «Программная декларация», указывавшая на основе опыта революции в России средства и цели борьбы. Декларация провозгласила ближайшей задачей свержение капитализма и указала на необходимость установления диктатуры пролетариата¹⁰. Съезд осудил антипарламентские взгляды небольшой группы «левых». Преобразование партии в БКП (т. с.) не сопровождалось, однако, критическим пересмотром некоторых неправильных теоретических идейных установок — особенно свойственной тесянякам недооценки революционных возможностей крестьянства¹¹. В партии была распространена точка зрения, что тесяничество — это большевизм на болгарской почве, и что оно должно лишь приспособиться к новой международной обстановке¹². «Именно эта ошибочная точка зрения партии и особенно партийного руководства во главе с Димитром Благоевым, — отмечал позднее Г. Димитров, — долгое время задерживала партию на позициях старого марксизма и мешала ей воспринять своевременно то новое, что внес в марксизм гениальный Ленин...»¹³.

После I съезда БКП тесные социалисты постепенно под влиянием идей ленинизма стали подходить к пониманию значения крестьянства для судеб революции. Однако поставив перед пролетариатом задачу овладеть политической властью, БКП (т. с.) не сразу сумела обеспечить ему поддержку со стороны крестьянства.

В городе же успехи БКП были несомненны. Весной и летом 1919 г. страну потрясла невиданная по размаху волна возглавленных коммунистами стачек и демонстраций, в их числе — крупнейшие забастовки шахтеров Перника, табачников Пловдива, однодневные политические стачки рабочих городов Сливена, Самокова и Русе в июне — июле 1919 г.¹⁴. Нараставший натиск болгарского пролетариата заставил болгарские «верхи» пойти на реальные уступки — введение в июне 1919 г. 8-часового рабочего дня и т. п.¹⁵.

Показателем роста влияния БКП явились итоги парламентских выборов 17 VIII 1919 г. БКП получила на них 119 тыс. голосов (18,5% от общего числа голосов против 5,5% в 1914 г.) и 47 мандатов, заняв второе место после БЗНС, набравшего 198 тыс. голосов и 85 мандатов¹⁶. Реформистская же партия широких социалистов переживала кризис; она лишилась поддержки со стороны некоторых слоев пролетариата. Численность примыкающего к партии широких реформистского профобъединения к августу 1919 г. по сравнению с довоенным уровнем даже уменьшилась, что было поразительным контрастом с быстрым ростом примыкавшего к БКП (т. с.) и возглавлявшегося Г. Димитровым ОРСС, ряды которого

⁸ «Работнически вестник», 3 VI 1919.

⁹ «БКП в резолюции...», т. II, стр. 30; «Работнически вестник», 27 V 1919.

¹⁰ «БКП в резолюции...», т. II, стр. 6.

¹¹ «История на Българската комунистическа партия», стр. 218—220.

¹² Й. Йотков. Първият конгрес на Българската комунистическа партия (тесни социалисти) 1919. София, 1959, стр. 52—53.

¹³ Г. Димитров. Съчинения, т. 14, стр. 228.

¹⁴ «Работнически вестник», 19, 20 28 VI; 2, 3, 5, 14 VII 1919.

¹⁵ «Върховен съвет на труда». София, 1919, стр. 103—104; «Работнически вестник», 2 VII 1919.

¹⁶ «Статистически годишник на царство България. Години 1913—1922», отдел В. София, стр. 58—59; «Дневници на XVIII ОНС, I и с.», стр. 335.

к сентябрю 1919 г. (по сравнению с довоенным уровнем) увеличились в пять раз¹⁷. Левые в рядах партии широких социалистов, возглавлявшиеся видным деятелем рабочего движения Г. Бакаловым, стали издавать с октября 1919 г. журнал «Борба», критиковавший общую линию реформистского руководства партии¹⁸.

Осенью 1919 г. поднялась новая волна забастовок. Однако они проходили уже в условиях изменившейся расстановки сил. Ранее стачечная борьба разворачивалась на фоне то и дело прорывавшегося наружу большого недовольства крестьянских масс и мелкобуржуазных слоев города существующим положением. Теперь крестьянство, шедшее в основном за БЗНС (сформировавшем в октябре 1919 г. в коалиции с правыми буржуазными партиями правительство А. Стамболийского), с надеждой взирало на предстоящую реформаторскую деятельность Земледельческого союза. Начавшаяся 27 декабря стачка железнодорожников была поддержана по призыву БКП 29 декабря всеобщей политической забастовкой солидарности, организованно прекращенной 3 января 1920 г.¹⁹. Руководство БКП в условиях, когда крестьянские отряды «Оранжевой гвардии» выступили на поддержку правительства, осудило призывы «левых» коммунистов к вооруженному выступлению. 54-дневная героическая борьба железнодорожников и почтовиков, длившаяся по 18 февраля 1920 г., закончилась поражением. Поражение это, обусловленное как общей обстановкой в стране, так и раздробленностью профсоюзов, определило спад революционной волны в Болгарии к весне 1920 г. Но оно не означало разгрома революционного лагеря. Об этом свидетельствовали итоги новых парламентских выборов в марте 1920 г., когда БКП добилась увеличения своего влияния, собрав более 184 тыс. голосов²⁰. Еще большего успеха на выборах добился БЗНС, обеспечивший себе абсолютное большинство в Народном собрании и сформировавший в мае 1920 г. однопартийное правительство А. Стамболийского. Лагерь буржуазной реакции, влияние которого было подорвано революционной борьбой болгарского пролетариата и других слоев трудящихся за годы революционного кризиса, вынужден был без сопротивления уступить место у государственного руля БЗНС, рассматривая последний как «меньшее зло», с которым до поры до времени необходимо мириться.

Несмотря на поражение всеобщей стачки железнодорожников и спад забастовочной волны, БКП и революционные профсоюзы не утратили боевого духа. Участие реформистских профсоюзов железнодорожников во всеобщей стачке определило дальнейшие сдвиги и в рядах партии широких и примыкавших к ней профсоюзов. Левые элементы в их рядах, отражавшие стремление рабочих масс к единству, добивались объединения с БКП и революционными профсоюзами. Реформистское руководство, вынужденное считаться с настроениями в низах партии и профсоюзов, лавировало; еще в конце февраля 1920 г. оно выступило с декларацией «О сближении между двумя партиями»²¹. На страницах газеты «Народ», органа партии широких, все чаще появляются статьи, положительно оценивающие революцию в России и образование Коммунистического Интернационала, что отражало рост влияния в партии левых сил. На состояв-

¹⁷ Г. Димитров. Съчинения, т. 5, стр. 564; «Работнически вестник», 3, 24 IX 1919.

¹⁸ «Борба», 1919, кн. I, стр. 11; подробнее см. Й. Йотов. Центризъмът в българското социалистическо движение. София, 1969, гл. V.

¹⁹ См. подробнее: М. А. Бирман. Революционната ситуация в Болгарии в 1918—1919 г. М., 1957, гл. VII; Хр. Христоу. Революционната криза в България през 1918—1919 г. София, 1957, гл. 9.

²⁰ «Работнически вестник», 1, 2 IV 1920.

²¹ Там же, 23 II 1920.

шемся в июне 1920 г. XXIII съезде партии широких резолюция левого крыла, требовавшая разрыва со II Интернационалом и соглашения с III Интернационалом о восстановлении единства рабочего и социалистического движения, получила поддержку большинства делегатов. В конце концов в результате довольно искусных маневров оппортунистического руководства левое крыло во главе с Бакаловым вынуждено было в сентябре 1920 г. выйти из состава партии широких и присоединиться к БКП²². Вслед за этим в октябре 1920 г. присоединились к революционному профобъединению и некоторые реформистские профсоюзы, в руководстве которых сильно было влияние представителей левого крыла²³.

В результате этого удара, нанесенного по реформизму, к концу 1920 г. положение БКП и руководимого ею ОРСС укрепились. В партии широких на долгое время победили антикоммунистические тенденции, но она вышла из кризиса существенно ослабленной.

Пришедшее в мае 1920 г. к власти однопартийное правительство БЗНС во главе с А. Стамболийским взяло курс на осуществление широкой программы реформ (в том числе аграрной), отражавшей надежды и чаяния крестьянских масс Болгарии. Стамболийский и другие лидеры БЗНС действовали, исходя из мелкобуржуазной теории аграризма, в основе которой лежало представление о том, что общество делится на враждебные друг другу городские и сельские сословия; они провозглашали крестьянство руководителем политической жизни страны и призывали к установлению крестьянской демократии без рабочих и даже против них.

В обстановке, когда влияние буржуазных партий в стране резко упало, руководство БЗНС рассматривало БКП своим основным соперником в борьбе за массы (в том числе крестьянские). Оно стремилось подорвать влияние БКП в массах — в частности, в 1921 г. были распущены муниципалитеты с коммунистическим большинством в ряде городов (Варна, Русе, Самоков, Плевен и др.)²⁴.

Воспользовавшись трудностями, связанными с экономическим кризисом (безработицей и т. п.), буржуазия перешла в 1921 г. в наступление на пролетариат, стремясь лишить его завоеваний 1919 года. Падала реальная заработная плата²⁵. Болгарский пролетариат ответил на это оборонительными стачками — в первую очередь, на предприятиях деревообделочной, швейной и горнодобывающей промышленности²⁶. Во главе борющихся рабочих стояли руководившие профсоюзами коммунисты из ОРСС, тесно связанного с БКП. Партия широких социалистов, хотя и значительно ослабленная, имела еще некоторое влияние среди ремесленных рабочих, железнодорожников и государственных служащих и часто выступала против забастовок; ее правые лидеры блокировались с лагерем буржуазной реакции в борьбе против БКП и против правительства Стамболийского. Перспективы политической борьбы в стране зависели во многом от развития отношений между БКП и БЗНС.

В это время БКП овладевает ленинским учением, в частности по крестьянскому вопросу. В 1919 г. партия выпустила ряд брошюр (В. Коларова, Б. Илиева и др.) об аграрном вопросе и о крестьянстве, а с 1920 г.

²² Там же, 30 IX 1920.

²³ В. Хаджиниколов, Д. Младенов, М. Исусов, Вл. Топалов, Ст. Великов, Д. Мичев, В. Василев, В. Георгиев, Д. Шарланов. История на профсъюзното движение в България. София, 1968, стр. 171—172.

²⁴ «Работнически вестник», 2 VIII 1921.

²⁵ «Синдикален бюлетин», София, 1921, № 7.

²⁶ В. Хаджиниколов, Д. Младенов, М. Исусов, А. Георгиев, В. Василев. Стачните борби на работническата класа в България. София, 1960, стр. 269—273.

стала издавать специальную газету для крестьян «Селски вестник». На основе аграрных тезисов В. И. Ленина, опубликованных в связи со II конгрессом Коминтерна, III съезд БКП (т. с.) в мае 1921 г. выработал платформу по аграрно-крестьянскому вопросу.

Резолюция съезда по докладу Д. Благоева, обосновавшая политику привлечения трудового крестьянства к пролетарской революции²⁷, была большим шагом вперед в идейном развитии БКП. Однако, верно нацелив партию на установление союза с крестьянством, как необходимого условия победы революции в Болгарии, съезд не выработал твердой и аргументированной политики по отношению к массовой крестьянской организации — БЗНС, находившейся у власти. БКП ошибочно оценивала демократическую в целом, хотя и не последовательную реформаторскую деятельность земледельческого правительства Стамболийского, считая его обычным буржуазным правительством²⁸, а БЗНС — партией сельской буржуазии, и не допускала никаких переговоров и единых действий с союзом.

Между тем болгарская реакция накапливала силы. Крупная буржуазия была недовольна проводимыми правительством Стамболийского реформами; несмотря на их половинчатость, они весьма затронули ее интересы. Понимая, что парламентским путем прийти к власти не удастся, реакционные силы стремились восстановить свою политическую монополию путем подготовки военно-фашистского переворота. Шли длительные переговоры об объединении усилий старых реакционных буржуазных партий, закончившиеся созданием Конституционного блока. Параллельно в качестве политического центра сплочения новых, фашистских сил был создан тайный «Народный сговор».

Реакция установила контакты и с врангелевцами, которых правительство БЗНС вынуждено было (под давлением Антанты) допустить на территорию страны. Врангелевцы, размещенные в крупнейших болгарских городах и сохранившие фактически свои воинские формирования, руководимые белогвардейскими генералами, мечтавшими превратить Болгарию в базу для антисоветских авантур, были находкой для болгарской реакции, нуждавшейся в штыках для расправы с революционными и демократическими силами болгарского народа.

БКП бдительно следила за происками болгарской реакции и врангелевцев. Уделяя большое внимание популяризации идей и лозунгов Октября, пропаганде среди трудящихся успехов Страны Советов, болгарские коммунисты вели настойчивую борьбу за установление дипломатических отношений с Советской Россией и систематически разоблачали антисоветские поползновения международного империализма и болгарской реакции.

В конце марта — начале апреля 1922 г. в связи с опубликованием БКП сенсационных материалов о связях врангелевцев с болгарской реакцией по стране прокатилась волна организованных БКП митингов и демонстраций. В апреле 1922 г. руководство БКП приняло важное решение, свидетельствовавшее о пачале фактического поворота партии к тактике единого фронта с БЗНС. В решении говорилось: «... Хотя между Коммунистической партией и Земледельческим союзом ныне невозможно никакое политическое соглашение, однако техническое сотрудничество между ними допустимо»²⁹. Партия призвала весь болгарский народ встать на защиту свободы и независимости страны.

Правительство БЗНС приняло некоторые, хотя и половинчатые, меры против врангелевцев — их главари были высланы из Болгарии. Но реакция не оставила своих планов.

²⁷ «Работнически вестник», 1, 4, 12, 18 V 1921.

²⁸ «БКП в революции...», т. II, стр. 125, 145—147, 175—177, 262.

²⁹ Там же, стр. 159.

Решение руководства БКП о техническом сотрудничестве с БЗНС было проявлением поступательного развития БКП и всего международного коммунистического движения, отразившегося в резолюциях III конгресса Коминтерна (июнь 1921 г.) о работе с массами и тезисах ИККИ о едином рабочем фронте, выработанных в конце 1921 — начале 1922 г. В июне 1922 г. на IV съезде БКП был выдвинут лозунг единого фронта. Съезд призвал рабочих и малоимущих крестьян, весь трудовой народ, к решительной борьбе с контрреволюцией.

Однако в наметившейся тактике единого фронта было много непоследовательного и противоречивого. Призывы к единому фронту сопровождались оговорками о невозможности политических соглашений с БЗНС; политика единого фронта понималась коммунистами как линия на отрыв членов БЗНС от его руководства и привлечение земледельцев и членов партии широких социалистов в БКП, как объединение неорганизованных трудящихся под знаменем БКП³⁰.

Тем не менее даже такая не безупречная тактика БКП в борьбе за единый фронт приносила свои плоды. В августе — сентябре 1922 г., когда реакционеры перешли в наступление, объявив мобилизацию своих сил, БКП снова подняла массы на борьбу с буржуазной реакцией. Следуя призыву партии, коммунисты и комсомольцы проявили в тревожное время дисциплинированность и стойкость. Вооруженные рабочие после окончания трудового дня несли охрану зданий БКП. Так как правительство не решалось раздать рабочим оружие для борьбы против заговорщиков, коммунисты должны были активизировать собственные усилия в этом направлении. Среди членов партии был в это время распространен клич: «Продай пальто — купи ружье». По инициативе БКП в октябре 1922 г. в окрестных центрах и многих других городах были проведены массовые митинги и собрания трудящихся³¹, объективно явившиеся поддержкой БЗНС в борьбе против реакционного блока. В некоторых местах намечалось сближение между коммунистами и земледельцами в борьбе с реакцией.

Широкое распространение и поддержку получило в это время требование БКП предать суду министров буржуазных правительств, ответственных за национальные катастрофы Болгарии в 1913 и 1918 гг. (многие бывшие министры указанных кабинетов были к тому же лидерами партий Конституционного блока). Это требование стало популярным среди членов БЗНС, и правительство Стамболийского решило провести всенародный референдум по вопросу о виновности министров. БКП и БЗНС призвали своих сторонников голосовать за признание министров виновными и добились совместно большого успеха, собрав около 70% поданных голосов. Реакционные буржуазные партии, выступавшие против осуждения министров, потерпели поражение, не собрав и 1/4 голосов. Широкие социалисты, занявшие промежуточную позицию, получили менее 6% голосов³². Так в ноябре 1922 г. в результате усилий БКП и БЗНС реакция потерпела в связи с референдумом серьезное поражение. Вслед за этим руководство БЗНС, решив, что опасности справа больше не существует, направило основной удар против БКП.

22 апреля 1923 г. были проведены новые выборы в Народное собрание. Реакционные буржуазные партии, объединенные в Конституционный блок, собрали на этот раз на 1/3 меньше голосов, чем на парламентских выборах в 1920 г. За партию широких, лидеры которой по существу под-

³⁰ Там же, стр. 194—196.

³¹ «Селски вестник», 26 X 1922.

³² «Работнически вестник», 24 XI 1922.

держивали Конституционный блок в борьбе против БЗНС и БКП, было подано около 3% голосов, вдвое меньше, чем на выборах в 1920 г. За БКП проголосовало 19% избирателей — на уровне 1920 г. Но ввиду того, что правительство БЗНС изменило на этот раз принцип представительства, установив мажоритарную систему, число депутатов БКП в Народном собрании резко упало. БЗНС, собрав 52,7% голосов, получил 212 мандатов из 245³³.

Опьяненное победой на выборах, правительство БЗНС еще более усилило репрессии против БКП. В этих условиях руководство БКП не сумело трезво оценить обстановку и соотношение сил в стране³⁴. Резолюция Высшего партийного совета БКП от 25—26 апреля 1923 г. отходила уже даже от формулы технического сотрудничества с БЗНС в борьбе против реакции. Выдвигалась тактика борьбы на два фронта — против «двух крыльев буржуазии», городской и сельской. Когда Конституционный блок выступил против БЗНС, — говорилось в резолюции, — необходимо выступить как против городской, так и против сельской буржуазии, за рабоче-крестьянское правительство³⁵.

Обострением отношений между БКП и БЗНС не замедлил воспользоваться фашистский лагерь. Реакционеров пугала растущая активность болгарского пролетариата. Новая значительная волна забастовок, к середине 1922 г. охватившая предприятия всех отраслей промышленности (в особенности — табачной, кожевенно-обувной, швейной, текстильной металлообрабатывающей, кирпичной и т. д.), не спадала и в первые месяцы 1923 г.³⁶ В стачечную борьбу включились и сельскохозяйственные рабочие³⁷.

В ночь с 8 на 9 июня 1923 г. заговорщики, опираясь на воинские подразделения, которыми командовали реакционные офицеры из Военной лиги, произвели переворот в Софии. Министры правительства БЗНС были арестованы. Царь Борис назначил главой нового правительства одного из руководителей фашистского Народного сговора, организатора переворота профессора А. Цанкова. В состав правительства вошли представители старых реакционных партий, Народного сговора, Военной лиги, а также и «независимый социалист», фактически связанный с партией широких социалистов.

Переворот вызвал возмущение трудящихся деревни и города. В ряде районов выступлениями руководили местные организации БКП. Так произошло, в частности, в городах Плевен (где созданный коммунистами комитет действия во главе с А. Халачевым захватил большую часть города), Каяли, Айтос, в селе Килифарово и других местах. Вооруженные выступления рабочих и крестьян, руководимых коммунистами (часто в союзе с земледельцами или при их поддержке), произошли также в Карловской, Кнежанской, Оряховской, Бело-Слатинской, Тырновской, Асеновградской, Ихтиманской и многих других околиях.

В некоторых районах на борьбу с реакционерами выступили деятели БЗНС, устанавливавшие связи с коммунистами — в Пазарджикской околии (где во главе отрядов плохо вооруженных крестьян выступил А. Стамболийский), в Радомирской, Орханйской, Шуменской, Никопольской, Пирдопской и др. Несколько городов (Троян, Радомир, Орха-

³³ «Статистика на изборите за народни представители за XX ОНС». София, 1927, стр. 93—94.

³⁴ «История на Българската комунистическа партия», стр. 268.

³⁵ «БКП в резолюции...», т. II, стр. 259.

³⁶ В. Хаджиниколов, Д. Младенов, М. Исусов, А. Георгиев, В. Василев. Там же, стр. 273—294.

³⁷ «Селски вестник», 22, 29 VI; 14 VII; 25, 30 XI; 29 XII 1922.

ние) оказались в руках восставших. В вооруженной борьбе с воинскими подразделениями, руководимыми офицерами-фашистами, с 9 по 14 июня во многих районах страны приняли участие десятки тысяч рабочих и крестьян во главе с коммунистами и земледельцами³⁸. Лозунгом значительной части восставших было установление рабоче-крестьянской власти. Создавались предпосылки для единого фронта рабочих и крестьян. Многие коммунисты и рабочие, не принявшие участие в борьбе, готовы были выступить по сигналу БКП. Но этого сигнала не последовало. Руководство БКП, отстаивая свою фатально ошибочную линию нейтралитета в борьбе между «двумя фракциями буржуазии», дало указание всем организациям занять выжидательную позицию³⁹.

Этим воспользовалась реакция. Не имея опоры в массах, но используя отсутствие централизованного руководства и координации в действиях повстанцев, фашистские заговорщики, опираясь на регулярные воинские подразделения, легко разбили восставших по частям и захватили власть по всей стране.

«Нейтральная» позиция ЦК БКП вызвала недоумение во многих организациях БКП, готовых к борьбе с реакцией. Значительное число коммунистов Софийской, Пазарджикской и иных организаций, Видинский окружной комитет, часть Бургасского окружного комитета и другие — осудили эту позицию⁴⁰. Руководство БКП подверглось критике и со стороны ИККИ. В письме, посланном еще 14 июня 1923 г., ИККИ советовал ЦК БКП пойти на совместные решительные действия с БЗНС и Стамбульским, напоминая о тактике большевиков во время корниловщины⁴¹. Проходивший с 12 по 23 июня пленум ИККИ, охарактеризовавший переворот 9 июня 1923 г. в Болгарии, как важный момент в наступлении капитала, отметил большое международное значение событий в Болгарии. Пленум помог БКП и другим компартиям, всему международному коммунистическому движению извлечь уроки из болгарских событий⁴². Пленум призвал болгарских рабочих и крестьян подняться на борьбу против фашистской власти, за рабоче-крестьянское правительство⁴³. Июньские события и ошибочная позиция руководства БКП послужили толчком для дискуссий по проблемам стратегии и тактики международного коммунистического движения. Выступив с открытой товарищеской критикой позиции БКП, ИККИ и солидаризировавшиеся с ним коммунистические партии тем самым помогли БКП быстрее преодолеть ошибку.

Внутри ЦК БКП (т. с.), продолжавшего еще некоторое время придерживаться доктринерской позиции, под влиянием обстановки и нараставшей критики со стороны местных организаций и ИККИ складывалось революционное ядро во главе с В. Коларовым и Г. Димитровым, которое добивалось отхода от пассивной политики «нейтралитета» и перехода к активной борьбе и подготовке вооруженного восстания⁴⁴.

5—7 августа 1923 г. руководство БКП приняло важное решение о подготовке вооруженного восстания, направленного на свержение правительства Цанкова и установление рабоче-крестьянского правительства.

³⁸ Д. К о с е в. Септемврийското въстание 1923 г. София, 1954, стр. 49—76; И. М и т е в. Фашисткият преврат на девети юни 1923 година и юнското антифашистско въстание. София, 1956, стр. 169—272.

³⁹ «Работнически вестник», 9, 11, 15 VI 1923.

⁴⁰ «БКП в резолюции...», т. II, стр. 349.

⁴¹ Там же, стр. 348.

⁴² «Коммунистическият Интернационал в документах», М., 1932, стр. 368—383.

⁴³ «Правда», 29 VI; 4 VII 1923.

⁴⁴ Д. К о с е в. Там же, стр. 87—92, 262—278; «БКП в резолюции...», т. II, стр. 349—352.

Условием успешной подготовки восстания, — отмечалось в решении, — является создание единого фронта трудящихся города и деревни; в основу платформы единого фронта была положена защита отнятых прав и свобод и находившихся в опасности жизненных интересов трудящихся ⁴⁵.

Уделив внимание военно-технической стороне подготовки восстания, ЦК БКП предпринял одновременно ряд шагов к созданию единого фронта. Еще 31 июля ЦК обратился к трудящимся с призывом сплотиться для отпора фашистской реакции ⁴⁶. В августе несколько предложений о создании единого фронта без выдвижения каких-либо предварительных условий было направлено партии широких, реформистским профсоюзам, союзу ремесленников, организациям БЗНС и некоторым иным организациям и группировкам ⁴⁷.

Однако эти шаги БКП не встретили должной поддержки со стороны руководителей большинства названных партий и организаций. Лидеры широких социалистов, в частности, учитывая тяготение трудящихся к единому фронту, сманевривали. Поставив БКП десять «предварительных вопросов», они таким образом замаскировали свой отказ от принятия предложения о едином фронте. В то же время, не дожидаясь ответа БКП на эти вопросы, газета «Народ» выступила с призывом объявить БКП вне закона ⁴⁸.

Положительные отклики встретили обращения БКП лишь в организациях БЗНС. Земледельческий союз находился в это время в исключительно тяжелом положении: центральное руководство союза и значительное число организаций было разгромлено, а виднейшие его лидеры, А. Стамболийский и Р. Даскалов, и многие другие руководители и активисты (в особенности — представители левого крыла) были убиты. В рядах союза оформлялось во главе с П. Петковым и Д. Грынчаровым группа единопроптовцев, которая, учтя опыт 9 июня 1923 г., пришла к выводу о необходимости совместного с пролетариатом и БКП единого фронта борьбы против фашизма ⁴⁹. Многие местные организации БКП по рекомендации ЦК устанавливали и укрепляли связи с деятелями БЗНС; последние же сами обращались за советами и поддержкой к коммунистам. В ряде районов БКП оказала практическую помощь в восстановлении разгромленных организаций БЗНС ⁵⁰, принявших затем участие в подготовке к восстанию.

Большую роль в выработке нового курса партии и в популяризации идей единого фронта и сплочения трудящихся сыграли посвященные этим проблемам статьи Г. Димитрова, которые были опубликованы в последней декаде августа — первой декаде сентября в газете «Рабочнически вестник» ⁵¹.

В них (в отличие от прежней трактовки БКП проблемы единого рабочего фронта как единых действий коммунистов с низами социал-демократии и реформистских профсоюзов) впервые формулировалась четко и ясно идея необходимости и неотложности создания единого фронта труда, сплочения всех трудящихся — рабочих, крестьян, ремесленников, чиновников и интеллигенции — и их политических партий и экономических

⁴⁵ «БКП в резолюции...», т. II, стр. 272—274, 350—351.

⁴⁶ «Рабочнически вестник», 31 VII 1923.

⁴⁷ Там же, 14, 16, 29 VIII; 8 IX 1923.

⁴⁸ Г. Ц о н е в, А. В л а д и м и р о в. Сентябрьское восстание в Болгарии 1923 г. М., 1934, стр. 103—104.

⁴⁹ Д. Т и ш е в. Единодействието между комунисти и земеделци в борбата против фашизма. София, 1967, стр. 110—120; «Септември 1923. Спомена», София, 1953, стр. 9.

⁵⁰ «Септемвријци за септември», т. I. София, 1963, стр. 26; «25 годишнината на септемвријското въстание», София, 1948, стр. 141—143, 164—166.

⁵¹ «Рабочнически вестник», 22, 23, 24, 27, 29, 30, 31 VIII; 1, 4, 5, 7 IX 1923.

организаций (от коммунистов до радикалов) в борьбе против реакции и фашизма⁵².

Новая тактическая линия партии, сформулированная в статьях Г. Димитрова, диктовалась изменившейся расстановкой сил в стране, а также и опытом БКП и всего международного рабочего и коммунистического движения. В новых условиях, как отмечал Г. Димитров, главной задачей партии является борьба с фашизмом с помощью единого фронта труда, объединения всех трудящихся под лозунгом свержения военно-фашистской диктатуры и замены ее демократическим рабоче-крестьянским правительством⁵³.

Жизненная необходимость и возможность создания единого фронта труда в борьбе с фашизмом определялась, — как писал Г. Димитров, — характером фашизма, который «...является полным отрицанием всякого демократизма, всех политических прав и свобод для народных масс». «И глубоко заблуждаются те, — подчеркивал он, — кто думает, что фашизм направлен только против так называемой „коммунистической опасности“». Они очень дорого заплатят за свое заблуждение и свою политическую близорукость. Фашизм вовсе не только *антикоммунистичен*, он в то же время и *антинароден*»⁵⁴.

Обращаясь к лидерам и рядовым членам социал-демократии, Земледельческого союза и других мелкобуржуазных партий и организаций, Г. Димитров писал: «Различные конечные программные цели и требования партий трудящихся масс не являются и не могут быть по своему характеру препятствием для их совместной работы и борьбы, для создания единого фронта защиты трудящихся масс в нынешнее роковое время...»⁵⁵. Стремясь для борьбы с фашизмом добиться прежде всего сплочения рабочего класса, Г. Димитров, как руководитель ОРСС, выдвинул в эти дни идею организационного объединения всех болгарских профсоюзов в рамках будущей единой «Общей федерации труда в Болгарии»⁵⁶.

Одновременно с этим он дал решительный отпор спекуляциям правых лидеров социал-демократии, пытавшихся использовать предложение БКП о едином фронте труда для маневрирования и оправдания своей тактики сотрудничества с буржуазным лагерем. Полемизируя с ними, Г. Димитров аргументированно разъяснил, что политика единого фронта и линия на классовое сотрудничество — две взаимно исключающие друг друга тактики, что единый фронт — одна из форм классовой борьбы пролетариата⁵⁷. Разъяснения эти были особенно нужны тем болгарским коммунистам, которые придерживались по инерции сектантско-доктринерских позиций, не понимали необходимости революционных компромиссов и опасались единых действий с другими демократическими антифашистскими силами и организациями.

Пропагандировавшие идеи и лозунги готовящегося антифашистского восстания статьи Г. Димитрова имели огромное значение для переориентировки партийных кадров. Активная участница событий того времени Ц. Драгойчева в воспоминаниях о Г. Димитрове пишет: «Статьи Г. Димитрова стали принципиальной платформой строительства единого фронта. Они теоретически вооружили массы в их борьбе за рабоче-крестьян-

⁵² Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения, т. 1. М., 1957, стр. 95—98, 99—102, 103—106.

⁵³ Там же, стр. 103—106, 107—110; Г. Д и м и т р о в. Сочинения, т. 7, стр. 247—248.

⁵⁴ Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения, т. I, стр. 100.

⁵⁵ Там же, стр. 97.

⁵⁶ Г. Д и м и т р о в. Сочинения, т. 7, стр. 250—251.

⁵⁷ Там же, стр. 223.

ское правительство и помогли политической подготовке Сентябрьского восстания 1923 г....»⁵⁸. Статьи Г. Димитрова о едином фронте не потеряли значения и в последующие годы. В них по существу были заложены зерна идей широкого единого антифашистского фронта всех демократических и прогрессивных сил, более глубоко сформулированных им позднее в докладе на VII конгрессе Коминтерна.

12 сентября правительство Цанкова одновременно арестовало 2,5 тысячи активистов БКП, закрыло клубы и разгромило многие ее организации. Однако партия нашла в себе силы продолжать подготовку восстания. Положение осложнялось тем, что среди руководителей партии имелись противники восстания, которые пытались отменить или отсрочить его; в большинстве окружных и местных комитетов БКП также шла борьба между сторонниками восстания и его противниками. По настоящему готовились к восстанию в тех организациях и округах (Вратчанском, Старо-Загорском и др.), во главе которых стояли решительные и твердые сторонники восстания.

17 сентября 1923 г. по настоянию В. Коларова и Г. Димитрова ЦК БКП принял решение о проведении 22—23 сентября восстания, подтвержденное на расширенном заседании ЦК 20 сентября 1923 г. В это время в отдельных пунктах страны созданные для подготовки восстания революционные комитеты, опасаясь срыва или оттяжки восстания и не сумев сдержать преждевременных выступлений, подняли свои организации на борьбу. Так произошло, в частности, в Пазарджикском и некоторых иных районах. В ночь с 19 на 20 сентября во многих селах Ново-Загорской, Старо-Загорской, Казанлыкской и Чирпанской околий Старо-Загорского округа и в городе Нова Загора отряды рабочих и крестьян во главе с Петко Еневым, Д. Пехливановым, Я. Ивановым и другими коммунистами захватили власть и начали наступление на важнейшие центры округа⁵⁹. Фашистские власти, перебросив по железной дороге подкрепления из других округов, в ожесточенных боях разбили к 23 сентября героически боровшихся повстанцев Старо-Загорского округа.

Назначенное на 22—23 сентября восстание не распространилось на всю страну. В столице оно было сорвано в результате предательства и последовавшего за ним ареста Софийского ревкома, в других окружных центрах (Пловдив, Русе, Варна, Бургас, Шумен) — из-за пассивности оппортунистических элементов в окружных комитетах. Тем не менее, в ряде районов указанных округов по инициативе местных организаций вспыхнула восстания. В Софийском округе наибольший размах приняла борьба в Ихтиманско-Долнобанском районе, где восставшими был захвачен город Ихтиман. В Пловдивском округе частичного успеха добились повстанцы Панагюрской, Пазарджикской и Пештерской околий — здесь с боями был освобожден город Брацигово и несколько десятков сел. Многочисленные очаги, а кое-где и целые районы восстания возникли также почти во всех остальных округах — в Бургасском округе (в Малко-Тырновской, Карабунарской и Анхиалской околиях), Шуменском округе (Ново-Пазарской и Поповской околиях), в Плевенском, Тырновском, Хасковском, Сливенском и Варненском округах. В Пиринском крае восставшими был освобожден город Разлог⁶⁰.

⁵⁸ «Спомени за Георги Димитров», т. II. София, 1972, стр. 357.

⁵⁹ «Септември 1923. Спомени», стр. 288, 289, 292—297, 304; «25 годишнината на септемврийското въстание», стр. 165—166, 171—172, 189—193, 207, 212; «Септемврици за септември», т. II, стр. 49—51, 126—146, 152—214.

⁶⁰ «Септември 1923. Спомени», стр. 391—404, 432—433; «25 годишнината на септемврийското въстание», стр. 208—215, 227—238; «Септемврици за септември», т. II, стр. 215—504; т. III, стр. 5—161, 337—359, 360—381; Д. К о с е в. Там же, стр. 221—225; Н. А г б н с к и. 1923-та година. София, 1946, стр. 150—154.

Почти во всех районах многочисленные отряды плохо вооруженных рабочих и крестьян — коммунистов, комсомольцев, членов БЗНС — едиnofронтцев и им сочувствующих — героически сражались с превосходящими силами регулярных воинских подразделений, руководимых фашистскими офицерами. Однако восставшие были мало связаны друг с другом и плохо координировали свои действия. Большинство повстанцев добивалось достижения местного успеха, который в их представлении связывался с занятием окойского или окружного центра. Отсутствие централизованного руководства восставшими привело к тому, что фашистский лагерь имел возможность подавлять отдельные районы восстания по одиночке, перебрасывая подкрепления по железной дороге. Пользуясь в каждом отдельном случае подавляющим техническим и численным превосходством, фашисты наносили поражение самоотверженно сражавшимся отрядам повстанцев. Героизм, повсеместно проявленный восставшими, не мог восполнить недостатки в вооружении, руководстве и организации, а также и отсутствие опыта вооруженной борьбы.

С наибольшим размахом и лучшей организацией проходило восстание в северо-западной Болгарии. Здесь действиями повстанцев руководил Главный военно-революционный комитет, в который входили В. Коларов, Г. Димитров и Г. Генев.

23—24 сентября почти во всех селах Фердинандовской, Оряховской, Берковицкой околий, во многих селах Белослатинской и отчасти Врачанской околий и в деревнях Ломской, Кулской и Белоградчикской околий были подняты красные и оранжевые (цвет БЗНС) знамена повстанцев, заранее организованных в боевые отряды⁶¹. Восставшим во главе с Г. Михайловым, Ф. Козовским и другими коммунистами удалось захватить также Кнежу, Оряхово и Беда Слатину.

С помощью многочисленного Логушанского отряда, возглавленного Г. Дамяновым, был освобожден 23 сентября город Фердинанд, ставший центром восстания в северо-западной Болгарии. Здесь находился Главный военно-революционный комитет⁶². 24 сентября повстанцы во главе с З. Поповым и Х. Михайловым освободили город Берковица. Ожесточенные бои с фашистскими силами развернулись в городе Ломе и в Ломской околии, где особенно прославился отряд ставшего легендарным священника («Красного попа») Игнатова Андрея⁶³. 25 сентября объединенные отряды восставших, руководимые Г. Геновым, Х. Михайловым, Г. Дамяновым, А. Грековым, И. Михайловым и другими, разгромили в ожесточенном длительном бою у ст. Бойчиновцы значительные правительственные силы. В этот же день фашисты были разбиты и в Белоградчикском районе⁶⁴.

Однако к этому времени в остальных округах Болгарии восстание уже шло на убыль. Сосредоточив огромные силы против северо-западной Болгарии и разбив 26 сентября в ожесточенном бою у ст. Криводол большой отряд восставших, правительственные войска в течение нескольких дней преследовали повстанцев, отступавших в горы и леса. Некоторые из них

⁶¹ Д. К о с е в. Там же, стр. 130—194; «25 годишнината на септемврийското въстание», стр. 80, 93, 127, 152—154, 163.

⁶² «Септемврийци за септември», т. I, стр. 32; «25 годишнината на септемврийското въстание», стр. 80—81, 94—95, 97—98, 116—117.

⁶³ «25 годишнината на септемврийското въстание», стр. 81—82, 85, 87, 96—97, 99, 117, 122, 135—139, 162; «Септемврийци за септември», т. I, стр. 198—240, 281—282, 294; А. Г р а м ч е в. Принос към историята на БКП във Врачанско. София, 1949, стр. 128—131, 172.

⁶⁴ «Септември 1923. Спомени», стр. 74; «25 годишнината на септемврийското въстание», стр. 81—84, 99—103, 108, 119—120, 133—134, 141.

перешли границу и превратились на долгие годы в политических эмигрантов, найдя себе убежище в СССР, Югославии и других странах. После подавления восстания фашистскими властями в продолжение нескольких недель было уничтожено без суда и следствия более 20 тыс. человек.

Сентябрьское восстание 1923 г. в Болгарии, первое антифашистское восстание в мире, потерпело поражение из-за отсутствия прочного союза рабочих и трудящихся крестьян, что было обусловлено в первую очередь недостаточной зрелостью БКП как революционной марксистско-ленинской партии, различного рода ошибками, допущенными ее деятелями в ходе подготовки и проведения восстания. Именно то обстоятельство, — подчеркивал Г. Димитров, — что «...тактика 9 июня не была осознана окончательно как ошибочная и вредная всеми звеньями партии сверху донизу, что партия не была еще действительно большевистской партией... помешало ей правильно организовать, руководить и обеспечить успех Сентябрьскому восстанию 1923 г.»⁶⁵.

Несмотря на поражение, Сентябрьское восстание 1923 г. имело огромное историческое значение для болгарского народа. Опыт совместной вооруженной борьбы рабочих и крестьян, коммунистов и членов БЗНС-единофронтовцев против фашизма был несомненно крупнейшим политическим завоеванием БКП и всего болгарского народа. В огне восстания было положено начало революционного союза рабочих и крестьян в Болгарии.

Сентябрьское восстание явилось переломным моментом в развитии БКП как боевого авангарда болгарского пролетариата. Опыт восстания, попытка применения и развития тактики единого фронта в Болгарии имели важное значение для дальнейшего идейно-политического развития прежде всего БКП, а также и других коммунистических партий балканских стран и всего международного рабочего и коммунистического движения.

Уроки Сентябрьского восстания 1923 г. в Болгарии явились материалом для длительной дискуссии не только в БКП, но и на конференции Балканской коммунистической федерации в декабре 1923 г., а затем и на пленуме ИККИ в январе 1924 г. и на V конгрессе Коминтерна летом 1924 г.⁶⁶.

Влияние Сентябрьского восстания 1923 г., его уроков на весь ход исторического развития Болгарии в целом и на революционную борьбу болгарских рабочих и крестьян, в первую очередь, было чрезвычайно велико. Без Сентябрьского восстания 1923 г. «не были бы возможны ни создание могучего Отечественного фронта, ни историческая народная победа 9 сентября 1944 года»⁶⁷. День начала массового вооруженного выступления трудящихся на борьбу против фашизма — 23 сентября — в социалистической Болгарии ежегодно отмечается как день Болгарской Народной Армии.

⁶⁵ Г. Д и м и т р о в. Съчинения, т. 14, стр. 241.

⁶⁶ Подробнее об этом см. Д. К о с е в. Международното значение на септемврийското въстание 1923 г., гл. III. София, 1964.

⁶⁷ «25 годишнината на септемврийското въстание», стр. 19.

СТАНИСЛАВ МИХАЛЬКЕВИЧ

СТРУКТУРА РАБОЧЕГО КЛАССА СИЛЕЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

После революции 1848 г. Силезия вступила в период ускоренного развития промышленности. Правда, она не всегда достигала уровня западных провинций Пруссии (позднее Германской империи), однако, выгодно отличалась при сравнении с другими областями, расположенными на восток от Эльбы. Следствием изменений, происходивших, впрочем, не беспрепятственно, был значительный рост доли промышленного производства в хозяйстве силезской провинции. Одновременно выросла численность рабочего класса, особенно промышленного пролетариата.

Здесь мы не можем заняться глубоким анализом этих явлений. Но следует подчеркнуть, что они совершались в сложных условиях сначала капитализма, характеризующегося свободной конкуренцией с сохранением ряда ограничений, позднее — капитализма, которому свойственна растущая монополизация производства, сопровождавшаяся периодическими экономическими кризисами.

Состояние изучения структуры рабочего класса Силезии этого периода, несмотря на важность вопроса, не представляется удовлетворительным¹.

Старая прусская и немецкая историография, сосредоточивая внимание в основном на развитии тяжелой промышленности, особенно в Верхней Силезии, касалась и положения рабочего класса. Такой подход создавал возможность глубокого исследования проблемы. Однако эта возможность не была использована ею. Положение пролетариата в Силезии не сопоставлялось с положением рабочего класса в других польских землях. Более того, сама проблема трактовалась ошибочно: история пролетариата рассматривалась с точки зрения потребностей промышленности и интересов капитала, приукрашивалось положение рабочих, восхвалялась социальная политика государства, преувеличивалась степень германизации верхнесилезского населения и прежде всего рабочих².

Польская историческая наука также — хотя и по другим причинам — связывала историю рабочего класса с изучением развития силезской промышленности. За исходную точку было принято высказывание Ю. Марклевского об отношениях, господствовавших в прусской части Польши,

¹ W. Długoborski, K. Popiołek. Z badań nad dziejami przemysłu i klasy robotniczej na Śląsku. «Annales Silesiae», t. I. Wrocław, 1960, s. 55—81; W. Długoborski. Stan i potrzeby badań nad historią górnictwa i hutnictwa na Śląsku. «Biuletyn», 1960, № 16; J. Popkiewicz. Z badań nad strukturą klasową Górnego Śląska. «Przegląd Zachodni», 1952, s. 403—418; S. Michalkiewicz. Stan i potrzeby badań nad dziejami klasy robotniczej na Śląsku w XIX i XX w. (do 1945 r.). W: «Polska klasa robotnicza». Pod red. S. Kalabińskiego, t. I. Warszawa, 1970, s. 176—211.

² S. Michalkiewicz. Stan i potrzeby badań..., s. 180—181.

в том числе и в Силезии. Среди многочисленных польских работ, опирающихся на методологические положения исторического материализма, можно назвать работы Ф. Бялого, А. Брожека, Ю. Хлебовчика, А. Галоса, Е. Яроса, К. Ежовского, К. Ионцы, Й. Ионьчика, К. Попёлека, Й. Сидора, Б. Шерер, а также автора данной статьи, которые в большей или меньшей степени касаются проблемы рабочего класса второй половины XIX в. Но они не исчерпывают проблемы полностью. Существуют еще многие аспекты, которых почти совсем не затрагивали историки. Более обстоятельно изучены рабочее движение и положение пролетариата в период после объединения Германии. Скромнее итоги исследований периода 1850—1870 гг.³ Поэтому, не претендуя на исчерпывающее освещение проблемы, попытаемся здесь показать достижения польской историографии и результаты собственных поисков.

К середине XIX в. в Силезии уже сложился довольно многочисленный рабочий класс. Наряду с сельскохозяйственными и ремесленными рабочими, существовала значительная прослойка промышленного пролетариата. Роль последнего возрастала по мере индустриализации силезской провинции. В начале рассматриваемого периода заметно выделялись следующие центры сосредоточения рабочих: Верхняя Силезия, Вроцлав и Судетская возвышенность. В 1849 г. в Опольской регенции на 1000 жителей приходилось только 35 ремесленников, тогда как во Вроцлавской — более 60, а в Легницкой — даже 112⁴. Совсем иной была занятость в промышленности. В Опольской регенции на 1000 жителей приходилось 40 промышленных рабочих, во Вроцлавской — 27, в Легницкой — 24⁵.

Определение общей численности пролетариата Силезии в середине XIX в. наталкивается на значительные трудности, заключающиеся прежде всего в том, что источники не всегда различают рабочих и ремесленников и часто трактуют их как одно целое. Поэтому приводимые здесь данные являются приблизительными.

В промышленности Силезии середины XIX в. ведущее положение занимали шахтеры, металлурги и текстильщики. Особенно быстро развивалась угольная промышленность и металлургия на территории Верхней Силезии. В этих двух отраслях было занято 25 тыс. человек, из них в угольной промышленности — свыше 8 тыс., цинковой — 3,5 тыс., в железорудной — свыше 4 тыс., в черной металлургии и т. п. — около 6 тыс., в медеплавильной промышленности — свыше 2,5 тыс. человек⁶. На втором месте по числу шахтеров и металлургов находилась Вроцлавская регенция с Валбжихско-Новорудским бассейном и на последнем — Легницкая регенция⁷.

В текстильной промышленности были заняты, с одной стороны, многочисленные массы ремесленного пролетариата, с другой, — мануфактурного и фабричного. В 1849 г. численность ткачей в льняном производстве достигала 20 тыс., в хлопчатобумажной промышленности — около 29,5 тыс. Большая их часть была сосредоточена в Нижней Силезии, при-

³ Ibid., s. 186 i n.

⁴ S. Michalkiewicz z. Rzemiosło na Śląsku w połowie XIX wieku. «Acta Universitatis Wratislaviensis», № 123, Historia, XVIII, 1970, s. 81—105.

⁵ S. Michalkiewicz z. Struktura proletariatu przemysłowego na Śląsku w latach 1849—1875. «Studia i materiały z dziejów Śląska», t. X. Wrocław, 1970, s. 35—36; Подробнее см. S. Michalkiewicz z. Struktura klasy robotniczej na Górnym Śląsku w drugiej połowie XIX wieku. «Polska klasa robotnicza», t. III. Warszawa, 1972.

⁶ S. Michalkiewicz z. Struktura proletariatu przemysłowego..., s. 14—36.

⁷ S. Michalkiewicz z. Rozmieszczenie i struktura gałęziowa przemysłu i rzemiosła na Śląsku w drugiej połowie XIX wieku. «Studia i materiały z dziejów Śląska», t. XII. Wrocław, 1972.

чем в Легницкой регенции преобладали первые, во Вроцлавской — вторые. В то же время на текстильных мануфактурах и фабриках работала 31 тыс. человек, причем большинство из них — в Нижней Силезии; во Вроцлавской регенции насчитывалось 17 тыс., в Легницкой — свыше 13 тыс. человек. В Опольской регенции число текстильщиков было невелико. Рабочие льняных мануфактур и фабрик сосредоточивались почти исключительно в Легницкой регенции, рабочие хлопчатобумажных, суконых и отделочных мануфактур и фабрик — в обеих нижнесилезских регенциях⁸.

Важное место по числу рабочих занимала обработка минерального сырья: производство стекла, фарфора, кирпича, извести, а также глиняной керамики. Всего в этой отрасли работало около 9 тыс. человек, из них большая часть — в Нижней Силезии. В Опольской регенции существенное значение имело производство кирпича и извести⁹. В пищевой, деревообрабатывающей и бумагоделательной промышленности было занято более 13 тыс. рабочих и ремесленников. Последние преобладали, например, в пивоварении, винокурении, в производстве поташа, крахмала и картофельных хлопьев. Если исключить ремесленников, то всего в пищевой промышленности вместе с перечисленными выше отраслями было занято едва ли 7 тыс. человек»¹⁰.

Относительно много рабочих было в сахарной, табачной и бумажной промышленности. Большинство их находилось во Вроцлавской регенции, в Опольской — насчитывалось менее 1 тыс. человек¹¹. Занятые же в остальных отраслях промышленности не играли значительной роли.

В середине XIX в. в Силезии было более 70 тыс. промышленных рабочих, из них $\frac{1}{3}$ сосредоточивалась в Верхней Силезии, здесь преобладали шахтеры и металлурги. В нижней Силезии наряду с многочисленным отрядом текстильщиков были шахтеры, машиностроители, рабочие стекольной, пищевой и других отраслей промышленности¹². Общее число промышленных и ремесленных рабочих составляло около 150 тыс., а вместе с ремесленниками 350 тыс. человек. Из этого следует, что доля промышленных рабочих среди всех, занятых в промышленности и ремесле едва достигала 20%. Наиболее высокий процент их был в Опольской регенции, особенно в формирующемся промышленном районе, в нижнесилезских регенциях он был ниже среднего по Силезии.

В 1849—1875 гг. число занятых в промышленности возросло почти в три раза. Средний годовой прирост составлял 4%, в добыче каменного угля он достигал 7%. Разница в темпах увеличения занятости впоследствии привела к существенным сдвигам в профессиональной структуре рабочего класса. Значительно уменьшилась доля текстильщиков, зато возросло число рабочих в горнометаллургической, частично — в пищевой и некоторых других отраслях. Одновременно поднялся ранг Верхней Силезии. Если в середине XIX в. в ней было сконцентрировано около $\frac{1}{3}$ промышленных рабочих, то четверть века спустя — почти $\frac{2}{5}$.

Темп роста численности рабочих не был равномерным также и в 1875—1907 гг. (табл. 1). Довольно значительным был прирост рабочих в Верхнесилезском промышленном округе, где сосредоточивалась основная часть пролетариата Опольской регенции. Во Вроцлаве же и в районе Судетской

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ S. Michalkiewicz. Struktura proletariatu przemysłowego..., s. 34.

¹¹ Ibid., s. 32—33.

¹² Ibid., s. 36, tabela № 9.

Таблица 1

Отраслевая структура пролетариата в промышленных округах и регенциях в 1875 — 1907 гг.

Отрасль промышленности	1875 г.		1907 г.			
	число рабочих	% рабочих в округе	% рабочих в регенции	число рабочих	% рабочих в округе	% рабочих в регенции
Верхнесилезский промышленный округ						
Горно-металлургическая	49 688	81,4	79,7	106 633	62,7	81,3
Обработка минерального сырья	867	1,4	16,2	6 223	3,7	26,8
Металлическая	2 043	3,3	24,9	9 493	5,5	39,3
Машиностроение	614	1,0	15,7	5 697	3,4	37,5
Топливо-химическая	183	0,3	15,0	2 383	1,4	46,9
Кожевенно-бумажная	217	0,4	11,2	522	0,3	7,7
Полиграфическая	101	0,2	21,1	567	0,3	4,8
Деревообрабатывающая	1 014	1,7	12,1	2 589	1,5	18,3
Текстильная	74	0,1	0,7	471	0,3	4,8
Швейная	3 204	5,3	13,0	7 396	4,4	25,3
Пищевая	1 501	2,5	10,5	6 380	3,8	20,8
Строительная	1 515	2,5	19,8	21 630	12,3	51,3
Всего	61 021	100,0	41,1	169 984	100,0	51,0
Судетский промышленный округ						
Горно-металлургическая	12 949	11,0	76,0	21 716	15,0	88,5
Обработка минерального сырья	6 817	5,8	31,9	11 864	8,2	24,1
Металлическая	4 399	3,8	23,3	5 984	4,1	19,6
Машиностроение	2 651	2,2	16,4	7 097	4,9	17,8
Топливо-химическая	773	0,7	15,8	962	0,7	13,2
Кожевенно-бумажная	2 857	2,4	28,1	4 176	2,9	21,3
Полиграфическая	537	0,5	24,0	2 043	1,4	27,2
Деревообрабатывающая	5 080	4,3	20,8	8 334	5,7	21,0
Текстильная	55 619	47,3	60,6	41 530	28,6	58,9
Швейная	13 990	11,1	20,1	16 465	11,3	19,2
Пищевая	6 599	5,6	18,1	10 542	7,3	17,6
Строительная	4 992	4,3	11,2	14 364	9,9	19,8
Всего	117 263	100,0	34,2	145 177	100,0	28,8
Вроцлав						
Горно-металлургическая	—	—	—	467	0,5	2,2
Обработка минерального сырья	838	2,1	7,0	1 682	1,6	6,3
Металлическая	3 643	8,7	30,9	6 812	6,6	41,4
Машиностроение	5 687	14,2	52,6	15 079	14,6	61,7
Топливо-химическая	1 065	2,7	31,8	1 604	1,6	29,5
Кожевенно-бумажная	1 184	3,0	21,4	3 949	3,8	34,9
Полиграфическая	816	2,0	58,9	3 093	3,0	59,4
Деревообрабатывающая	4 301	10,8	29,4	7 784	7,6	31,6
Текстильная	1 963	4,9	4,1	3 211	3,1	8,8
Швейная	11 886	29,7	28,6	31 696	30,8	55,4
Пищевая	4 897	12,5	16,4	10 950	10,6	28,4
Строительная	3 809	9,5	28,0	16 597	16,1	37,5
Всего	39 909	100,0	19,6	102 924	100,0	32,7

Таблица 1 (продолжение)

Отрасль промышленности	1875 г.		1907 г.			
	число рабочих	% рабочих в округе	% рабочих в регенции	число рабочих	% рабочих в округе	% рабочих в регенции
Промышленные округа и Вроцлав						
Горно-металлургическая	62 637	28,7	78,6	128 816	30,8	82,7
Обработка минерального сырья	9 522	4,4	35,6	19 769	4,7	26,8
Металлическая	9 905	4,5	36,6	22 289	5,3	40,8
Машиностроение	8 952	4,1	44,7	27 873	6,7	50,6
Топливо-химическая	2 021	0,9	33,0	4 949	1,2	40,0
Кожевенно-бумажная	4 258	2,0	35,2	8 647	2,1	32,8
Полиграфическая	1 454	0,7	53,6	5 703	1,4	52,1
Деревообрабатывающая	10 395	4,7	31,7	18 707	4,5	34,8
Текстильная	57 656	26,4	56,7	45 212	10,8	56,2
Швейная	29 080	13,3	30,9	55 557	13,3	48,4
Пищевая	12 997	6,0	22,1	27 795	6,6	30,7
Строительная	10 316	4,7	34,2	52 591	12,6	52,4
Всего	218,193	100,0	44,4	418 085	100,0	49,9

возвышенности он был ниже, временами отмечался регресс¹³. В 1875—1907 гг. численность рабочего класса удвоилась, а в некоторых отраслях возросла даже в три — четыре раза. Особенно заметно выросло число шахтеров, менее — металлургов. Одновременно резко увеличилась доля рабочих в машиностроении, строительной и других отраслях промышленности. Быстрее всего численность рабочих росла в Опольской регенции, медленнее — во Вроцлавской, в Легницкой регенции заметных перемен не произошло (показатель занятости и здесь вырос по сравнению с 1875 г., но при этом почти не было прироста населения).

В 1875 г. по числу лиц, занятых в промышленности и ремесле, на 1000 жителей на первом месте находилась Вроцлавская регенция, за ней шли Опольская и Легницкая, по численности промышленных рабочих на первом месте была Опольская регенция, на втором — Вроцлавская, и на третьем — Легницкая. Наибольшая концентрация пролетариата в Верхней Силезии отмечалась в Бытомском, Катовицком и Забжаньском повятах (свыше 60 тыс. человек). Кроме того, 20 тыс. человек работало в промышленности и ремесле соседних повятов. Всего на территории Верхнесилезского промышленного округа и в его окрестностях было сосредоточено больше половины пролетариата Опольской регенции. Вне этого округа по количеству рабочих и ремесленников выделялись Глубицкий, Ныский, Прудницкий, Рациборский и Опольский (29% общего числа работающих в регенции), в меньшей мере — Рыбницкий и Стпелецкий повяты. В остальных районах Верхней Силезии доля рабочих и ремесленников была незначительной. Вообще в районах наибольшей индустриализации отчетливо проявлялось численное преобладание рабочих над ремесленниками. Там же, где уровень индустриализации был низким, наблюдалось обратное.

Вроцлавская регенция в 1875 г. также не представляла собой нечто единое. Здесь выделялись две промышленно-ремесленные агломерации.

¹³ Cp. A. G a l o s. Przemysł tekstylny w rejonie kłodzkim na tle przemysłu Śląska w latach 1849—1914. «Studia i materiały z dziejów Śląska, t. III. Wrocław, 1960, s. 162 i n.; K. J e ż o w s k i. Rozwój i rozmieszczenie przemysłu na Dolnym Śląsku w okresie kapitalizmu. Wrocław, 1961, s. 145 i n.

Первой был Вроцлав, второй — восточная часть Судетского округа, который охватывал и южную часть Легницкой регенции¹⁴. В столице Силезии сосредоточивалось около 20 % общего количества рабочих и ремесленников Вроцлавской регенции, 31 % — работали в Судетском округе. Следовательно, и здесь свыше половины пролетариата находилось в центрах больших демографических агломераций. Подобная ситуация наблюдалась также в Легницкой регенции, где больше половины пролетариата концентрировалось в Судетском округе (70 тыс. человек). Вообще Судетский округ представлял собой наиболее крупный центр сосредоточения пролетариата (160 тыс. человек). На втором месте находился Верхнесилезский промышленный округ и лишь на третьем — Вроцлав. При учете только промышленных рабочих на первое место выдвинулась бы Верхняя Силезия.

В 1907 г. в Опольской регенции ведущее место по занятости населения в промышленности занимал Верхнесилезский промышленный округ. В Бытомском, Катовицком и Забжаньском повятах сосредоточивалось более половины всех лиц, занятых в промышленности и ремесле регенции. Вместе с прилегающими к промышленному округу районами здесь находилось $\frac{2}{3}$ пролетариата. Кроме того, высокий показатель занятости в промышленности и ремесле давал Рыбницкий повят. Большое число рабочих было также в Рациборском, Опольском, Ныском, Прудницком, Глубчицком и Стшелецком повятах. В Нижней Силезии выделялись два промышленно-ремесленных округа. В Судетском округе в 1875—1907 гг. не отмечалось большого роста занятости. Его значение в этот период даже несколько ослабло. Во Вроцлавской, Легницкой регенциях вместе с Судетским округом работало более 190 тыс. человек. Если учесть близлежащие районы, то число это станет еще большим. В общем Судетский округ был в Нижней Силезии крупнейшим средоточием пролетариата, в нем находилось около $\frac{1}{3}$ занятых во Вроцлавской регенции и более $\frac{2}{3}$ — в Легницкой. Возросло значение Вроцлава как центра рабочего класса. Число занятых в промышленности и ремесле увеличилось здесь с 40 тыс. в 1875 г. до 100 тыс. человек в 1907 г. Кроме того, к Вроцлаву тяготели индустриализующиеся поселки Вроцлавского и Олесьницкого повятов с 20 тыс. рабочих.

На тысячу жителей в 1875 г. в среднем приходилось занятых в промышленности и ремесле в Легницкой регенции — 153,5 человек, Вроцлавской — 137,8 и в Опольской — 107,8 человек, в 1907 г. — более 200 человек в Катовицком, Бытомском и Забжаньском повятах Верхней Силезии, в Валбжихском, Дзержоневском, Новорудском, Каменногурском, Любаньском, Еленегурском, Клодском и Стшегомском повятах Нижней Силезии и Вроцлаве. Средний показатель для Опольской регенции составлял 169 человек, Вроцлавской — 176, Легницкой — 187, для Силезии в целом — 175 человек¹⁵.

В территориальном размещении промышленности и ремесла во второй половине XIX в. произошли относительно незначительные изменения. В основном сохранились все существовавшие в начале рассматриваемого периода промышленные округа и связанные с ними центры сосредоточения пролетариата, но изменился их ранг. Впоследствии это привело к увеличению значения Верхней Силезии и числа рабочих, занятых в крупной промышленности. Общая численность рабочих в начале XX в. достигла 800 тыс., большую часть которых составляли промышленные рабочие. При

¹⁴ Cp. S. M i s z t a l. Przemiany w strukturze przestrzennej przemysłu na ziemiach polskich w latach 1860—1965. Warszawa, 1970.

¹⁵ О занятости в промышленности по округам см. S. M i s z t a l. Ibid., s. 63—76.

этом не исчезали диспропорции в развитии отдельных повятов. Выделились, с одной стороны, повяты промышленных округов с высокой степенью занятости вне сельского хозяйства, с другой — типично аграрные с развитым ремеслом, но почти абсолютно лишённые промышленности и современного рабочего класса. Разница между подобными повятами не только не уменьшилась, но даже увеличилась.

Профессиональная структура пролетариата в 1850—1907 гг. подверглась существенным изменениям, особенно в Нижней Силезии. Опольская регенция в этом отношении была более однородной и отличалась преобладанием рабочих тяжелой промышленности. По нашим подсчетам в течение четверти века (1850—1875 гг.) численность шахтеров и металлургов росла в Верхней Силезии быстрее, чем рабочих других отраслей, что впоследствии привело к преобладанию этой группы рабочих¹⁶. Всего в 1875 г. в горной и металлургической отраслях было занято свыше 62 тыс. человек, большая часть которых концентрировалась в Верхнесилезском промышленном округе (80% общего числа работающих во всей регенции). Высокий процент шахтеров и металлургов был характерен также для Тарногурского, Гливицкого, Пщиньского и Рыбницкого повятов. В перечисленных повятах и в округе насчитывалось 96,7% всех шахтеров и металлургов Опольской регенции. В Нижней Силезии горняки и металлурги сосредоточивались прежде всего в Судетском округе (Валбжихско-Новорудский бассейн). В Валбжихском повяте концентрировалось $\frac{2}{7}$ общего их числа во Вроцлавской регенции, но только $\frac{1}{3}$ занятых в промышленности и ремесле повята. Более низкий процент рабочих горнодобывающей и металлургической отраслей был в Новорудском ($\frac{1}{10}$ общего числа) и Каменногурском (8%) повятах. Численность горняков и металлургов этого района, работающих в исчезающем промысле добычи дерновых руд, на железоплавильных печах и шахтах бурого угля значительно выросла в третьей четверти XIX в.¹⁷ В сумме шахтеры и металлурги в 1875 г. составляли около $\frac{1}{6}$ всех занятых в промышленности и ремесле Силезии и преобладали только в Верхнесилезском промышленном округе.

Рабочие текстильной и швейной промышленности в 1875 г. составляли около $\frac{2}{5}$ силезского промышленно-ремесленного пролетариата. В Опольской регенции они были немногочисленными, во Вроцлавской — составляли около 44%, в Легницкой — более половины рабочего класса. В численном отношении ткачи и швейники преобладали над шахтерами и металлургами¹⁸.

Наибольшее число рабочих, занятых обработкой минерального сырья, в 1875 г. было в Згожедецком, Болеславецком, Стшегомском, Стшелецком, Опольском, Валбжихском, Вроцлавском, Воловском и Немодлинском повятах. Здесь они составляли более 10% занятых в промышленности, а в первых трех повятах — даже более 20%. Территориальное размещение этих рабочих не совпадало с местами сосредоточения шахтеров и металлургов. Кроме того, среди них преобладали ремесленники, тогда как шахтеры и металлурги почти исключительно были промышленными рабочими. В масштабах всей провинции рабочие этой отрасли составляли только 5% общего количества занятых в промышленности, причем в

¹⁶ K. P o p i o ł e k. Górnośląski przemysł górniczo-hutniczy w drugiej połowie XIX wieku. Katowice, 1965; Cp. S. M i s z t a l. Ibid., s. 63—76.

¹⁷ «Statistik des Deutschen Reichs», t. 217—218. Berlin, 1914; «Jahrbuch der Deutschen Braunkohlen und Steinkohlenindustrie 1901—1928», № 1—18.

¹⁸ K. J e ż o w s k i. Ibid., s. 142.; S. M i c h a ł k i e w i c z. Struktura proletariatu przemysłowego..., s. 36.

регенциях Нижней Силезии средний показатель был выше этого процента, а в Опольской регенции — ниже¹⁹.

Металлообрабатывающая промышленность развивалась довольно медленно. В 1875 г. металлисты составляли около 5,5% пролетариата Силезии, впрочем в большей своей массе ремесленного²⁰, довольно распыленного в территориальном отношении. Показатели выше среднего можно отметить только в немногих повятах, между прочим в Люблинецком и Згоже-лецком.

Машиностроительная промышленность в середине XIX в. только зарождалась. В 1875 г. в ней было уже занято более 20 тыс. человек. Преобладали рабочие, но и доля ремесленников была значительной. Во Вроцлаве в этой отрасли работало свыше 14% общего количества занятых в промышленности и ремесле, в Легнице — около 11%, в Свидницком повяте — более 9%. В Верхнесилезском промышленном округе и Судетской возвышенности их процент был значительно ниже. В среднем по Силезии рабочие машиностроительной промышленности составляли около 4% пролетариата провинции.

Рабочие топливно-химической промышленности составляли незначительную группу (в химическом производстве — почти 3 тыс., в топливно-осветительной промышленности — 3,1 тыс. человек). К этой отрасли тогда не относились работающие в угледобывающей промышленности. В 1875 г. большая их часть сосредоточивалась во Вроцлаве. В структуре же занятости их доля была наибольшей в Стшегомском повяте (7,6%).

Сравнительно немногочисленной была группа рабочих бумажной и кожевенной промышленности, в которой преобладали ремесленники (12,3 тыс. человек, из них 38,1% промышленных рабочих). В отраслевой структуре занятости их доля была наибольшей в Олесьницком, Свежавском, Еленегурском, Бжегском и Сродзском повятах, а также в Легнице. 85% их находилось в Нижней Силезии, они составляли около 2,5% всего пролетариата Силезии.

В полиграфической промышленности было занято 2737 человек, из них 1385 работало во Вроцлавской регенции, 874 — в Легницкой, 478 — в Опольской. Главные центры печатного дела находились во Вроцлаве, Глогове, Бжеге, Новой Руде, Тарновских Гурах.

Рабочие деревообрабатывающей промышленности в 1875 г. составляли почти 7% всего пролетариата Силезии. Больше число их находилось в повятах, богатых лесом, т. е. в Ключборском, Люблинецком, Козельском, Олеском, Немодлинском, Опольском, Радиборском, Сыцовском, Зенбицком, Зомбковицком, Быстрицком, Еленегурском, Любаньском, а также во Вроцлаве и Легнице.

В пищевой промышленности в 1875 г. было занято почти 12% общего числа работников. Этот показатель в Опольской регенции был несколько ниже 10%, в Легницкой — ниже 11%, а во Вроцлавской — 15%. В Верхней Силезии выделялись повяты: Глубчицкий, Гродковский, Ключборский, Люблинецкий, Козельский, Немодлинский, Ныский, Олеский, Опольский, Радиборский, Рыбницкий, Стпелецкий и Гливицкий, в которых пищевики составляли в основном свыше 20% рабочих. Во Вроцлавской регенции такое количество рабочих, а иногда даже более 30%, встречалось во Вроцлаве и в Намысловском, Тшебницком, Милицком, Гуровском, Воловском, Сродзском, Олавском, Бжеском, Немчаньском и

¹⁹ Всего в этой отрасли было занято в 1875 г. 28 тыс. человек, сконцентрированных главным образом во Вроцлавской регенции (11,9 тыс. человек).

²⁰ Из 27,6 тыс. человек только 7,3 тыс. работало на промышленных предприятиях. Самый высокий процент металлистов характерен для Опольской регенции (32,7%), самый низкий — для Легницкой (18,3%).

Стшегомском повятах. В Легницкой регенции только в Глоговском, Яворском и Легницком повятах этот показатель равнялся 20%, в шести повятах он колебался в границах 15—20%, а в остальных был ниже. В некоторых отраслях работа была сезонной, в других — еще очень велик был ремесленный элемент.

Строителей в 1875 г. насчитывалось более 30 тыс. человек (свыше 6% всех рабочих и ремесленников). Этот процент в Нижней Силезии был несколько выше среднего показателя, в Опольской регенции — ниже. Во Вроцлавской регенции важнейшие центры сосредоточения строителей находились во Вроцлаве и в Валбжихском повяте, где было сконцентрировано более $\frac{2}{5}$ занятых в этой отрасли. По структуре же занятости наибольший процент строители составляли в Гуровском, Милицком, Воловском и Зенбицком повятах. В Легницкой регенции к крупнейшим центрам сосредоточения строителей относились Легница, Згожелец и повяты Судетской возвышенности: Еленегурский, Злоторыйский и Любаньский. В Нижней Силезии строители значительнее всего были представлены в повятах: Козельском, Гродковском и Глубчицком. В Верхнесилезском промышленном округе они были немногочисленны.

В 1876—1907 гг. произошли дальнейшие изменения в отраслевой структуре занятости. В 1907 г. шахтеры и металлурги, сосредоточиваясь в Верхнесилезском промышленном округе и в части Судетской возвышенности, не были уже такой преобладающей группой, как прежде. Особенно большой удельный вес этих рабочих был в Бытомском, Катовицком и Забжаньском, а также в Гливицком и Тарногурском повятах. В центре промышленного округа они составляли около 60% всех работающих, а включая соседние районы — 55%. Среди других поватов с высоким процентом шахтеров и металлургов следует выделить Рыбницкий, Пщиньский, Рацеборский и Стшелцкий. На остальной территории Верхней Силезии он был представлен только спорадически и в небольшом количестве²¹. В Нижней Силезии главный шахтерский центр находился в Валбжихско-Новорудском угольном бассейне. Значительная часть шахтеров была сосредоточена в Валбжихском, Новорудском и Каменногурском повятах. Во всей Силезии в 1907 г. в горно-металлургической промышленности работало почти вдвое больше людей, чем в конце третьей четверти XIX в. — около 160 тыс. человек, что составляло 19% общей численности рабочих. В рассматриваемый период выросла не только численность шахтеров и металлургов, но и их доля в структуре занятости²².

Ткачи и швейники по-прежнему концентрировались на Судетской возвышенности и во Вроцлаве. Наибольший процент рабочих этой отрасли на территории возвышенности наблюдался в Держоневском, Каменногурском и Любаньском повятах. Кроме того, они составляли 30—40% общего числа рабочих в следующих повятах: Больковском, Львувецком, Клодзском, Быстшицком, Новорудском, а также в Згожельце. На остальной территории Судетского округа процент рабочих текстильно-швейной промышленности был несколько ниже, хотя всех работающих в промышленности и ремесле было более 20%²³. В структуре рабочих Вроцлава текстильщики и швейники также занимали важное место. В обеих этих отраслях работало около $\frac{1}{3}$ рабочих города, преобладали швейники²⁴. В Верхней Силезии наибольший процент текстильщиков и швейников

²¹ S. Misztal. Ibid., s. 63—76.

²² K. Jeżowski. Ibid., s. 149 i n.

²³ Ibid., s. 152—153; Cp. A. Galos. Ibid., s. 175.

²⁴ K. Jeżowski. Ibid., s. 155.

наблюдался в Глубчицком и Прудницком поветах. Затем шли Ныский, Олеский, Гродковский и Ключборский поветы.

В 1876—1907 гг. в три раза увеличилось число работников, занятых обработкой минерального сырья. В начале XX в. они составляли около 9% пролетариата Силезии. В Опольской регенции рабочие этой отрасли концентрировались все еще за границами Верхнесилезского промышленного округа. В Нижней Силезии положение было иным. Значительная часть повятов входила в состав Судетского промышленного округа, высоким процентом рабочих отличались поветы: Бжеский, Гуровский, Стшелыньский, Сыцовский, Сцинавский, Сродзский, Тшебницкий, Воловский, Вроцлавский и Зенбицкий. В Легницкой регенции высокой показатель этих рабочих был в поветах: Легницком, Свежавском, Жаганском и Згожедецком ²⁵.

Процент металлистов к началу XX в. значительно возрос. В Опольской регенции большая их часть сосредоточивалась теперь на территории Верхнесилезского промышленного округа; в Гливицком повяте они преобладали. За границами промышленного округа самый высокий процент металлистов отмечался в Радиборском и Рыбницком поветах, значительным было их число в Опольском, Ныском и Стшелецком поветах. В Нижней Силезии они концентрировались главным образом во Вроцлаве (40% всех рабочих Вроцлавской регенции). Удельный вес металлистов в Судетском промышленном округе был незначительным. Несколько больше он был в Валбжихском, Свидницком, Любанском и Згожедецком поветах. Составляя 6% всех рабочих Силезии, металлисты были распылены по всей территории провинции.

В рассматриваемом 30-летию заметно развилось машиностроение. В Верхней Силезии машиностроители сосредоточивались в основном в Гливицком повяте, где составляли 18% всего промышленно-ремесленного пролетариата, а вместе с металлистами — даже 40%. Значительное число рабочих этой отрасли находилось и в других поветах Верхнесилезского промышленного округа, а вне его — в Радиборском и Ныском. Во Вроцлавской регенции больше всего их было во Вроцлаве и поветах: Вроцлавском, Свидницком и Валбжихском. В Легницкой регенции большая часть машиностроителей концентрировалась в западной части Судетского промышленного округа (в основном, в Еленегурском, Любанском и Згожедецком поветах), в Легнице и Глоговском, Шпротавском и Зеленогурском поветах. На остальной территории при небольших абсолютных цифрах процент машиностроителей был довольно высоким. Всего в этой отрасли в 1907 г. работало 55 тыс. человек ²⁶, что составляло 6,5% промышленно-ремесленного пролетариата Силезии.

В топливно-химической промышленности было занято около 12 тыс. рабочих, свыше 50% их сосредоточивалось в Верхнесилезском промышленном округе, довольно много насчитывалось во Вроцлаве и Вроцлавском повяте, а также в Стшегомском, Валбжихском и Зомбковицком поветах. В Легницкой регенции рабочие топливно-химической промышленности были рассеяны по всем поветам и нигде не составляли более 2—4% всего пролетариата.

С 1875 по 1907 г. число рабочих бумажной и кожевенной промышленности утроилось (в 1907 г. — 33 тыс. человек). В Опольской регенции пролетариат этой отрасли концентрировался в Козельском, Люблинецком, Ныском и Опольском поветах; во Вроцлавской регенции — в Бжеском, Олесьницком поветах и во Вроцлаве; в Легницкой регенции —

²⁵ Ibid., s. 152—153.

²⁶ Из них 15 тыс. находилось в Верхней Силезии.

в Еленегурском и Злоторийском повятах. В 1907 г. рабочие бумажного производства и кожевники составляли 4% всего пролетариата.

В полиграфической промышленности в 1907 г. работало почти 9 тыс. человек. Большинство печатников находилось в промышленных районах Силезии, а также в Глогове, Легнице и Бжеге.

Рабочие деревообрабатывающей промышленности — как и в предшествующий период — сосредоточивались в основном в лесных повятах. Число их росло, однако, медленнее, чем других отрядов рабочего класса. В результате количество рабочих деревообрабатывающей промышленности сократилось до 6% всех работающих. Их численность значительно увеличилась только в Бытомском, Ныском, Опольском и Рациборском повятах Опольской регенции. В Нижней Силезии основные центры сосредоточения деревообделочников находились в тех же повятах, что и в 1875 г.²⁷.

Медленно росла и численность рабочих пищевой промышленности, которые в 1907 г. составили 11% пролетариата (в 1875 г. — 12%). В Верхней Силезии важнейшие центры пищевиков находились в прежних промышленных районах и, кроме них, в Рациборском, Опольском и Ныском повятах. Во Вроцлавской регенции центром пищевой промышленности был Вроцлав с Вроцлавским повятом, где насчитывалось больше $\frac{1}{3}$ всех рабочих этой отрасли по регенции. Кроме того, крупные центры пищевого производства были в повятах: Свидницком, Олавском, Валбжихском, Бжеском, Дзержоневском, Клодзском, Олесьницком, Стшегомском и Сродзском. В Легницкой регенции наибольшее число пищевиков отмечалось в Еленегурском повяте, а также в Легнице и Згожельце. Повсюду здесь большое число рабочих соответствовал относительно высокий процент пищевиков. Выделялись производства: сахароваренное, мукомольное, винокуренное, пивоваренное, табачное.

В 1876—1907 гг. особенно быстро увеличивалось число рабочих-строителей. В 1875 г. в строительстве работало 13,3 тыс. рабочих и много ремесленников. В 1907 г. общее число работающих достигло 112 тыс. человек, большую часть которых составляли рабочие. Благодаря этому в начале XX в. строители заняли третье место по количеству работающих после рабочих горно-металлургической и швейно-ткацкой промышленности. Самым высоким процентом строителей характеризовалась, как и прежде, Вроцлавская регенция, после нее шли Легницкая и Опольская регенции. По числу рабочих на первом месте была Вроцлавская, на втором — Опольская, на третьем — Легницкая регенции. Концентрация значительной части строителей в промышленном округе Верхней Силезии была связана с быстрым развитием округа и растущей потребностью в строительных материалах. Во Вроцлавской регенции главным центром сосредоточения строителей являлся Вроцлав, в Легницкой регенции, за исключением Яворского и Любиньского повятов, строители не превышали 20% всего пролетариата.

Таким образом, во второй половине XIX в. сформировались промышленные центры и произошли существенные изменения в них. В Судетском промышленном округе, например, концентрировался в основном промышленный пролетариат. Возросло значение Верхнесилезского промышленного округа и Вроцлава как крупнейших центров рабочего класса. По некоторым отраслям в промышленных округах сосредоточивалась большая, по другим — значительная часть пролетариата. В начале XX в. рабочий класс концентрировался на относительно небольшой территории. Структура пролетариата вне округов была менее однородной, а распылен-

²⁷ K. J e ż o w s k i. Ibid., s. 105 i n. passim.

ность более значительной. Если в промышленных округах преобладал промышленный пролетариат, то на остальной территории — ремесленный.

Другим следствием промышленного развития Силезии был рост средней величины промышленных предприятий. Это происходило в результате превращения отдельных ремесленных мастерских в крупные промышленные объекты, а также увеличения крупных предприятий, насчитывающих 500 и более работающих, в связи с чем изменялось само понятие величины предприятия²⁸.

В середине XIX в. предприятия, на которых работало свыше 50 человек, были довольно редки и считались относительно крупными. Такие предприятия можно было встретить главным образом в горно-металлургической, текстильной и пищевой промышленности, реже в обработке минерального сырья и других отраслях. В Валбжихско-Новорудском бассейне в среднем на шахтах работало по 63 человека, причем в ряде случаев на них было занято большее число рабочих. На шахте «Фухс» (в настоящее время «Торез»), например, работало 458 шахтеров²⁹. В Верхнесилезском бассейне крупнейшими по количеству шахтеров были государственные шахты «Круль» и «Крулева Луиза».

Похожим было положение в производстве железа и цинка³⁰. В результате технического прогресса в первой половине XIX в. увеличились не только численность рабочих в расчете на одно предприятие, но также и число предприятий с количеством рабочих более 50³¹.

Значительно меньшей в середине XIX в. была доля промышленного пролетариата в текстильной промышленности. Крупные предприятия были в основном в механическом прядильном и в сушильном производствах, а также в фабричном ткачестве. В 1849 г. насчитывалось 20 предприятий с числом рабочих от 51 до 200, 15 — от 201 до 1000 и одно предприятие с числом рабочих более 1000 человек. В первой группе предприятий работало 2 тыс., во второй — 7 тыс., а в третьей — 1 тыс. человек. Из 36 предприятий, о которых шла речь, 22 находились в Легницкой регенции, 12 — во Вроцлавской и 2 — в Опольской. В Нижней Силезии они размещались в южной части обеих регенций³².

К крупным предприятиям относились стекольные и сахарные заводы. В остальных отраслях преобладало мелкое производство, нередко ремесленного характера. Итак, можно утверждать, что в середине столетия крупнопромышленный пролетариат в тогдашнем значении этого понятия преобладал только в горно-металлургической промышленности, а в ткачестве он составлял только $\frac{1}{3}$ всех занятых в фабричном производстве. В остальных же отраслях его позиции были гораздо слабее³³.

В третьей четверти XIX в. возросла доля промышленных рабочих в общем числе промышленно-ремесленного пролетариата. В 1875 г. на 100 ремесленников приходилось 110 промышленных рабочих. Это преобладание было незначительным, тем не менее оно проявлялось довольно отчет-

²⁸ K. P o p i o ł e k. Rozwój kapitalistycznego przemysłu na Śląsku (1850—1914), passim; cp. I. P i e t r z a k - P a w ł o w s k a. Przewrót przemysłowy i warunki kapitalistycznej industrializacji na ziemiach polskich do 1918 r. W: «Uprzemysłowienie ziem polskich w XIX i XX wieku. Studia i materiały». Wrocław, 1970, s. 57—103; W. D ł u g o b o r s k i. Górnictwo i hutnictwo do 1918 r. Ibid., s. 109—176.; G. M i s s a ł o w a i i n n i. Przemysł włókienniczy. Ibid. s. 277—292.

²⁹ S. M i c h a ł k i e w i c z. Górnictwo węglowe i położenie robotników w Zagłębiu Wałbrzysko-Noworudzkim w pierwszej połowie XIX wieku. Wrocław, 1965, s. 127.

³⁰ J. J a r o s. Historia górnictwa węglowego..., s. 52 i n. passim; Cp. Th. S c h ü c k. Ober — Schlesien. Statistik des Regierungs-Bezirks Oppeln. Iserlohn, 1860, S. 294 ff.

³¹ Th. S c h ü c k. Ibid., S. 294 ff.

³² S. M i c h a ł k i e w i c z. Struktura proletariatu przemysłowego..., s. 48.

³³ Ibid.

ливо. Промышленный пролетариат составлял 52% занятых в промышленности и ремесле, в Опольской регенции — 67, во Вроцлавской — 48 и в Легницкой — только 42%³⁴. Такая структура существовала прежде всего в горно-металлургической промышленности, которая характеризовалась большой концентрацией рабочих на крупных предприятиях. Так, в горно-металлургической промышленности на предприятиях с числом работников более 50 было занято 99,9% рабочих, в обработке минерального сырья — 83,4, в химической промышленности — 75,7, в осветительной — 70,8, в полиграфической — 69,9, в машиностроительной — 58,3, в строительной — 42,9, в бумажной и кожевенной — 42,8, в пищевой — 42,2, в ткацкой — 30,4, в металлической — 25,4, в деревообрабатывающей — 20,9% рабочих³⁵.

В большей степени крупные предприятия концентрировались в Верхней Силезии. Кроме того, их можно было встретить во Вроцлаве и Судетском промышленном округе, и иногда и в некоторых небольших городах. В 1875 г. было 40% предприятий с числом рабочих от 6 до 10, 44% — от 11 до 50 и только 16% — свыше 50. 80% предприятий, имевших более 1000 человек, приходилось на горно-металлургическую промышленность. В группе предприятий с числом рабочих от 201 до 1000 превосходство горно-металлургической промышленности не было значительным (48%). Не менее 81% предприятий этой группы концентрировалось в Опольской регенции. Среди других производств такие предприятия чаще всего встречались в текстильной промышленности (почти 20% предприятий). Предприятия с числом рабочих от 51 до 200 наиболее многочисленны были в текстильной, строительной, горно-металлургической, пищевой промышленности и обработке минерального сырья. Самый высокий процент предприятий, имевших 11—50 рабочих, был характерен для строительной, машиностроительной, горно-металлургической, пищевой и химической отраслей и обработки минерального сырья. Предприятия с 6—10 рабочими были наиболее распространены в текстильной, металлической, пищевой и деревообрабатывающей промышленности.

Величина предприятий свидетельствует о степени концентрации промышленности и промышленного пролетариата. В 1875 г. он в большей мере, чем в середине XIX в. состоял из рабочих крупных предприятий. Эти рабочие преобладали в Верхнесилезском и Валбжихско-Новорудском бассейне. Во Вроцлаве и значительной части Судетского промышленного округа крупнопромышленный пролетариат не занимал такого решающего положения. На остальной же территории Силезии преобладал ремесленный пролетариат. Однако и здесь нередко были предприятия с числом рабочих больше 50, а иногда — до 100 человек³⁶.

Процесс концентрации производства и капитала в последней четверти XIX в. усилился. Если в 1875 г. в среднем на угольную шахту приходилось 293, то в 1890 г. — уже 888, а в 1900 г. — 1098 шахтеров³⁷, т. е. среднее число работающих на предприятии возросло в три раза. В добыче железной руды этот процесс был наиболее медленным. Средняя численность рабочих предприятия увеличилась с 51 в 1875 г. до 101 человека в 1913 г. Более значительным был рост числа рабочих, занятых добычей цинковой руды (с 172 до 418 человек). Высокий темп концентрации рабо-

³⁴ Ibid., s. 50—52.

³⁵ Ibid., s. 50—55.

³⁶ K. J e ż o w s k i. Ibid., s. 72—112, passim.

³⁷ K. P o p i o ł e k. Koncentracja produkcji w przemyśle górniczo-hutniczym Górnego Śląska..., s. 72 i n. passim; B. S z e r e r. Z dziejów ruchu robotniczego Wrocławia ostatniego dziesięciolecia XIX wieku. «Studia i Materiały z dziejów Śląska», t. III. Wrocław, 1960, s. 265—315.

чей силы характерен для производства железа (с 139 до 685 рабочих) и цинка (с 161 до 531 человека на предприятии). Подобные тенденции наметились также в машиностроительной, текстильной, металлической и других отраслях. Вообще процесс концентрации пролетариата в Верхней Силезии проходил быстрее, чем во Вроцлавской и Легницкой регенциях. Рабочий класс Опольской регенции в начале XX в. насчитывал в своих рядах гораздо больше крупнопромышленного пролетариата, чем в Нижней Силезии.

Среди рабочих ведущее положение занимали мужчины. Однако почти во всех отраслях наряду с ними работали подростки и женщины. Точных данных о демографической структуре рабочего класса не имеется, поэтому ниже приведенные сведения являются приблизительными. В середине XIX в. в добыче угля женщины были заняты только эпизодически. Четверть века спустя в Верхнесилезском бассейне они составили около 6% работающих на шахтах. В Валбжихско-Новорудском бассейне этот показатель был более низким (1,5%), а в Яворском округе достигал 5%. Особенно часто женщин использовали на добыче торфа (50% работающих), а также железной и цинковой руд (30% и 25% работающих). Чаще всего женщин можно было встретить на шахтах Опольской регенции, реже — во Вроцлавской и Легницкой регенциях, что, вероятно, было связано с более трудными условиями добычи и кроме того с возможностью найти работу в других отраслях промышленности и ремесле³⁸. Следует отметить, что они были заняты не столько непосредственно на добыче, сколько на сортировке добытого сырья или на его промывке³⁹.

В металлургии процент работающих женщин также был относительно невысок, и в середине XIX в., как правило, они составляли не более 3% работающих. В 1849—1875 гг. эта картина изменилась. К концу третьей четверти века на заводах меди, олова и цинка работало до 20% женщин. В Верхнесилезском производстве железа доля женского труда была небольшой и составляла около 9%, а в Нижней Силезии она была еще меньше⁴⁰.

В металлической промышленности женщины почти совсем не встречались, в машиностроении в середине XIX в., они также не работали, подобное положение существовало и в 1875 г.⁴¹ В обработке минерального сырья женщины в 1875 г. составляли 16% работающих. Возможно, женский труд использовался и раньше, но этот факт не отмечен в доступных нам источниках. В пищевой промышленности женщины играли довольно существенную роль. Наибольшее число женщин работало в текстильной и швейной промышленности. В общем в течение третьей четверти XIX в. доля женщин среди рабочих значительно возросла.

В 1876—1907 гг. произошли дальнейшие изменения в демографической структуре пролетариата. По отчетам фабричных инспекторов число женщин к 1907 г. увеличилось до 17,2% всех рабочих. Особенно много их было занято в текстильной, пищевой, деревообрабатывающей и бумажной промышленности. Немало их работало также в каменоломнях, строительстве, производстве цемента, горно-металлургической промышленности, т. е. отраслях, вредных для здоровья. Несмотря на запрещение работы женщин в промышленном производстве, их число не сократилось,

³⁸ S. Michalkiewicz. *Struktura proletariatu przemysłowego...*, s. 36—47.

³⁹ «Tabellen und amtliche Nachrichten über den preussischen Staat für das Jahr 1849», t. VI. Berlin, 1855.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Frief. *Die wirtschaftliche Lage der Fabrikarbeiter in Schlesien und die zum Besten derselben bestehenden Einrichtungen*. Breslau, 1876, S. 21 ff.

но даже возросло. В начале XX в. процент работающих женщин в Нижней Силезии был уже выше, чем в Опольской регенции, что было связано с иной отраслевой структурой промышленности, особенно с существованием развитой текстильной, швейной и пищевой промышленности⁴².

В тяжелой промышленности в середине XIX в. работало сравнительно немного подростков. Тем не менее и здесь в 1849—1875 гг. проявляется типичная для капитализма тенденция использования детского труда. Правда, в Силезии этому препятствовало законодательство, однако, продолжало расти применение труда подростков на шахтах. В добыче угля в Верхней Силезии подростки до 16 лет составляли в середине XIX в. 0,6%, в добыче железной руды — 7%⁴³, в остальных отраслях промышленности — в среднем около 4,6% работающих. В Нижней Силезии эти показатели были ниже, причем подростков там использовали в добыче каменного и бурого угля; в других отраслях добывающей промышленности их участие было совсем незначительным⁴⁴. Использование труда подростков в металлургии также не приняло широкого размаха. В середине XIX в. в металлургии железа подростки составляли до 2,5% работающих, в выплавке цинка и меди — 4,8%. Только в Нижней Силезии их было несколько больше⁴⁵.

В металлической, машиностроительной и пищевой промышленности подростки использовались только спорадически. И в других отраслях также их доля в общем количестве работающих была незначительной. В некоторых случаях в 1849—1875 гг. произошел даже определенный спад занятости подростков. По данным прусской статистики в 1875 г. только в исключительных случаях они составляли больше 4% работающих. Эти данные, однако, не вызывают полного доверия. Видимо, в действительности этот процент был выше, особенно в текстильной промышленности.

В 1876—1907 гг. труд подростков использовался почти во всех отраслях промышленности. Они встречаются и в горно-металлургической промышленности. По сообщению фабричного инспектора в 1892 г., «отцы привлекали своих детей школьного возраста к подсобной работе ночью...»⁴⁶.

Против запрещения использовать труд подростков резко выступали промышленники. Некоторые из них заявляли, что такое запрещение может повлечь за собой усиление польского национального движения. Например, Вольфц утверждал, что вследствие такого запрещения «в Верхней Силезии юноши становятся не только социал-демократами, но и поляками»⁴⁷. Боязнь национально-освободительного движения в определенной мере сказывалась на социальной политике правительства.

В 1889—1907 гг. на шахтах подростки составляли в среднем 6—9% шахтеров. В металлургии их было меньше, в фабричном производстве Опольской регенции — около 12% работающих. Вообще доля детского труда в промышленности в начале XX в. не была очень значительной.

Рабочий класс Силезии не был единым в национальном и языковом отношениях. В середине XIX в. процент польского населения в Опольской регенции был относительно высок. По подсчетам Т. Ладогурского в 1849 г. оно составляло 58,6%, в 1852 г. — 58,7, в 1861 г. — 59,1% всех

⁴² Cp. B. S z e g e r. *Z dziejów ruchu robotniczego...*, s. 271; «Jahresberichte der Königlich Preussischen Regierungs- und Gewerbeberäte und Bergbehörden für 1907. Mit Tabellen und Abbildungen». Berlin, 1908, S. 154—156, 169—170, 184—185.

⁴³ S. M i c h a ł k i e w i c z. *Struktura proletariatu przemysłowego...*, s. 37 i n.

⁴⁴ *Ibid.*

⁴⁵ *Ibid.*, s. 43.

⁴⁶ K. J o Ń c a. *Polityka socjalna Niemiec w przemyśle ciężkim Górnego Śląska (1871—1914)*. Katowice, 1966, s. 142.

⁴⁷ *Ibid.*, s. 150.

жителей⁴⁸, чешское население соответственно 4,7%, 4,8 и 4,5%. В действительности доля славянского населения была больше. Если по официальным данным 1890 г., т. е. после периода интенсивной германизации, славян было 59,2%, в 1900 г. — 59,9, в 1905 г. — 60, в 1910 г. — 57,3, то по школьной статистике в 1891 г. поляков насчитывалось 67,2%, в 1896 г. — 68,8, в 1901 г. — 69,2, в 1906 г. — 70,0, в 1911 г. — 70,1%⁴⁹.

Из приведенных данных следует, что большую часть населения Верхней Силезии составляли поляки. Размещались они неравномерно. Немецкий элемент был многочисленным прежде всего в Глубчицком, Ныском, Прудницком, Гродковском и Немодлинском повятах, не входивших в Верхнесилезский промышленный округ. Кроме того, немцы жили в некоторых городах, причем в основном это были чиновники и мелкая буржуазия. Поляки преобладали в повятах Верхнесилезского промышленного округа и на остальной территории Опольской регенции. В Бытомском повяте в 1890 г. польское население составляло 83,2%, в 1900 — 78, в 1905 г. — 76, в 1910 г. — 68,8%, Катовицком — соответственно 78,4%, 76,1, 74,8, 68,2%, Забжаньском — 76,9%, 73,4, 72,5, 59,8% всех жителей, Школьная статистика зафиксировала более высокие показатели. В Бытомском повяте в 1901 г. — 88,2%, в 1906 г. — 86,7, в 1911 г. — 84,7%, в Катовицком — в 1896 г. 83,8% и далее соответственно 88,4, 86,9 и 84,2%, в Забжаньском — 84,7%, 85,2, 85,3 и 83,1%. Такая же ситуация наблюдалась в Тарногурском и Гливицком повятах. Только в городах эти показатели были значительно ниже. В Бытоме они, например, колебались в границах 40—60%, в Крулевской Гуте (в настоящее время Хожув) — 47—67, в Катовицах — 14—46%⁵⁰. При этом надо помнить, что Катовице являлись крупным административным центром, но подобно другим городам Верхнесилезского промышленного округа не были крупным населенным пунктом. В результате высокий процент немцев в городах не оказывал большого влияния на языковую принадлежность рабочего класса, который в своем большинстве говорил по-польски⁵¹.

В большинстве повятов Опольской регенции рабочий класс также был в основном польским. Многочисленную группу сезонных рабочих составляли в основном выходцы из Галиции, реже — из Королевства Польского. Можно встретить среди них не только поляков, но и украинцев, а в некоторых случаях — русских⁵². Украинцы — по мере усиления политики германизации — все более заменяли польских сезонных рабочих, ибо существовало опасение, что пришлые поляки могут усилить польский элемент в Силезии. Численность украинских рабочих была довольно значительной. Они сосредоточивались почти исключительно в Верхнесилезском промышленном округе. Некоторые из них работали в деревне⁵³. Обособленную национальную группу составляли еврейские рабочие. Попытки привлечения их к работе в крупной промышленности, предпринятые во второй половине XIX в., не дали результатов⁵⁴.

⁴⁸ «Historia Śląska», t. II, cz. 2. Wrocław, 1970, s. 121.

⁴⁹ A. G a l o s. *Polskość Śląska w XIX wieku w świetle niemieckich materiałów statystycznych*. «Szkice z dziejów Śląska», t. II. Warszawa, 1956, s. 38.

⁵⁰ A. G a l o s. *Ibid.*, s. 38—39.

⁵¹ DZA Merseburg. Rep. 120 C IX 3b, № 19, B. 9, fol. 201—203.

⁵² A. B r o ź e k. *Robotnicy spoza zaboru pruskiego w przemyśle na Górnym Śląsku (1870—1914)*. Wrocław, 1966.

⁵³ *Ibid.*, s. 20—21, 57.

⁵⁴ A. B r o ź e k. *Próby zatrudniania robotników żydowskich na Górnym Śląsku przed pierwszą wojną światową*. «Studia i materiały z dziejów Śląska», t. IX. Wrocław, 1968, s. 133—166.

В итоге верхнесилезский пролетариат состоял прежде всего из польских рабочих местного и внесилезского происхождения. Они преобладали на шахтах. Процент немцев был довольно значительным среди высококвалифицированных рабочих, в особенности металлургов. Из немцев в основном комплектовался технический персонал и надзиратели, составлявшие так называемую рабочую аристократию.

Нижняя Силезия в рассматриваемый период была уже в сильной степени германизирована. Польские рабочие или рабочие польского происхождения здесь встречались редко и быстро подвергались германизации. Сравнительно больше польских рабочих было во Вроцлаве⁵⁵. В менее индустриализированных районах польское население сохранялось в Сыповском, Намысловском, Олавском, Вроцлавском, Бжеском и Глоговском повятах. В отличие от Верхней Силезии рабочий класс в Нижней Силезии состоял главным образом из немцев, занятых в мелком производстве или даже ремесле.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что в течение второй половины XIX в. структура рабочего класса Силезии подверглась значительным изменениям. В промышленных округах усилилась дифференциация занятости и возросла доля рабочих тех отраслей, который прежде не играли значительной роли. Поэтому рост числа рабочих ведущих отраслей промышленности сопровождался уменьшением их удельного веса в производстве. В слабо развитых районах все еще сохранялись не только сильная распыленность рабочих, но также мелкое промышленное и ремесленное производство. Возрастающее преобладание промышленных округов над остальными районами провинции вело не только к концентрации рабочего класса на определенной сильно индустриализированной территории, но и к сосредоточению там его наиболее передовой части — крупнопромышленных рабочих. Особенно четко это прослеживается на примере верхнесилезского промышленного округа, несколько слабее — во Вроцлаве и Судетском промышленном округе. Рост значения Верхнесилезского промышленного округа способствовал тому, что несмотря на процесс германизации крупнопромышленный рабочий класс здесь в результате прилива в промышленность новых групп рабочих в значительной степени по своему национальному составу оставался польским.

Перемены во внутренней структуре рабочего класса Силезии несмотря на свою специфику отражали общие закономерности развития, присущие капиталистическому строю.

---

⁵⁵ Ср. A. G a l o s. *Polskość Śląska w XIX wieku...*, s. 36 i n.

Е. А. КНЯЖЕЦКАЯ

СВЯЗИ РОССИИ С ДАЛМАЦИЕЙ И БОКОЙ КОТОРСКОЙ ПРИ ПЕТРЕ I

В исторической литературе неоднократно высказывалось мнение, что Петр I, заимствуя в начале своего царствования научно-технический опыт в европейских странах, отдавал явное предпочтение Голландии¹. Между тем есть основания считать, что не одна Голландия интересовала в то время русского царя. Уже в первый год своего единоличного правления² Петр проявил большое внимание к возможным связям с южными славянами.

В конце 1696 г. он издал два указа большого государственного значения. Первый из них, от 22 ноября, гласил: «стольникам обеих палат сказано в разные государства учиться всяким наукам»³. В Голландию и Англию направлялось 22 человека, в Венецию — 39. Второй указ, от 6 декабря, объявлял о направлении в европейские страны Великого посольства в лице трех полномочных послов: Франца Яковлевича Лефорта, Федора Алексеевича Головина и Прокофия Богдановича Возницына⁴. Политической целью посольства было привлечение европейских государств в союз против Турции. Вместе с посольством выехало 30 человек волонтеров для изучения морского дела в Голландии. Среди них, под именем Петра Михайлова, находился Петр I. Впервые в истории русский царь выехал за пределы своего государства и впервые представители русской знати отправились для обучения в чужие страны.

Великое посольство выехало из Москвы 9 марта 1697 г. В свите второго посла Головина находился дворянин Григорий Островский. В день отъезда ему был выдан проездный лист следующего содержания: «По нашему царского величества указу послан во европские христианские государства и княжества и в волные города урожденной наш дворянин⁵ Григорей

¹ М. И. Белов. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. В кн. «Международные связи России в XVII—XVIII вв.». М., 1966, стр. 72—73; М. М. Богословский. Петр I, т. 2. М., 1941, стр. 123; Э. Винтер. Нидерланды и Россия накануне Северной войны. В кн. «Международные связи России в XVII—XVIII вв.», стр. 291—292.

² Петр I начал царствовать в 1682 г. совместно со своим сводным братом Иваном, умершим в конце января 1696 г. С этого времени началось самостоятельное правление Петра I.

³ Придворный чин стольника жаловали людям знатного происхождения. Под стольниками «обеих палат» имелись ввиду лица, служившие обоим царям, недавно умершему Ивану и Петру.

⁴ М. М. Богословский. Там же, т. I, 1940, стр. 366—367.

⁵ В литературе встречаются ошибочные сообщения о том, что в 1697 г. в Европу был послан иноземец Островский, капитан полка Лефорта. М. М. Богословский. Там же, т. 2, стр. 218; «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. I (далее — «Письма и бумаги...»). СПб., 1887, стр. 656; А. Пыпин. Обзор русских

Островский для науки морских художеств и юанских дел». Далее следует обращения к правителям тех стран, через которые должен был ехать Островский, с просьбой оказать ему содействие⁶.

Текст проезжего листа не дает ясного представления о целях этой поездки. О них становится известным при чтении «Наказных статей Григорию Островскому». Они составлены 2 октября 1697 г. в Амстердаме, куда вместе с Великим посольством прибыл Островский. Документ этот публиковался во второй половине XIX в.⁷ Так как он представляет большой интерес для нашей темы, приводим его полностью с сохранением орфографии и пунктуации.

«Октября в 2 день. (1697 г.— *Е. К.*). По указу Великого государя послан из Гаги в Шклявонскую землю из дворян Григорей Григорьев сын Островский для некоторых дел тайно; а что ему велено делать и о том ему даны статьи и дан пас таков, каковы даваны пасы дворянам, которые посланы учиться морскому делу. А для той посылки Великого государя жалованья, подмоги и на наем подвод, дано ему триста золотых червонных. А в данных ему Григорюю статьях написано:

1. Ехать из Гаги, разведав подлинно на которые земли и места ближе и податнее, до Славенской или до Словацкой и до Шклявонской земли. А на которые места поедет и чрез чьи земли и государства и волные городы, и что от которого города до которых мест верст и миль и какова дорога, и в подводах и в кормех довольство есть ли и о том всем, разведав и рассмотря подлинно, записать имянно.

2. Приехав в тое Шклявонскую землю, проведать, под котрым она государем, и много ль в ней городов и знатных мест, и многолюдна ль она, и какие в ней люди: служилые ль или купецкие или пахотные, и которых чинов болше, и есть ли в ней капитаны, порутчики подпорутчики, шиперы, боцманы, штирманы и матрозы, которые б служили или и ныне служат на воинских караблях и каторгах, или на купецких караблях.

3. Да и о том ему проведать, каковы там люди к морскому пути и бою, будут ли против Венетов, и на чем заобычнее, на каких судах болши употребления к бою имеют, на караблях ли или на каторгах и в которых местах они той войны употребляют и в чьих флотах? И о том, для подлинного уверения, разговорясь з знатными начальными людьми, взять у них на письме. При том проведать подлинно ж: кто того морского дела и употребления есть в той же земле, или того ж языку, из знатных начальных людей, вице — адмиралы и иных вышних и нижних чинов, и имена их двух или трех, или и болши, записать.

4. Да и о том проведать, тот вышеупомянутой славенской народ славенской ли язык употребляет, и мочно ль с ними рускому человеку о всем говорить и разуметь? И из них какова ни есть

изучений славянства. «Вестник Европы», 1889, т. 3, (май), стр. 174. В полку Лефорта, действительно, служил иноземец Григорий Иванович Островский, за границу же был послан русский дворянин Григорий Григорьевич Островский. «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. 8 (далее — «Памятники...»). СПб., 1867, стр. 56.

⁶ «Памятники...», т. 8, стб. 1018.

⁷ «Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией», т. 12. СПб., 1872, стр. 54—55. «Памятники...», стб. 1014—1016; «Письма и бумаги...». стр. 199—201; А. П. и н. Там же, стр. 174—175.

чина, человека того славенского народа и языка привезть с собою в Амстрадам, для познания языка их, уговороя с ним по чему давать на месяц.

5. Да и о том проведать, того вышеупомянутого народа много ли на море служит, или болши на земли?

6. Да ему же, будучи в Славенской земле, о всем вышеписанном роведав и учиня, проведать: Венеция далеко ль от той Славенской земли, и путь к ней на которыя места, и чрез чьи земли и города, и сколько миль будет или дней ходу?

7. А будет словаки язык свой употребляют не против руского языка, и узнать ево, что они говорят, рускому человеку будет немочно, и таких вышеписанных начальных людей нет, и ему ехать в Венецию. А приехав в Венецию проведать: есть ли в Венеции вышеписанные начальные люди: капитаны, порутчики, подпорутчики, шиперы, штюрманы, боцманы, которые б умели славенского языка и морского искусства, и много ль там того языка и иных языков таких людей, и буде их наймать в государеву службу, и такие люди в Московское государство в службу поедут ли, и по чему похотят? О том с ними поговорить например. Так же и о том проведать: того славенского языка и иных языков вышние начальные люди есть ли, и кто имяны, и какие чины и в которых флотах служат, и какое о себе имя и похвалу в воинских морских делах имеют? И то все проведав подлинно, записать о всем имянно и с тою запискою ехать в Амстрадам, не мешкая нигде).

Из содержания «Наказных статей» очевидно, что основной задачей поездки Островского был наем на службу в только еще создававшийся русский морской флот офицеров и матросов южно-славянских народностей. Петр, по-видимому, располагал сведениями о том, что они являются искусными моряками, а возможно и имел некоторые географические представления о землях, населенных южными славянами. Упоминая «славенскую или словацкую землю», он, по-видимому, имел ввиду северную часть теперешней Югославии, где проживал и проживает один из южно-славянских народов — словенцы. Что же касается названия «Шклявонская земля», то это, очевидно, испорченное итальянское слово «schiavo», что означает «славянский» и «далматинский». Вероятно, «Шклявонская земля» — это Далмация. Вся Далмация за исключением Дубровника (Рагузы) с XV в. находилась под властью Венеции. Жители этих мест — исконные моряки. Петра заинтересовала возможность использовать их знания и опыт; привлекала мысль взять на морскую службу людей, язык которых мог быть понятен рускому человеку.

Отличительная особенность указов Петра I — продуманное решение не только главного вопроса, но и всех его деталей. При этом часто предлагается несколько путей для достижения цели. Эти черты петровских распоряжений мы видим и в «Наказе» Островскому.

Предполагая, что язык далматинцев будет понятен русским, Петр, в то же время, велит привезти с собой славянина любого чина «для познания языка». В том случае, если в Далмации нет людей, знающих морскую службу, Островскому следует ехать искать их в Венеции. Если славянский язык и не будет понятен рускому человеку, все же надлежит искать в Венеции моряков-славян. Петр справедливо считал, что научиться славянскому языку легче, чем итальянскому, тем более, что уже был дан приказ привезти далматинца для этой цели.

Сведения, которые Островский должен был собрать в Венеции, очень нужны были Петру. Он намеревался в конце своего путешествия направиться в Венецию, которая интересовала его как союзница России в борьбе против Турции. Кроме того, он хотел сам познакомиться со знаменитым галерным флотом венецианцев, чтобы применить их опыт на строительстве русских галер.

О самой поездке Островского в «Шклявонскую землю» и его деятельности там сведений в литературе нет. Возможно, это объясняется тем, что, по имеющимся сообщениям он не выполнил поручения Петра I. О возвращении Островского в Амстердам после его поездки сказано следующее: «Декабря в 23 день (1697 г. — *Е. К.*) явился великим и полномочным послом (то есть послам. — *Е. К.*) дворянин Григорей Островский, которой посылан в Венецию для приговору и найму начальных людей и привез с собою из Венеции дву человек капитанов Стематика Меру да Андрея Дециора, греческой веры, а по данным ему статьям в Шклявонию не ездил и ничего не учинил и быв в Венеции толко возвратился без дела»⁸. Тем не менее Островскому продолжали давать ответственные поручения. Очевидно, его поездка все же не была бесплодной. Каковы бы ни были результаты его путешествия, он должен был дать в них отчет. Поиски такого документа были начаты нами в архивах Ленинграда и Москвы. В Центральном государственном архиве древних актов был обнаружен «Статейный список» Островского⁹. Впоследствии выяснилось, что из этого архивного документа, занимающего 15 листов, опубликовано только 12 строк из текста последнего листа¹⁰.

Даем публикацию «Статейного списка», впервые вводя его в научный оборот.

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ДВОРЯНИНА
ГРИГОРИЯ ОСТРОВСКОГО, ПОСЛАННОГО ИЗ ГАГИ
В ШКЛЯВОНСКУЮ ЗЕМЛЮ

Л. 1. «206-го (1697 г. — *Е. К.*) декабря в 23 день явился царского величества великим и полномочным послом генералу и адмиралу и наместнику Новгороддккому Францу Яковлевичю Лефорту, генералу и воинскому комисарию и наместнику сибирскому Федору Алексеевичю Головину, думному дьяку и наместнику болховскому Прокофью Богдановичю Возницыну в Амстердаме из дворян Григорей Островской, которой для его великого государя дел послан в Шклявонскую землю. А в допросе сказал.

По указу великого государя поехал он из Гаги октября во 2 день и жил в Амстердаме с неделю, для того что сыскал он в его великого государя службу матрозов словян человек с тритцать, ис которых выбрано и принято в его великого государя службу пять человек.

Из Амстердама поехал он октября в 9 день водою до Утрехта 12 часов, а из Утрехта, наняв почтовую телегу, ехал до города Арнема, от Утрехта езды 12 часов, из Арнема до Нимвегина 3 часа, из Нимвегина до Брандербургских городов до Клева (Клеве —

⁸ «Памятники...», стб. 1152.

⁹ ЦГАДА, ф. 150, ед. хр. 71, л. 1—15. Дела о выездах 1697 г.

¹⁰ Е. Ф. Шмурло. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого, т. I. Юрьев, 1903, стр. 330.

Е. К.) 5 часов, из Клева до Сантена (*Ксантена — Е. К.*) 5 часов...»¹¹.

Л. 5. «И ехал из Местри до Венеции водою, и та вышеписанная дорога до Венеции зело многим людям в езде такой трудна и подводы с нуждою и в больших городах, а имянно: из Амстердама в Нимвегене, а из Нимвегена в Келене, а из Келена в Франкфурте, а из Франкфурта в Аушпурке (*Аугсбурге. — Е. К.*), а из Аушпурка до Венеции едва сыскать нанять возможно, потому что всяких чинов люди по той дороге едущие в тех городех подводы нанимают. А кормы в тех городех ис Келена до Франкфурта закуша надобно с собою вестъ а из Франкфурта корм и подводы сыскать по городом возможно. А ехал он вышеписанною дорогою роспрашивая и разведывая подлинно куда по той дороге ближе и податнее путь имел належать до Шклявонской земли, и куда из Галанской земли почта ходит. А поподлинному ево проведыванию належала дорога до Шклявонии на Венецию.

А в Венецию приехал он октября в 26 день и жил в Венеции три недели, и проведывал у знатных и верных людей о тех делех, для чего он был послан, и искал пилотов, которые бывали на Черном море. И таких пилотов не сыскал, а сыскал двух капитанов греков, которые на Черном море бывали, и наняв привез их с собою в Амстердам. А иные нихто Черного моря во всей Венеции и Шклявонии не знают и не бывали.

Да он же будучи в Венеции проведал, что Шклявонская земля от Венеции Белым морем ездою 90 миль италианских, а доброю погодою только день езды. А порубежной город тое Склявонские земли Истрия владения венецыйского, и потом цесарского владения два городка, Вулго Фюме и Букары. Да Венецыйского остров Велія, да Цара, Себенико, Шпалето, Лесина, Корцыра Курсоля. И в тех городех делают суды морские венецыйские, а покупают лес и всякие припасы на карабельное строение из цесарских смежных городов, с Юма и з Букера.

Рагузы город волной Речи Посполитой (то есть республика. — *Е. К.*), дань платят турком. Для волного купечества Каштелнова турецкой бывал, а ныне венецыйской, Катаро венецыйской, Колхино, Дюлцы да Босния провинция турецкие. Всего в Шклявонской земле венецыйского владения вышеписанных десять городов, а цесарского владенья 2 города, да турецкого Рагузы, Колхино, Дюлцы да Босния. А болши в них служивых людей, нежели купецких, народ скудной и пищею зело недовоной, для того что живут меж каменными горами и от войны разорены. А пахотных людей в той земле мало, для того что живут на каменных горах. А капитанов, порутчиков и подпорутчиков, шиперов, боцманов, штирманов и матросов, которые б служили на воинских караблях и на каторгах в той Шклявонской земле нет. А которые и есть, и те все живут в Венеции и на воинских караванах на Белом море, для того что им там жить не у чево, потому что они кормятца в Венеции от венецыйского князя и от торговых людей.

Л. 6.

Л. 7.

¹¹ Следующие три листа (2, 3, 4) пропущены, поскольку их содержание составляет одно перечисление городов, расположенных в немецких княжествах и землях австрийского императора, через которые ехал Островский. Основными этапами его путешествия были города: голландские — Амстердам, Утрехт, Нимвеген; немецкие — Кельн, Франкфурт-на-Майне и Аугсбург. Первые венецианские города, через которые он проследовал, были Тревизо и Местре.

А в Шклявонскую землю из Венеции не поехал он для того, что по проведыванию ево в той земле таких людей воинских заобычных, которые годились к морскому пути и бою, нет, да и затем, что слышал он от многих людей, что у них венетов есть заказ и подозрение такое, дабы никто чужеземцы подданных их венецких из их владения в чюжие края не подзывали и ехать было ему для того в Шклявонию не явясь сенату венецкскому невозможно. Да и те вышеупомянутые греки два капитана, которые с ним приехали в Амстердам, выехали из Венеции с ним тайно.

Л. 8.

А народ шклявонской говорят по руски, и к морскому пути и к бою zelo искусны, в морском плавании и в бою венетов лутче, и непрестанно пребывают на венецкском морском караване, а сколько их числом, того он подлинно проведать не мог. И бьютца против турков на караблях и на галерах, и на каторгах, и у всех венецкян тот народ похвальной и лутчей, что в морском бою лутче их нет. А пребывают они всегда против турков вместе с венецкянами на боях в море и в Далмацыи. А владеет над ними генерал Молино да с ним товарищи генералы ж Антоний и Гриманий. А всех судов морских воинских в промыслех против турков в Шклявонии будет з 90 или со сто. А на галере первой начальной человек дворянин, а под ним капитан, третей человек паронсук, по них паронцок, костабель с 4-ми человеки пушкарями, потом каподешкаля с 12-ти человеки матросами. На галиасе: губернатор, пилота, комит, паронс, 36 матросов, 4 человека констапелев, 1 человек пушкарь, каподешкаля, писарь. На карабле надсмотритель шляхтич, потом капитан наутор, пилета, подшлета, гвардия, каштелян, 4 штюрмана, принца — констапель, капи и сотокапи по 6 человек, 140 человек матрозов. А отпускают венецкяне воинские свои караваны в Морею против турков с тремя начальнейшими генералы вместе. А бывает в них в отпуску судов: караблей по 24, галиасов по 6, галер по 22 с ыными судами, которых будет в караване со сто. А ратных людей живет на всяком судне человек по 200 и по 150, и по 100. А всего войска живет склявонского на сухом пути в Венеции пехоты з 2000 человек, а конницы с 500 человек, а на море на галерах и на караблях с 500 человек. Всего войска венецкского и шклявонского на сухом пути и на море живет в Далмацыи против турков в воинских промыслех по 12 000 человек в году.

Л. 9.

А в Венеции для подлинного о воинских промыслех уверения разговоритца было ему з знатными начальными людьми и взять у них о поведении их воинском на письме не у ково, потому что в Венеции при нем начальных людей и войска приезде не было, живут все в караване в Далмацыи, и генерал Молино со всем войском зимует в Мореи же.

Л. 10.

А в Венеции будучи слышал он от розных торговых людей греков, что генерал Молино со всем караваном нынешняго лета стоят в Мореи близ Албании в Пелопонезе меж Неаполи ди Романии, и был междо ими бой сего лета три боя небольшие, а больших боев сего лета не было. А употребляли они те бои меж арцышелягою и островом Хиєю, и Никандром и Андром. И тех мест греченя половина под турским владением, а другая под венетами. И больших упадков на обе стороны не было.

Л. 11.

А в морском де употреблении над воинскими ратными людьми у первого генерала бывает по два адмирала, а у иных проведитов

по одному адмиралу. И таких адмиралов в морском караване живет человек 6 или 8, и воинское дело по указу начальных людей все они управляют, а в Венеции де соберетца склявонов, матросов и иных карабельных работников человек с 200 или с 300, и тех работных людей к Москве в службу наговорить и принять мочно, и к Москве за заплату ехать они похотят, толко б была им свобода от венецейского сенату. А те склявоны говорят по словенску и руским людям говорить с ними приобывчився мочно. А из Венеции ис таких людей одного человека для познания языка с собою не привез он для того, что и в Амстрадаме такие матрозы сысканы. А начальных карабельных людей, которые карабельной ход знают, а имянно: капитанов, которые бывали на купецких караблях, и тех в Венеции сыщетца человек с 10, которые остались от караблей. Толко те люди на воинских караблях не бывали, и о призыве их для службы к Москве он про них проведывал, и по его проведыванию отзывались многие, что они в службу к Москве ехать хотят, толко б наперед дано было им жалованье по чином, чем женам их в Венеции живучи без них питатца, и хотели ехать, положась на милость великого государя в жалованье, что им впредь дано будет без уговору. А в Венеции даетца тем капитаном платы на купецких караблях по 15 червонных на месяц, а иным и по 20 червонных. А на воинских караблях даетца вдвое.

А служат де шклявоне венецияном на сухом пути и на море, а в каком счислении и где их больше служат, того ему подлинно слышать не случилось.

Л. 13. А вестей дорогою едучи он слышал, что московские войска на Украине турков сего лета побили с 5000 человек и полону множество взяли, и обоз погромили. О том он слышал на многих местех, едучи дорогою, и за тою победу во всех городах благодарят.

А венецияне зело готовятца к весне на турка и делают два карабля, и хотят их послать с караваном против турков, и ратных людей принимают много, чтобы умножить караван перед прошлым годом болши.

Дорогою ж едучи встречал он многих салдат, которые были во Фландрии у соединенных против француза на войне, что идут в Венецию наниматца служить против турка, и многие с ружьем и з знамены, а иные и без ружья.

Француз с цесарем в миру и обещает цесарю отдать Стразбурх, чтоб он с турком помирился. О том он слышал едучи назад в Франкфурте.

О московских войсках была в Венеции слава, что идут конечно многими силами на Черное море. И для опасения от тех войск ис Царяграда посланы были турецкие карабли и каторги. А что там учинилось, того он не ведает.

Л. 14. А стоял он в Венеции близ греческой церкви, и выехал из Венеции ноября в 16 день, и ехал дорогою теми ж вышепомянутыми месты, которыми ехал в Венецию.

А о вышеписанных капитанах, которых будучи в Венеции приговорил, сказал он Григорей, что приехав он в Венецию проведывал всякими мерами, чтоб турецких людей¹², которые ход Черного моря знают и на Черном море бывали, сыскать и в службу к Москве приговорить. И по многому его проведыванию нашел

¹² По-видимому, не исключалась возможность привлечения на русскую службу турецких подданных-христиан.

он в Венеции греков венецыйских жителей, которые бывали на Черном море и тому быти заобычные благочестивой веры Стамати Камеру да Андрея Деширу, которые бывали на торговых и на воинских караблях за капитанов и знают капитанской чин и правительство, и жены и дети у них в Венеции есть, и пасы свидетельствованные на тот их капитанский чин у них были. А договорился де он с ними, что быть им в московской службе сколько они похотят и сколько их будут держать. А уговорился им давать на пищу и на одежду и за все покамест они будут в службе, по пятнадцати золотых червонных на месяц, и наперед дал им тех денег вместо задатку на три месяца человеку. И в том, что им быть в подлинной службе и не збежать, взял по них поруку венецыйского жителя кушца Марка Каяния, и в том взял на него за ево рукою письмо. А дворов своих у них в Венеции нет, а жили в постоянных дворах.

Л. 15. О турских вестях ничего не ведает и болши того ничего не слышал.

А едучи де он из Гаги до Венеции издержал на наем подвод и на харчи, и что дал вышеписанным двум человеком греком, всего триста пять золотых, а ныне у него в остатке девяносто пять золотых.

Да к нему ж в Венеции приходил католицкой домникан патер Матфей и говорил, что он умеет математическое учение и теологию, и инженерское дело, и морской ход подлинно знает, и чтоб ево принять в его великого государя службу, а он обещается по своей науке и художеству выучить в скорых годах многих русских людей и книги о той науке на русском языке будет выдавать. И он сказал, что о том великим послом донесет¹³.

В Венеции ж выбирают в службу салдат изо всяких чинов и посылают за караулом в караван воинской в Морею. А начальные люди над тем салдаты иноземцы и русские люди¹⁴ всяких народов».

«Статейный список» Островского нуждается в пояснениях.

Под Белым морем подразумевается Адриатическое море; в документах петровского времени такое название встречается не раз. Так, моряки-греки, нанятые на русскую службу в 1697 и 1698 гг., говорили о том, что «...на Белом и на Черном море хаживали многожды»¹⁵. Город Истрия — это Капо д'Истрия; «городки» Вулго Фюме и Букары — это города Фиуме (Риека) и Бакар. Слово «Вулго», стоящее перед названием Фиуме, по-видимому, написанное русскими буквами латинское слово «vulgo» — «так называемый»¹⁶. Остров Велія — Крк; (Цара и Себенико — города Задар и Шибеник. Город Шпалето (итал. Спалато) — Сплит. Остров Лесина — Хвар, остров Корцыра Курсоля — Корчула. Город Рагуза — Дубровник, в конце XVII в. был республикой, платившей дань туркам. Город Каштелнова (итал. Кастель — Нуово) — Херцег-Нови, Катаро —

¹³ Из разговора Островского с ученым патером видно, что до Венеции дошли сведения о стремлении царя Петра распространить науки в своем государстве. Из всего «Статейного списка» до сих пор был опубликован только текст этого разговора.

¹⁴ Можно предположить, что под «русскими людьми» имелись в виду представители разных славянских народов.

¹⁵ «Дополнения к Актам историческим...», т. 12, СПб., 1872, стр. 57—59.

¹⁶ Многие столетия этот город имел два названия — итальянское Фиуме и славянское Риека. И то и другое означает «река».

Котор. Название города Колхино мы попытаемся раскрыть несколько позже. Город Дюлцы (итал. Дульчиньо) — теперь Ульцинь (л. 6) ¹⁷.

Расшифровка названий морских чинов на венецианском флоте представляет известные трудности, так как они явно искажены Островским. Выяснились следующие названия: костабель (констапель) — офицер — артиллерист; пилета (пилот) — лоцман; комит — начальник галерной команды; капи (итал. капо) — глава, старшина, начальник; сотокапи (итал. соттокапо) — его помощник; проведит — командующий; каподешкаля (итал. скала) — лестница, трап, (итал. скало) — набережная, пристань — «каподешкаля» означает одного из начальников на галере, который стоит у трапа и следит за входящими и выходящими на пристань; названия паронс, паронсук и парончок выяснить не удалось (л. 9) ¹⁸.

Морея — средневековое наименование полуострова Пеллопоннес; город Неаполи ди Романии — это Навплион, расположенный на п-ове Пеллопоннес, в заливе Арголикос. Словом «арцпыеляга» Островский обозначает о-ва Эгейского моря. О-в Хия — Хиос, Никандр, вероятно, — Наксос, Андр — Андрос. Выше упоминался город Колхино. Островский называет его среди городов восточного побережья Адриатики, но ни в старых, ни в новых атласах города с таким названием здесь нет. Так как в «Статейном списке» имеется непосредственность в изложении материала, можно предположить, что Островский говорит о городе, находившемся в южной части Пеллопоннеса и называвшемся в средние века Колохина (Colochina). Сейчас это залив Лаконикос, а на месте города Колохина на картах обозначен город Титион (л. 11) ¹⁹.

В сообщениях Островского нашли отражение политические события, происходившие в европейских странах. В 1697 г. в голландском городе Рисвике был подписан мирный договор, заключивший третью голландскую войну Франции. По этому договору Франция должна была вернуть все захваченные ею в первых войнах с Голландией территории, ей был оставлен только Эльзас с городом Страсбургом. Сообщение о том, что Франция намерена отдать Страсбург австрийскому императору, если тот заключит мир с Турцией, представляется мало правдоподобным (л. 13).

Капитаны-греки, которых Островский привез из Венеции, остались служить в России на галерном флоте, участвовали в морских сражениях во время Северной войны. Интересно отметить, что на дочери одного из них, Андрея Диопера, Евдокии Андреевне Диопер, был женат первым браком Абрам Петрович Ганнибал — «арап Петра Великого». Фамилия Диопер в документах петровского времени имеет несколько написаний: Дешир, Дешиор, Диопер (л. 14) ²⁰.

Подведем итоги сообщениям Островского. По собранным им сведениям, в морском деле и в морских сражениях далматинцы превосходят венецианцев, что признают и сами венецианцы, отмечая храбрость славян в боях против турок. Интересно сообщение о том, что венецианцы строят свои

¹⁷ «Атлас морской», т. I. (б. м.), 1950; «Большой всемирный атлас Маркса». СПб., 1905; G. et J. Blaeu. Théâtre du monde ou nouvel atlas. 3-e partie. Amsterdam, 1647; «Enciklopedija Jugoslavije», t. 3. Zagreb, 1958; V. Saint-Martin. Nouveau dictionnaire de géographie universelle, t. 2. Paris, 1884.

¹⁸ Б. Л. Богородский. Терминология моряков Средиземно-Черноморского бассейна. Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. Герцена, т. 69, 1948, стр. 97—137; J. Röding. Allgemeines Wörterbuch der Marine. Bd. 4. Hamburg — Leipzig, 1793—1796.

¹⁹ «Атлас морской», т. I; G. et J. Blaeu. Ibid; P. Larousse. Grand dictionnaire univers, t. II. Paris, 1884; V. Saint-Martin. Ibid.

²⁰ Б. Модзалевский. Род Пушкина. В кн. «Пушкин», т. I. СПб., 1907, стр. 18; Н. А. Попов. Материалы для истории морского дела при Петре Великом в 1717—1720 гг. ЧОИДР, кн. 4. 1859, стр. I; А. Скабичевский. А. С. Пушкин. В кн. «Сочинения А. С. Пушкина в 10-и томах», т. 9. СПб., 1891, стр. 3.

корабли в прибрежных городах Далмации. Содержание «Статейного списка» подтверждает то, что, посылая Островского в «Шклявонскую землю», Петр имел ввиду Далмацию. Перечисляя «шклявонские» города, Островский называет города далматинского побережья. Сам он несколько раз употребляет название Далмация. Очень важно сообщение Островского о том, что население Далмации говорит «по русски» и понимать их язык «приобычвися мочно». Этому вопросу Петр придавал особое значение.

Интересно заметить, что в том же 1697 г., когда Островский выяснял в Венеции возможность найма на русскую службу моряков-далматинцев, в Амстердаме, где находилось Великое посольство, также занимались моряков южно-славянских народностей. С конца октября до начала ноября было нанято 26 человек²¹.

Итак, обвинение Островского в том, что он «ничего не учинил и возвратился без дела», не имело никаких оснований. Не выезжая из Венеции, он сумел выполнить поставленные перед ним задачи — собрал нужные Петру сведения. Можно с уверенностью сказать, что Островский оправдал доверие Петра и что его «Статейный список» охватил более широкий круг вопросов по сравнению с «Наказными статьями».

Миссия Островского не была единственным эпизодом связей раннепетровской Руси с Далмацией и Бокоей Которской. Одновременно с нею в Венецию была направлена группа молодых людей для обучения морскому делу. Как уже упоминалось в начале статьи, 22 ноября был объявлен царский указ о направлении в европейские страны для изучения морских наук представителей русских знатных семей. Выехать должен был 61 человек. Каждый из них вез с собой солдата для обучения тем же наукам, которые будет изучать сам. Таким образом, за границу отправились 122 человека. Следует отметить, что, стремясь дать образование русской знати, Петр в то же время не хотел допустить, чтобы ученикам делались какие-либо поблажки из-за их знатного происхождения. В грамоте Петра I венецианскому дожу Сильвестру Валерию от 25 февраля 1697 г. перечислены только имена и отчества русских стольников, направленных в Венецию, без упоминания их фамилий²². Этому давалось следующее объяснение: «... для того, чтобы в ноземческих краях подлинно не ведали какого чина и каких пород для тое вышечисанныя науки в их государства посланы»²³.

Уже упоминалось, что меньшая часть будущих учеников морского дела направлялась в Голландию и в Англию, а большая в Венецию. Это можно объяснить тем, что, направляя учеников в союзную Венецию Петр мог быть уверен, что они будут хорошо приняты. Кроме того, зная, что далматинцы являются искусными моряками, он мог быть убежден, что среди них удастся найти опытных образованных учителей.

По сохранившимся сведениям, подготовка к направлению стольников за границу началась значительно раньше объявления указа, но держалась в тайне. В эти годы в Москве проживал флорентийский купец Франческо Гваскони. Он вел обширную торговлю и пользовался большим влиянием среди членов московской иноземной колонии. Одновременно Гваскони являлся тайным агентом венецианского правительства. Свои сообщения о политических событиях в России он передавал в письмах, адресованных в Венецию своему брату Алессандро. В письме из Москвы, датированном 26 февраля 1696 г. (н.с.), он извещает, что из России в Венецию отправляют 40 дворян для обучения морским наукам. В другом пись-

²¹ М. М. Богословский. Там же, т. 2, стр. 266—267.

²² «Письма и бумаги...», стр. 133—134.

²³ Н. Н. Голицыны. Род князей Голицыных, т. I. СПб., 1892, стр. XIII.

ме того же года сообщается о том, что по просьбе московского царя греческий купец Жуан де Жеролемо, очевидно, также член московской торговой колонии, отыскал в Далмации, в городе Перасте, ученого моряка — славянина Марко Мартиновича и предложил обучать морским наукам московских дворян, за что ему будут платить пятьдесят дукатов в месяц ²⁴.

Эти сообщения современников событий дополняются более поздними литературными сведениями, помещенными в итальянских и сербских изданиях в XIX и XX вв. В них говорится о том, что направив русских студентов в Венецию, Петр просил венецианский сенат поручить их образованию ученому математику и опытному морскому капитану Марко Мартиновичу, имя которого было хорошо известно царю. Венецианская республика, верная морским традициям, выполнила его желание. Сенат доверил ученому славянину 17 русских учеников ²⁵.

Выбор Петром Марко Мартиновича в качестве наставника имел серьезные основания. Он знал о нем как о большом знатоке морского дела. Так же, как при найме моряков-славян, Петр, несомненно, считал очень важным, чтобы обучение шло на языке, понятном русским людям. Существенно было и то, что Мартинович мог преподавать теоретические науки и в то же время обучать практике кораблевождения.

Следует сказать несколько подробнее об этом ученом далматинце, перечислить его учеников и установить, чему он их обучал. Марко Мартинович происходил из черногорской семьи потомственных моряков. Родился в 1663 г. в маленьком городке Перасте, расположенном на берегу Которского залива Адриатического моря. В ранней молодости вместе со своим отцом, морским капитаном, плавал по разным морям. Командовал венецианским военным кораблем «Св. Антоний». В 1686 г. участвовал в сражении венецианских войск против турок под городом Кастель-Нуово (Херцег-Нови) и проявил большое мужество. Как специалист по математике, гидрографии и кораблестроению был назначен преподавателем Морской Академии в Венеции. В своем родном городе Перасте он открыл морскую школу под названием «Nautika» (итал. — мореплавание). Неоднократно ему предлагали стать мэром г. Пераста, но он отказывался от этой чести. Умер в 1716 г.

Семья Мартиновичей прославилась в Черногории своим участием в борьбе за независимость страны против ее поработителей, турок и австрийцев. Петр II Негош в своем «Горном венце» упоминает пятерых храбрецов братьев Мартиновичей ²⁶.

Имена стольников, посланных в Венецию, историки знают по документам петровского времени. Но сведения о том, кто из них оказался в числе учеников Марко Мартиновича, стали известны несколько необычным путем — не из документов, а из надписи на картине, сохранившейся до наших дней в ратуше города Пераста. Она написана масляными красками. В нижней части картины изображены Марко Мартинович и пять его учеников без указания их имен. Они окружают стол, за которым сидит Мартинович. На столе географическая карта, компас и металлическая сфе-

²⁴ Е. Ф. Шмурло. Там же, стр. 658—659, 57—58, 675.

²⁵ P. Butogac. Marko Martinović peraštanin. «Руски архив», 1933, № 34—35, s. 30—36; S. Gliubich. Dizionario biografico degli uomini illustri della Dalmazia. Vienná-Zara, 1856, s. 198; «Enciklopedija Jugoslavije», t. 6, 1965, s. 31; A. Milošević. Marko Martinović i ruski knezovi i bojari. «Jadranska straža», 1935, № 2, s. 61—62; С. Накиченович. Бока. «Српски етнографски зборник», т. 27. Београд, 1913, с. 534; F. Visovich. Storia di Perasto. Trieste, 1898, s. 274—275.

²⁶ П. П. Негош. Горный венец. М., 1955; «Россия и Италия». Сб. истор. материалов, т. 3, вып. I. СПб., 1911, стр. 32—34; «Enciklopedija Jugoslavije», t. 6, s. 31; «Pomorska Enciklopedija», t. 5. Zagreb, 1958, s. 159; A. Milošević. Ibid.; F. Visovich. Ibid.

ра. Мартинович держит в руке циркуль. Верхнюю часть картины занимает царский титул Петра I. Ниже приведены имена семнадцати учеников Мартиновича, разделенные на две части: княжескую и боярскую²⁷. Между ними — русский государственный герб. Текст картины написан на сербохорватском языке латиницей. Над живописной частью картины надпись: «Marko Martinovich uccesi pricipie i gospodu moskovsku tu ime novanu na morski nauk i wladagnie». («Марко Мартинович учит поименованных здесь московских князей и бояр морским наукам и управлению (кораблем. — *Е. К.*). В 1863 г. в России была напечатана статья, автор которой считал, что, судя по надписи на картине, Мартинович обучал русских учеников мореплаванию и политическим наукам (*wladagnie*). В 1908 г. личностью Мартиновича заинтересовался русский академик А. С. Лаппо-Данилевский. Он считал необходимым выяснить, каким политическим наукам ученый черногорец обучал русских князей и бояр²⁸. С таким толкованием слова «*wladagnie*», на наш взгляд, согласиться нельзя. Оно, несомненно, означает не управление в политическом смысле, а управление кораблем.

Перечислим учеников Мартиновича, поименованных на картине. В левой ее части имена учеников — князей даны в следующем порядке: Борис Иванович Куракин, свояк царя²⁹, Яков Иванович Лобанов-Ростовский, Петр Алексеевич Голицын, Дмитрий Михайлович Голицын, Федор Алексеевич Голицын, Юрий Яковлевич Хилков, Михаил Яковлевич Хилков, Андрей Яковлевич Хилков, Иван Данилович Гагин, Андрей Иванович Репнин. В правой части картины перечислены имена учеников — бояр: Абрам Федорович Лопухин, брат царицы Московской, Владимир Петрович Шереметев, брат генерала (Бориса Петровича Шереметева, ближайшего сподвижника Петра — *Е. К.*), Иван Алексеевич Ржевский, сын великого благодержителя³⁰, Михаил Федорович Ртищев, Никита Иванович Бутурлин, Юрий Бутурлин (отчество установить не удалось — *Е. К.*), Михаил Афанасьевич Матюшкин. Кто из учеников Мартиновича изображен на картине, можно только предположить. Относительно времени написания картины и имени художника точных сведений нет. Возможно, писал ее Трипо (Трифон) Кокольби, живший в Перасте одновременно с Мартиновичем. Весьма возможно, что картина написана еще во время пребывания русских учеников в Перасте. Она находилась в доме Мартиновича, а в начале XIX в. его потомки подарили ее городу. Вполне вероятно, что картина была даром учеников или самого царя Марко Мартиновичу³¹. Картина воспроизводилась в России в виде фототипии³².

Обучение учеников Мартиновича началось в Венецианской Морской Академии. Чтобы русские питомцы могли применить на практике приобретенные знания, венецианский Сенат дал в распоряжение Мартиновича корабль, на котором он вместе с учениками совершил два учебных пла-

²⁷ Как видно, намерения Петра сохранить втайне знатное происхождение русских учеников не было осуществлено.

²⁸ К. Петкович. Черногорец Марко Мартинович, обучающий русских бояр мореплавания и политическим наукам. «Морской сборник», 1863, т. 66, № 6; (Смесь, стр. 23—26); Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 2, оп. I. 1908, № 1. Письмо № 520.

²⁹ Петр I и Б. И. Куракин были женаты на сестрах Лопухиных: царь на Евдокии, Куракин на Ксении.

³⁰ Ученик Мартиновича И. А. Ржевский был сыном окольного А. И. Ржевского. Окольные распоряжались придворными церемониями. Очевидно, составитель текста картины имел в виду придворный чин окольного. «Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в I-м отделении Московского архива Министерства юстиции» М., 1853, стр. 353.

³¹ P. B u t o r a c. Dva nepoznata rukopisa Marka Martinoviča. «Anali historiskog instituta u Dubrovniku», 1. 1952, s. 359—354; A. M i l o š e v i ć. Ibid.

³² Н. Н. Голицын. Там же.

вания по Адриатическому морю. Во время второго плавания корабль прибыл в город Пераст. Здесь он поселил учеников в своем доме, где находилась основанная им морская школа, в которой в продолжение нескольких месяцев происходили теоретические и практические испытания русских учеников. Дальнейшее плавание учебного корабля продолжалось в Средиземном море и закончилось в порту Чивита-Веккиа. Отсюда Мартинович с учениками сушей направился в Рим, где они были на приеме у папы Иннокентия XII. Из Рима, также по суше, они поехали в Венецию, где Мартинович представил своих питомцев Сенату и сообщил об их успехах. Сенат наградил ученого далматинца пожизненной пенсией. Русские ученики, благодарные своему учителю, уговаривали его уехать вместе с ними в Россию, но он не хотел расставаться с родиной³³.

Сохранился «Аттестат, выданный капитаном Марко Мартиновичем князю Борису Ивановичу Куракину в знании им мореходного дела. 1698, августа 21».

«Сим удостоверяю, что я, Марко Мартинович, морской капитан, обучал знатного господина Бориса Иванова³⁴, московского кавалера, морскому искусству т. е.: компасу, направлению ветров и навигационной карте. Он совершил со мною два путешествия на корабле, чтобы лучше изучить мореплавание, и я указал ему на устройство всех снастей, как на корабле, так и на других судах, употребляемых в этих странах; капитаны и другие компетентные люди могут убедиться, что он, вместе с русским солдатом Иовом Сушковым с успехом обучался у меня искусству мореплавания как в теории, так и на практике. Испытав вышепоименованного знатного господина Бориса, я нашел его способным применять свои знания и для высших должностей. В чем и выдается ему этот аттестат, который он может предъявлять если встретится надобность. Я, капитан Марко Мартинович, скрепляю это моим подписом и печатью»³⁵.

В Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде хранится документ, имеющий непосредственное отношение к русским ученикам Мартиновича. Это рукопись на 26 листах, написанная на пергаменте скорописью петровского времени, без даты. В рукописи 15 цветных акварельных рисунков, изображающих разного рода морские суда, главным образом, венецианские³⁶. Рукопись не имеет названия, но на л. 7 есть надпись, которая объясняет ее происхождение. «Сказание о сем о хождении от капитана Марко Мартиновича, что ис Пераста а сказание самое практичное, что он сам видел в Леванте и что сам искусился и помнит». Эта рукопись является записью лекций, которые он читал своим русским ученикам. Содержание ее разнообразно. Начинается она с подробного описания компаса, затем — описание различных морских кораблей: архитектура, артиллерийское вооружение, личный состав команды, перечисление обязанностей каждого, суровые наказания за нарушение правил поведения на корабле. Приводятся приметы, предсказывающие погоду, дается описание правил вождения корабля при различных направлениях ветра. Подробно описывается строительство корабля, излагаются правила входа его в гавань. Лекции составлены высокообразованным, опытным преподавателем, прекрасно знающим теорию и практику мореплавания. Лекции Мартиновича записывались одним а, возможно, и несколькими его учениками. В рукописи много итальянских и сербохорватских морских тер-

³³ «Россия и Италия», стр. 32—34; «Enciklopedija Jugoslavije», t. 6, s. 31; A. Milošević. Ibid.

³⁴ Фамилия Куракина не названа в соответствии с упомянутым распоряжением Петра I.

³⁵ «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 4. Саратов, 1893, стр. 77 (Подлинник на итальянском языке).

³⁶ Гос. Публ. б-ка в Ленинграде. Рукописный отдел. Шифр Fп IX I.

минов, меньше русских. Возникает вопрос, на каком языке читал свои лекции Мартинович? В литературе существует мнение, что он обучал своих русских учеников на итальянском языке³⁷. С таким утверждением трудно согласиться. Чтобы записывать лекции на слух, нужно хорошо владеть языком. Нет никаких сведений о том, что русские стольники, направленные в Венецию, уже знали итальянский язык, но есть сообщение, что, наряду с морскими науками, они его там изучали. Ученик Мартиновича Б. И. Куракин, перечислив, каким математическим наукам он обучался, добавляет: «И так же некоторую часть в разговоре и читать и писать итальянского языку научась доволен»³⁸. Если к концу обучения Куракин и, очевидно, другие стольники, научились читать, писать и немного говорить по-итальянски, трудно предположить, чтобы в процессе занятий они могли свободно вести записи лекций, читавшихся на этом языке, переводя их тут же на русский. Как известно, в конце XVII в. население Далмации говорило на чакавском наречии сербохорватского языка. Есть все основания полагать, что Мартинович читал свои лекции на этом наречии. Кроме Мартиновича, русских обучали еще два далматинца: капитаны Георгий Раджа и Иван Лазаревич. Под их руководством ученики проходили практику кораблевождения.

Заграничное обучение продолжалось всего полтора года³⁹. 25 октября 1698 г. в Венеции был получен царский указ, посланный из Москвы 29 сентября: «... всем стольникам, которые познали науку, быти к Москве из Венеции и из Амстердама...». Через пять дней из Венеции выехали все русские ученики⁴⁰. По-видимому, указ царя об одновременном и немедленном возвращении всех стольников на родину был вызван чрезвычайными обстоятельствами. В июле 1698 г. Петр I, находясь в Вене, намеревался ехать в Венецию, где все уже было подготовлено к его приезду. 15 июля он получил известие из России о восстании стрельцов и через четыре дня, прервав свое путешествие, выехал на родину. В Москву он прибыл в конце августа. Через месяц были вызваны в Россию все находившиеся за границей ученики. Очевидно, верные, преданные люди, которые, по словам Петра, «познали науку», то есть приобщились к образованию, нужны были на родине, переживавшей трудное время.

Прерванным обучением объясняется, по-видимому, то обстоятельство, что никто из учеников, вернувшихся в 1698 г. из-за границы, не стал ни моряком, ни кораблестроителем. Но многие из них известны как видные государственные, военные деятели, дипломаты. Из учеников Мартиновича ими были: Д. М. Голицын, П. А. Голицын, Б. И. Куракин, М. А. Матюшкин, А. Я. Хилков. И все же один из учеников Мартиновича прославил русский флот. Им был его соотечественник, а также уроженец города Пераста знаменитый русский адмирал Матвей Змаевич⁴¹.

Рассмотренные нами материалы свидетельствуют о большом интересе Петра I к представителям южно-славянских народов. Он искал среди них опытных моряков для зарождавшегося в России военно-морского флота и ученых специалистов, способных в полной мере передать ученикам свои знания в области морских наук. И в том и в другом случае придавалось большое значение родству русского и южно-славянских языков.

³⁷ Б. Л. Богородский. Старшая система морской терминологии в эпоху Петра I. Уч. зап. Лешингр. Гос. пед. ин-та им. Герцена. 1948, т. 59, стр. 21.

³⁸ Б. И. Куракин. Семейная хроника и воспоминания. «Киевская старина», 1884, т. 10, вып. 9, стр. 125—126.

³⁹ В последующие годы обучение морским наукам в чужих странах продолжалось от 3-х до 9-и лет. «Общий морской список», ч. 1. СПб., 1885.

⁴⁰ П. А. Толстой. Путевой дневник. «Русский архив», 1888, кн. 2, стр. 387.

⁴¹ A. Milošević. Ruski admiral Mato Zmajević. «Jadranska straža», 1935, № 8, s. 315—319, 368—372.

А. П. ГРИЦКЕВИЧ

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ СЛУЦКИХ ВЫБРАНЦЕВ КАК ИСТОЧНИК ПО КРЕСТЬЯНСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ

Интересную страницу в истории белорусского крестьянства представляют судьбы небольшой группы военно-служилого крестьянства — выбранцев¹. Выбранцы — это солдаты-пехотинцы из крестьян Польши, Белоруссии и Литвы, которые имели за свою военную службу грамоты (привилеи) от королей, освобождавшие их от несения других повинностей. Выбранецкая пехота была создана в Польше в 1578 г. по инициативе короля Стефана Батория по образцу венгерской пехоты. Венгерская пехота, в свою очередь, скопировала организацию французских «вольных стрелков» (реформа короля Карла VII в 1448 г.), которые «набирались и вооружались приходами и освобождались от всех налогов»². В 1595 г. по решению сейма выбранецкая пехота была создана и в Великом княжестве Литовском³. Привилегии выбранцев («выбранецкое право») распространялись на их потомков. В 1612—1615 гг. из 12 рот выбранцев Великого княжества Литовского было 10 рот белорусских выбранцев⁴. Выбранцы участвовали во всех войнах Речи Посполитой в первой половине XVII в. В 1649 г. шляхетский сейм Речи Посполитой принял постановление, в котором отрицательно (из-за классового недоверия) отзывался об отрядах выбранцев⁵. С тех пор выбранецкие отряды собирались только раз для похода под Вену в 1683 г.

Белорусские и литовские магнаты, имевшие свои личные войска и крепости, с начала XVII в. также создавали выбранецкие отряды, вербуя в них в основном своих крестьян (на добровольной основе). Однако почти повсеместно они были упразднены к середине XVII в. До XIX в. сохранились выбранцы в качестве особой военно-служилой группы населения лишь в Слуцком княжестве, принадлежавшем могущественному магнатскому роду князей Радзивиллов.

В архивах Минска, Вильнюса, Ленинграда и Варшавы сохранились документы по истории слущких выбранцев. Впервые слущкие выбранцы

¹ А. Грицкевич. Выбранцы и их экономическое и юридическое положение в XVI — первой половине XIX в. (Из истории крестьян Белоруссии и Литвы). «Материалы конференции молодых ученых Белоруссии и Прибалтики», вып. «История, языкознание, литературоведение». Минск, 1963, стр. 63—73; е г о ж е. Беларускія выбранцы. «Полымя», 1970, № 11, стар. 249—253; е г о ж е. Выбранцы. «Беларуская Савецкая Энциклапедыя», т. III. Минск, 1971, стар. 180; Гісторыя Беларускай ССР, т. I. Мінск, 1972, стар. 190, 392.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 29.

³ «Volumina Legum», t. II. Petersburg, 1859, s. 355.

⁴ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей, собрание П. П. Дубровского. Польские автографы. Автограф 152, л. 100.

⁵ «Volumina Legum», t. IV, s. 128.

были упомянуты в документе 1619 г., когда в гарнизоне крепости их насчитывалось 97 человек ⁶. В 1637 г. Богуславом Радзивиллом было издано распоряжение отобрать по одному избранцу с каждых 10 волок земли (волока — 24, 37 га): «А такого выбрать, чтобы был красивый, стройный, рослый и чтоб имел к службе охоту» ⁷. Выбирались неженатые люди, каждому из которых давали по полволоки земли, свободной от повинностей и податей. Со своих доходов избранец должен был вооружиться мушкетом и саблей и обмундироваться. Набор производился следующим образом. Все крестьяне одной или нескольких деревень, не менее чем с 30 волок земли, сходились, и представители магната выбирали из них троих (или соответственно больше) «самых красивых и самых способных». По приказу князя было набрано 150 избранцев из крестьян. Вербовались также беднейшие земляне (мелкие военно-служилые шляхтичи) и «вольные люди, занимающиеся военною службою, которые известясь о заводимой для сего колонии, приходя с разных сторон, занимали выделенную землю и за оную исполняли воинские повинности...» ⁸.

Имеются сведения, что князь приказал женить своих избранцев на красивых и высоких девушках из крепостных крестьянок Слуцкого княжества (для чего был также произведен отбор девушек), чтобы иметь в своей пехотной роте рослых и отборных солдат» ⁹. И впоследствии, вплоть до XX в., избранцы женились на «выбранках».

В 70—80-х годах XVII в. основная масса избранцев с семьями была поселена возле Слуцка (к северо-западу и на восток от города) в разоренных в результате войны 1654—1667 гг. шести деревнях — Серяги, Варковичи, Лучники, Брановичи, Огородники и Подеры (причем часть жителей этих деревень была зачислена в избранцы). Они несли службу в избранецкой роте (в отдельные периоды в 2 ротах), а также в других частях слуцкого гарнизона (во второй половине XVIII в.). Служили избранцы в возрасте от 20 до 40 лет, но были и 50-летние солдаты; во флейтисты и барабанщики брали 13—19-летних юношей. Выбранецкой ротой (от 120 до 160 человек) командовали капитан, капитан-лейтенант, поручик и хорунжий — обычно профессиональные офицеры. Унтер-офицерами (изредка и хорунжами) были сами избранцы. Им давали чины от ефрейторов до подхорунжего.

Земельные участки были переданы избранцам «в вечность» при условии несения военной службы. Участки эти переходили по наследству по мужской линии или дочери-наследнице и ее мужу — избранцу. В целом надел избранца составлял от 0,5 до 1,5 волоки: служебный участок в 0,5 волоки (для унтер-офицера в 1 волоку) и дополнительный, чиншевой участок — в 0,25 или 0,5 волоки (чинш составлял 10 злотых в год с чиншевой волоки) ¹⁰. В 30-х годах XVIII в. около половины избранцев были «полуволочными», а другую половину составляли «четвертьволочные», имевшие служебные участки по четвертьволоки и отбывавшие в два раза меньшую службу. С 1760 г. по приказу магната служба избранца с четверти волоки происходила так: одну неделю в гарнизоне служили 150 человек, другую неделю — другие 150 человек, затем снова первая группа и так далее ¹¹. В 70—90-е годы XVIII в. слуцкие избранцы были разделены на две груп-

⁶ Центральный государственный исторический архив БССР (далее ЦГИА БССР), ф. 694, оп. 2, д. 10729 л. 10.

⁷ Там же, д. 2169, л. 179.

⁸ Там же, ф. 242, д. 5516, л. 4; ф. 295, оп. 1, д. 254, л. 34, 46.

⁹ А. Г р ы ц к е в і ч. Беларускія выбранцы, стар. 250.

¹⁰ ЦГИА Литовской ССР, ф. 459, оп. 2, д. 1162, л. 13—22, 68—75; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3676, л. 72, оп. 7, д. 947, л. 33—39, 48.

¹¹ Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Archiwum Radziwiłłowskie (далее — AGAD, AR), Dział VII, № 261.

пы: служилые и чиншевые. Так, в 1779 г. было 119 служилых выбранцев и 128 чиншевых¹², а в 1792 г. из 286 дымов было 124 служебных и 162 платных (чиншевых)¹³. Первые отбывали службу, вторые составляли резерв, заменяли выбывших из строя и платили чинш в казну магната.

Формально с 1659 г. выбранцы (вместе со всем гарнизоном крепости) считались в составе литовского войска¹⁴, но на деле они оставались военно-служилыми людьми князей Радзивиллов (а с 1695 по 1744 г., когда Слуцкое княжество принадлежало принцессам Пфальца, — немецких принцесс из династии Виттельсбахов). Права выбранцев на земельные участки были такие же, как и у военно-служилых земян-шляхтичей. По сути дела они были низшей группой вассалов магната и при неблагоприятных условиях могли оставить службу. Так, в 1700 г. выбранцы послали отцу малолетней слупкой княгини — рейнскому пфальцграфу Карлу Филиппу — в Гейдельберг жалобу, в которой заявили, что если магнатская администрация будет их угнетать, все они пойдут служить к другому магнату. Пфальцграф выдал им грамоту, которая сохраняла их «былые вольности»¹⁵.

В 1704—1710 гг. часть выбранцев ушла навсегда из деревень, так как администрация вопреки обычаю взимала с них денежные подати (военные контрибуции и др.)¹⁶.

Количество выбранцев в деревнях постепенно росло за счет роста населения, новых поселенцев и перевода живших в этих деревнях крепостных князей Радзивиллов в разряд выбранцев. К моменту присоединения Белоруссии к России здесь насчитывалось 112 выбранецких фамилий, из них только 44 старых (с XVII в.). Но удельный вес потомков этих старинных выбранцев составлял к концу XVIII в. 60% населения деревень¹⁷. Возрастание численности выбранцев, особенно во второй половине XVIII в., связано с политическими обстоятельствами — усилением борьбы магнатских группировок Речи Посполитой за власть и необходимостью иметь для этой цели вооруженные отряды.

Права слупких выбранцев вначале не были закреплены каким-нибудь актом. Это давало возможность администрации магната вводить постепенно новые повинности. Тем не менее выбранцы смогли добиться закрепления их привилегий в грамотах рейнского пфальцграфа (1700 г.), короля Августа II (1720 г.), князя Иеронима Флориана Радзивилла (1747 г.) и короля Станислава Августа Понятовского, подтвердившего королевскую грамоту 1720 г.¹⁸

В судебном отношении выбранцы были экстерриториальны. Выбранцы и их семьи были подсудны не магнатской администрации в волости, а особому суду военного губернатора Слуцкого княжества. В спорных делах с мещанами и другими горожанами, духовенством и шляхтой они судились в замковом суде Слуцкого княжества.

После второго раздела Речи Посполитой и присоединения центральной части Белоруссии к России повинности выбранцев несколько увеличились. Вместо военной службы они отбывали сторожевую повинность в поль-

¹² AGAD, AR, Dział VII, № 490.

¹³ ЦГИА Литовской ССР, ф. 459, оп. 1, д. 602 л. 1, 2—5 об.

¹⁴ «Volumina Legum», t. IV, s. 317.

¹⁵ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 2169, л. 71—72.

¹⁶ Там же, д. 5815, л. 34.

¹⁷ ЦГИА Литовской ССР, ф. 459, оп. 1, д. 602, л. 2—5 об.; д. 642, л. 1, 5, 6, 9—13; оп. 2, д. 1162, л. 13—22, 68—75; ЦГИА БССР, ф. 694 оп. 2, 7491, л. 222; оп. 7, д. 947, л. 33—39; AGAD, AR, Dział VII, № 626. Подсчет наш. Кроме того, в деревне Брановичи было несколько крепостных двух слупких православных церквей

¹⁸ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 2169, л. 5, 14, 94, AGAD, AR, Dział XXIII, teka 125, plik 3.

зу помещика. В 1799 г. была введена подводная повинность, работа на строительстве «со своим топором» по 14 дней в году с «дыма» и на кирпичном предприятии — по 6 дней, был введен чинш с «оседлой» (бывшей служебной) волоки по 60 золотых в год, а с «приемной» увеличен до 30 золотых в год¹⁹ (вместо 10). Выбранцы в 1801 г. подали прошение об отмене этих повинностей²⁰. В июне 1805 г. крестьяне выбранецких деревень подали коллективную жалобу князю Доминику Радзивиллу, настаивая на возвращении их к прежним повинностям и на соблюдении прав, данных им королями и магнатами²¹. Но в 1808 г. Доминик Радзивилл попытался перевести выбранцев (около 300 семей, или 1500 человек) на барщину: каждый хозяин, имевший участок в полволоки, должен был один день в неделю отработать на помещика барщину «пешую или с упряжкой». Выбранцы освободились лишь от пахоты, боронования, вывоза удобрений, жатвы, молотбы и сенокоса. От каждой хаты 6 раз в год один мужчина должен был выйти на охрану городских валов, 40 человек от всех шести деревень должны были работать по очереди на строительстве в помещичьем хозяйстве. От каждой хаты нужно было 3 раза в год ездить с подводой, перевоза товары помещика из Слуцка на Сверхеньскую пристань на Немане²² (более 70 километров по прямой). Это распоряжение вызвало серьезные волнения выбранцев, отказавшихся выполнять барщинные работы. Минский губернатор писал в Петербург, что «крестьяне 6-ти деревень, лежащих в Слуцком повете, возмечтав, что они свободны от подданства, намеревались отложиться от должного повиновения помещику». И далее: «Причины, отважившие крестьян сих на ослушание, были: 1) перемена помещиком некоторых работ, каких прежде они не исполняли, но какие однако-же повсеместно прочими крестьянами отправляются и 2) мысль о вольности, какую питают некоторые из них, что они имеют доказательство о дворянстве»²³. Выбранцы ссылались на документ 1683 г. слуцкой княгини Радзивилл, по мужу маркграфини Бранденбургской, в котором она их называла землянами, т. е. шляхтой²⁴. Именно в этом документе она предложила своим комиссарам (наместникам) заселять опустошенные деревни вблизи города мелкой шляхтой и наемными солдатами, ибо после войны 1654—1667 г. там выбранцев уже почти не было²⁵.

Выбранцы решительно отказались работать на помещика, заявив, что они «люди вольные». Делегаты от шести деревень во главе со своими капитанами (это были начальники в каждой деревне, должности которых сохранились до середины XIX в.)²⁶, пришли в Минск, чтобы добиться признания своей свободы и прав на землю. В Минском губернском правлении делегаты заявили, что если выбранцев будут заставлять работать на помещика, то «они пойдут, куда сами пожелают и где смогут сыскать свою Речь Посполиту Польску и хоругвы»²⁷ (т. е. роты). Таким образом, в этом случае классовая борьба крестьян шла вначале под флагом сохранения определенных феодальных прав. Минский губернатор приказал арестовать бунтовщиков и выслать в Слуцк, где провести дознание, «кто их возмутил к неповиновению» и найти наиболее виновных. Земской полиции приказали принудить население выбранецких деревень выйти на барщину. В де-

¹⁹ AGAD, AR, Dział VII, № 626.

²⁰ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 2169, л. 90.

²¹ AGAD, AR, Dział XXIII, teka 125, plik 3.

²² Ibid.

²³ Документы і матэрыялы па гісторыі Беларусі, т. II (1772—1903 гг.). Минск, 1940, стар. 136—137.

²⁴ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 2169, л. 71, 75.

²⁵ AGAD, AR, Dział XXIII, teka 125, plik 3.

²⁶ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 554, л. 489, 490.

²⁷ AGAD, AR, Dział XXIII, teka 125, plik 3.

ревни была направлена полиция. Над выбранцами учинили экзекуцию: у них были отрезаны «солдатские косы», которые они носили на прусский манер (и это возмутило крестьян), наиболее активные участники волнений были жестоко избиты, от чего пятеро из них умерли²⁸. Однако и после этого выбранцы отказывались выходить на барщину.

Князю пришлось оставить крестьян выбранецких деревень на чиншевой повинности. Выбранцы начали судебный процесс с Радзивиллами, а затем с их наследником князем Л. П. Витгенштейном, отстаивая свои права на волю и землю. Положение выбранцев осложнилось тем, что оригиналы многих документов сгорели во время пожара в 1800 г. Судебный процесс длился десятилетиями в разных инстанциях Российской империи. Со своей стороны помещик пытался доказать, что выбранцы — его крепостные крестьяне. В ревизских сказках 1811 г., которые они подали сами в Минскую казенную палату, выбранцы записаны как «вольно живущие на земле князя Доминика Радзивилла»²⁹. В ревизских сказках 1834 г. они назывались «вольными хлебопашцами, жительствующими на своей земле»³⁰. Две семьи выбранцев, поселившиеся здесь в конце XVII в., — Шпаковские — смогли доказать свое дворянство еще до ревизии 1816 г. (а их родственники с той же фамилией остались выбранцами)³¹. Наконец, в 1834 г. решением Государственного совета (на основании указа сената), которое было утверждено Николаем I, выбранцы (866 душ мужского пола) были признаны вольными, а земли, ими занимаемые, собственностью помещика³². Таким образом, официально выбранцы попали в разряд государственных крестьян. Однако и после этого решения выбранцы отказывались платить чинш Витгенштейну. Был выдвинут план переселения выбранцев на Украину в причерноморские степи. Но от этого проекта царское правительство отказалось из политических соображений: после восстания 1830—1831 гг. оно проводило резко антипольскую и антикатолическую политику в Белоруссии, а выбранцы были в большинстве православными, тогда как на Слутчине было много католиков. В 1846 г. город Слуцк и земли 6 выбранецких деревень были выкуплены казной у князя Витгенштейна за 342 921 рубль серебром³³. В дальнейшем выбранцы разделили судьбу государственных крестьян. В 1868 г. они попытались закрепить свои права на землю, обратившись к минскому губернатору с проектом создать особую выбранецкую волость, выделив ее из Слуцкой волости, но Слуцкий мировой съезд, которому было передано дело, демагогически заявил, что выбранцы «... сохранили до настоящего времени пренебрежение к крестьянскому сословию, выработанное влиянием господствовавшей в крае идеи польского шляхетства, всегда со пренебрежением относившегося к хлопству». Мировой съезд отметил, что выбранцы «пользовались некоторыми льготами за исполнение так называемой казацкой службы и были избираемы как из крестьян, так и из других сословий, преимущественно из мелкой шляхты...»³⁴. Просьба крестьян выбранецких деревень была охарактеризована как «нежелание их принадлежать к одной с крестьянами корпорации и стремление отделиться от хлопства»³⁵. Им было отказа-

²⁸ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 2169, л. 24.

²⁹ Там же, ф. 333, оп. 9, д. 266, л. 21.

³⁰ Там же, д. 573, л. 1069.

³¹ Там же, д. 219, л. 1132, 1134, 1144; д. 507, л. 18; д. 512, л. 13; д. 573, л. 1092; Алфавитный список дворянским родам Минской губернии. Минск, 1903, стр. 123.

³² ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 554, л. 60—61; д. 4042, л. 1, 3, 4; оп. 7, д. 839, л. 45.

³³ А. Г р ы ц к е в и ч. Беларускія выбранцы, стар. 253.

³⁴ ЦГИА БССР, ф. 242, оп. 1, д. 5516, л. 4.

³⁵ Там же, л. 5.

но, но на самом деле по той причине, что земля эта уже была собственностью государства.

Численность крестьян в выбранецких деревнях постепенно увеличивалась. В 1781 г. их было 1265 человек, в 1793—1427, в 1834—1787, в 1850—1831, в 1858 — 2010, а в 1923 г. — 4672³⁶. Потомки выбранцев, живущие в тех же деревнях и работающие в колхозах, до сих пор называются на Слутчине выбранцами.

Сохранившийся документальный материал по истории слуцких выбранцев позволяет проследить генеалогические связи целого рода, т. е. кровных родственников, происходящих от одного и того же предка и носящих одну и ту же фамилию. Специфика выбранецких прав, связанное с этим постоянное проживание в одной местности (и даже деревне) и относительная сохранность документальных материалов дают такую возможность. Для исследования нами взят род Грицкевичей, не слишком разросшийся в XVIII и XIX вв., что значительно облегчило нашу задачу. На выбор объекта повлияло и то, что он относится к наиболее старым родам среди выбранцев, а это позволяет проследить его хронику за 300 лет. Документами по генеалогии послужили списки личного состава гарнизона Слущкой крепости, инвентарь Иваньской волости Слущкого княжества (для XVIII в.), инвентари выбранецких деревень начала XIX в., ревизские сказки 1811—1858 гг. При этом на основании сопоставления документов уточнялись отдельные сведения и даты (в том числе и в ревизских сказках).

Документы второй половины XVIII в. показывают, что служили в воинских формированиях Слущкого гарнизона (пехотной, выбранецкой, гранд-мушкетерской, гренадерской ротах) представители этого рода. Срок начала их службы и сопоставление различных документов позволяют определить их возраст, а номера «дымов» и прямые указания, кто чей сын, — принадлежность к различным линиям рода.

Первым историческим лицом этого рода является Андрей Грышкевич (так первоначально записана фамилия в документах конца XVII — начала XVIII в.), поселившийся в деревне Варковичи между 1677 и 1693 гг. (вероятнее всего — в 1683 г.). В инвентарях близко расположенных деревень этого лица мы не встречаем. Его потомки, родившиеся во второй половине XX в., составляют уже десятое поколение. Вначале надел А. Грышкевича составлял половину служебной и четверть чиншевой волоки, а к октябрю 1704 г., он увеличился до 1 волоки (полволоки служебной, полволоки чиншевой)³⁷. После 1704 г. сведений об Андрее Грышкевиче нет. В документе 18 июля 1729 г. упоминается его сын Мартин, фамилия которого уже пишется Грицкевич³⁸. Изменение фамилии объясняется стремлением самих носителей фамилии сделать ее благозвучнее, что наблюдалось в Белоруссии в тот период. Можно отвергнуть предложение об украинском происхождении фамилии, тем более, что по соседству в Старом Юпыле (в 30 километрах) с XVI в. жила землянская семья Грицкевичей (отмеченная как бояре слущких князей в Литовской метрике)³⁹, представители которой также служили в Слущком гарнизоне (потомки этой семьи теперь тоже колхозники).

³⁶ Там же, ф. 333, оп. 9, д. 507, л. 1—79; д. 512, л. 1—94; д. 573, л. 1070; AGAD, AR, Dział VII, № 626; Dział XXV, № 3846, s. 1—12; Список населенных мест БССР. Минск, 1924, стр. 212, 213.

³⁷ AGAD, AR, Dział XXV, № 1420/I, к. 16, 1421/I, к. 25; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 7, л. 36, 947.

³⁸ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 7, д. 699, л. 89.

³⁹ Русская историческая библиотека, т. XX. Пб., 1903, стр. 244, 703.

С начала XVIII в. род Грицкевичей разделяется на две ветви — от двух сыновей родоначальника: старшую (потомки Романа Андреевича) и младшую (потомки младшего сына, Мартина Андреевича). Оба сына родоначальника — Роман (род. в 1682 г.) и Мартин (род. в 1683 г.) записаны в реестре выбранецкой роты (хоругви) в феврале 1736 г. вместе с его внуком Петром (род. в 1705 г., умер после 1767 г.). Это дало возможность установить предположительно и время рождения основателя рода — около 1650 г. В 1736 г. старший брат имел полволоки, а младший с сыном — по четверти волоки служебного надела каждый. Всего же через 50 лет после прибытия этой семьи в деревню количество ее мужских представителей увеличилось с трех до восьми, а род разделился на три семьи⁴⁰. В последующих документах сыновья родоначальника уже не встречаются. Они умерли до августа 1754 г., когда в качестве владельцев четырех служебных участков выступают уже внуки родоначальника, хотя службу они начали еще с 30-х годов XVIII в. (до 60-х включительно). При этом им добавлялся земельный надел с таким расчетом, чтобы участок не слишком дробился. Так, в августе 1754 г. Петр и Андрей, сыновья Мартина (судя по расположению наделов) несли службу с полуволочных участков, а Алексей и Григорий, сыновья Романа, — с четвертьволочных. При этом все они, кроме Алексея, имели дополнительные чиншевые участки по четверти волоки. В 1754 г. насчитывалось уже 19 мужских представителей рода (в том числе 8 совершеннолетних), из которых 6 служили⁴¹ (нередко сын заменял отца на службе). Род уже разделился на 4 семьи — по 2 в каждой ветви.

В 20-х годах XVIII в. Алексей Романович переселился в связи с женитьбой в деревню Брановичи, где он получил служебный участок. Но его сын Иосиф (род. в 1727 г.) вскоре вернулся в Варковичи по такой же причине, получив за женой участок здесь. С 1750 г. он служил в пехотной роте, 1760 г. — в гранд-мушкетерах. До конца XVIII в. Грицкевичи по-прежнему жили только в Варковичах.

Во второй половине XVIII в. обе ветви рода разрастаются; причем младшая становится более многочисленной. У Романа Андреевича было 3 сына. Алексей (род. между 1701 и 1708 гг., умер между 1760 и 1765 гг.), Григорий (род. между 1701 и 1714 гг., умер после 1767 г.) и Федор (род. около 1736, умер после 1768 г.) Потомство старшего и младшего пресеклось в первом же поколении (последним был Леон Федорович, служивший в роте стрелков и умерший в 1790 г.). До настоящего времени существует потомство среднего сына, Григория, у которого было 2 сына — Петр (1739—1805) и Павел (род. между 1740 и 1746 гг., умер в 1777—1778 гг.) У последнего был только сын Дмитрий (Змитр), умерший без потомства после 1787 г. (когда он записан на службе во 2-й гренадерской роте). Дальше всех в этой ветви служили Григорий, с 1734 до 1764 г., и его сын Петр, начавший службу в 1768 г., дослужившийся до унтер-офицера гренадерской роты и закончивший службу в 8-м пехотном полку литовского войска. Полк этот был сформирован Радзивиллом и стоял гарнизоном в радзивилловских крепостях Несвиже и Слуцке. Представители этой ветви рода в 1765 г. имели 2 служебных участка, в 1774—1776 гг. — также 2 участка по четверти волоки служебной и четверти чиншевой каждый. В 1793 г. эту ветвь представляла лишь одна семья: Петр Григорьевич и 3 его сына — Николай (1775—1836), Демьян (1777—1818) и Алексей (род. между 1778—

⁴⁰ ЦГИА Литовской ССР, ф. 459, оп. 1, д. 1162, л. 68, 72—72 об., 103 об., 106 об., 109; AGAD, AR, Dział VII, № 474, 482, 498, 552, 604, 625, Dział XXV, № 3839, а, s. 137.

⁴¹ ЦГИА Литовской ССР, ф. 459, оп. 1, д. 1162, л. 68, 72—72 об.; AGAD, AR, Dział VII, № 552, 604; Dział XXV, № 3839, а, s. 137.

1790 г., умер между 1792—1794 г.). Отец на всю семью имел участок в четверть волоки служебной и четверть волоки чиншевой ⁴².

У основателя младшей ветви рода Мартина было 4 сына. Двое из них — Петр (род. 1705 г., умер после 1767 г.) и Андрей (род. между 1705 и 1714 гг., умер после 1767 г.) служили в выбранецкой роте соответственно с 1736 и 1734 г. до 1767 г. Вместе со старшим еще в 1765 г. жили 2 его младших брата, не имевшие потомства, имена которых в документах не значатся.

Петр имел трех сыновей: Федора (род. в 1723 г., умер после 1754 г.), Ивана (род. до 1736 г., умер после 1767 г.) и Грышку (род. в 1740, умер после 1774 г.), не оставившего потомства. У Федора Петровича было два сына — Иван (Ивась) (род. около 1747 г., умер после 1767 г.), служивший в 1767 г. и не имевший потомства, и Яким (род. около 1747 г., умер в 1795 г.), который служил с 1767 по 1793 г., в том числе в 1784—1788 г. гренадером. В 1781—1793 гг. у него было полволоки земли. Сыновья Якима Савва (1770—1807) и Герасим (1782—1811) вели общее хозяйство, обеднели (в 1808 г. в хозяйстве на четверть волоки не было скота) и умерли также без потомства ⁴³. Следовательно, линия Федора пресеклась. Брат Федора Иван Петрович имел двух сыновей: Василия (1755—1799) и Петра (1766—1801), также живших в одном хозяйстве в полволоки (в том числе четверть — служебной). Василий Иванович служил с 1774 по 1793 г. и оставил двух сыновей — Степана (род. в 1780 г., умер после 1826 г.) и Демьяна (1793—1836). Петр Иванович не оставил мужского потомства. В 1793 г. мужские потомки Петра Мартиновича насчитывали 7 человек и составляли 2 семьи. К 1812 г. их осталось лишь двое ⁴⁴. Одна семья вымерла.

Более представительной оказалась линия Андрея Мартиновича (род. между 1705 и 1714 г., умер после 1767 г.). Сам он служил с 1734 по 1767 г. в 3-й выбранецкой роте (хоругви) с надела в полволоки и имел дополнительный участок в четверть волоки (в инвентаре 1754 г. отмечено, что у него было 2 коня). У него было два сына: Нестер (род. в 1737 или в 1738 г., умер до 1765 г.) и Свирыд (1739—1811). Последний служил с сентября 1767 по 1793 г., вначале в 3-й, затем в 1-й выбранецкой роте. С 1779 г. он был переведен в чиншевые избранцы, а с 1784 г. служил во 2-й гренадерской роте гарнизона. Надел Свирыда в 1774 г. составлял $\frac{1}{4}$ волоки служебной и $\frac{1}{4}$ чиншевой (с платой в год 3,5 злотых), у него был 1 конь и 1 вол. В 1799 г. в его хозяйстве были 1 лошадь, 1 вол, 1 корова, 3 яловых коровы, 7 овец, 2 свиньи и 4 «пня» пчел на семью из 3 мужчин и 4 женщин (он с женой, женатый сын, сын, дочь, внучка). К 1811 г. в полуволочном хозяйстве осталась 1 лошадь, 2 вола, яловая корова, 6 овец, 2 свиньи на семью из 4 мужчин и 2 женщин (старики, женатый сын, 2 внука). В 1793 г. эта младшая линия младшей ветви рода состояла из 6 представителей мужского пола — самого Свирыда Андреевича и 5 его сыновей: Прокопа (1771—1828), Никиты (1775—1848), Ивана (1779—1805), Лукьяна (род. 1786 г.—

⁴² ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 686, л. 3 об.; д. 7443, л. 38, 83; ЦГИА Литовской ССР, ф. 459, оп. 1, д. 602, л. 4 об.; AGAD, AR, Dział VII, № 235, 236, 489, 490, 493, 577, 625; Dział XXV, № 3839 a, s. 137; № 3843, s. 5; № 3846, s. 6; № 3851, s. 44.

⁴³ ЦГИА БССР, ф. 333, оп. 9, д. 264, л. 843; д. 266, л. 27; ф. 694, оп. 2, д. 7443, л. 28; ЦГИА Литовской ССР, ф. 459, оп. 1, д. 602, л. 4; д. 606, 9, 10 об.; д. 686, л. 3; д. 1162, л. 72 об.; AGAD, AR, Dział VII, № 481, 489, 490, 492, 626; Dział XXV, № 3846, s. 6; № 3851, s. 43.

⁴⁴ ЦГИА БССР, ф. 333, оп. 9, д. 264, л. 845; д. 266, л. 29; ф. 694, д. 7443, л. 38, 83; д. 7444, л. 276; ЦГИА Литовской ССР, ф. 459, оп. 1, д. 602, л. 4 об.; д. 686, л. 3, об.; д. 1162, л. 72, об.; AGAD, AR, Dział VII, № 235, 489, 490, 493, 625, 626; Dział XXV, № 3839 a, s. 137; № 3843, s. 5; N. 3846, s. 6; № 3851, s. 44.

умер до 1795 г.), второго Ивана (род. в 1789 г. — умер до 1795 г.)⁴⁶. Все они составляли одну семью.

Таким образом, в 1793 г., когда центральная часть Белоруссии была присоединена к России и были ликвидированы частные войска магнатов, насчитывалось 17 представителей рода, мужского пола из них 9 совершеннолетних. Они по-прежнему составляли 4 семьи. В их владении находилось в общем 2 волоки земли. По сравнению с серединой XVIII в. численность их уменьшилась, что можно объяснить как биологическими причинами, так и потерями выбранцев в военных действиях во время междоусобной борьбы магнатов за власть в Речи Посполитой.

К концу XVIII в. относится переселение двух представителей рода в соседние выбранецкие деревни, где они осели, женившись на местных «выбранках». В 1796 г. представитель старшей линии старшей ветви рода Николай Петрович (1775—1836) переселился в деревню Серяги, где получил четверть волочный надел (5,34 *za*) и где потомки его живут и теперь. Представитель младшей линии младшей ветви рода Никита Свирыдович (1775—1848) переселился по той же причине между 1794—1799 гг. в выбранецкую деревню Лучники, получив там полуволочный надел⁴⁶. Незадолго до 1834 г. в выбранецкую деревню Огородники переселился Семен Прокопович (род. 1816 г.)⁴⁷.

В первой половине XIX в. представители рода уже оказались на положении государственных крестьян. Лишь двое из них были отданы в рекруты (один из них — в 1808 г. и вскоре вернулся, другой — в 1836 г.). Численность членов рода постепенно росла. В 1834 г. было уже 24 представителя мужского пола (из них 11 взрослых) в 8 семьях, составлявших этот род. По-прежнему младшая ветвь была более многочисленной. Так, у Прокопа Свирыдовича (1771—1828) было 10 детей, в том числе 7 сыновей, из которых Иван (1799—1856) не оставил потомства, Павел (род. в 1800 г. — умер после 1858 г.) оставил 3 сыновей, в том числе Федора Павловича (1824—1891), капрал деревни Варковичи Василий (род. в 1812 г., умер после 1858 г.) — одного сына и т. д.

В 1839—1845 гг. все 8 семей имели всего 2⁵/₈ волоки: семьи Василия и Павла Прокоповичей и Прохора Степановича по полволоки, 4 семьи — по четверти волоки, одна семья — одну восьмую⁴⁸. Таким образом, крестьянский надел постепенно сокращался. В 1858 г. насчитывалось 23 мужских представителя (в том числе 13 взрослых) в 11 семьях⁴⁹.

В дальнейшем род разросся еще больше. Во второй половине XX в. численность рода достигла нескольких десятков человек. Большинство из них проживает в тех же деревнях, в том числе 6 семей в деревне Варковичи, некоторые переселились в Минск, Слуцк, Бобруйск, Гродно и Ленинград. Достаточно, сказать, что количество мужских потомков только внука Павла Прокоповича — Наума Федоровича (1865—1938) в настоящее время составляет 11 человек, последний мужской потомок Петр Анатольевич (родился в 1960 г.). К этой линии относится секретарь Слуцкого волостного ревкома в 1917—1918 гг., участник гражданской войны и Великой Отечественной войны, член ВКП (б) с 1920 г., старший политрук

⁴⁶ ЦГИА БССР, ф. 333, оп. 9, д. 264 л. 843; д. 266, л. 27; ф. 694, оп. 2, д. 686, л. 3; д. 7443, л. 38, 83; ЦГИА Литовской ССР, ф. 459, оп. 1, д. 602, л. 4; д. 1162, л. 72, 72 об., 103 об.; AGAD, AR, Dział VII, № 236, 489, 490, 493, 498, 604, 625, 626; Dział XXV, № 3839a, s. 137; № 3843, s. 5; 3846, s. 6; № 3851, s. 43.

⁴⁶ ЦГИА БССР, ф. 333, оп. 9, д. 219, л. 1141; д. 264, л. 845; д. 266, л. 28; ф. 694, оп. 2, д. 686, л. 2; д. 7404, л. 10, 11; AGAD, AR, Dział VII, № 626.

⁴⁷ ЦГИА БССР, ф. 333, оп. 9, д. 573, л. 1104.

⁴⁸ Там же, ф. 694, оп. 3, д. 4042 л. 98, 103, 104, 107, 109.

⁴⁹ Там же, ф. 333, оп. 9, д. 512, л. 1, 20, 21, 25, 30—33, 53, 72.

Петр Наумович Грицкевич (1897—1941), комиссар 321-го отдельного саперного батальона Западного фронта, погибший в октябре 1941 г. в начальный период Великой Отечественной войны⁵⁰.

Род Грицкевичей настолько разросся, что 20 лет назад был зарегистрирован брак между его членами (из двух ветвей рода и из разных деревень), которые не знали совершенно степени своего родства. По нашим теперешним подсчетам оба они находятся в девятом поколении от родоначальника и в 17-й степени родства по мужской линии, что более чем вчетверо превышает даже средневековое каноническое ограничение брака.

Приведенные сведения по генеалогии одного крестьянского рода позволяют сделать следующие выводы.

Исследование крестьянской генеалогии дает важные и интересные сведения по демографии и истории крестьянского хозяйства. В Белоруссии, где жили лица, принадлежащие в основном к трем церквям — православной, католической и униатской — эти исследования позволяют определить и религиозную принадлежность рода.

В данном случае часто встречаются белорусские (а иногда и библейские) имена, характерные для лиц православного вероисповедания. Это подтверждается и другими данными (выбранцы в основной массе были приписаны к двум слутским городским церквям)⁵¹.

Характерно, что роду свойственны определенные, часто встречающиеся имена: Петр, Павел, Андрей, причем, как правило, дают их через одно поколение (по деду). В XX в. среди 5 внуков Наума Федоровича трое носят имя Анатолий, а двое — Валентин. В документах приводятся сведения о женах, сестрах и дочерях только с конца XVIII в. Как правило, фамилии жен отсутствуют. Их можно установить лишь сопоставляя имена, отчества и возраст жен по ревизским сказкам предыдущих переписей выбранецких деревень. Исследование родственных связей по женским линиям показало, что браки до конца XIX в. происходили только среди жителей этих 6 деревень и круг родственников был намного шире данного рода. Так, только в линии автора этих строк женские предки в XIX в. происходили из выбранецких семей — Даниловичи (род известен с 1704 г.), Коледа (с 1677 г.), Серага (с 1621 г.), Костюкевичи (с 1693 г.), проживавших в четырех деревнях: Брановичи, Лучники, Серяги, Варковичи. Видимо, как это обычно бывало в деревнях, брак заключался часто между дальними родственниками, так как для каждого потомка родоначальника в 9-м поколении количество всех мужских и женских предков составляло бы 512, а в 10-м — 1024. А это количество значительно превышает население 6 деревень конца XVII начала XVIII в. (680—760 человек). Поэтому следует считать, что население этих деревень в конечном итоге находится между собой в многократном родстве, основанном на брачных связях в течение трех столетий.

⁵⁰ П. Г р и ц к е в и ч. Борьба и героическая смерть партизан. В сб. «Белоруссия в борьбе против польских захватчиков в 1919—1920 гг.» Л., 1940, стр. 133—137; А. Г р и ц к е в и ч. Слуцк. Историко-экономический очерк. Минск, 1970, стр. 58, 62. (Ш. Н. Грицкевич — отец автора статьи.)

⁵¹ ЦГИА, БССР, ф. 694, оп. 4. д. 2169, л. 267.

РЫБАЛТОВСКАЯ КОМЕДИЯ В ИСТОРИИ ПОЛЬСКОЙ ДРАМЫ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА

Задолго до возникновения национальной сцены, одновременно с появлением первых гуманистических драм («Отказ греческим послам», «Иеф-фай», «Комедия о Лизиде, вступающей в брак», «Тройной»), с активной деятельностью школьных театров и с расцветом мистерий, в Польше второй половины XVI — первой половины XVII в. существовала отечественная светская комедия, называемая рыбалтовской по имени ее создателей. Рыбалты — школяры, церковные певчие, канторы, просто бродяги¹ — были низшими духовными чинами, относительно образованными выходцами из крестьянства и городского населения, т. е. принадлежали к той самой прослойке общества, из которой во Франции рекрутировались создатели популярных фарсов, а в Германии — фастнахтшпилей.

Рыбалтовская комедия² является важным оригинальным этапом развития старопольского театра, совмещая в себе традиции средневековых драматических жанров с новаторскими попытками художественного освоения современной действительности. Разумеется, это освоение было еще недостаточно широким, если иметь в виду ряд комедий, разработывавших профессиональную проблематику, а также публицистически ориентированные комедии военного цикла. Дело зачастую ограничивалось наивным отражением реалий, примитивной фиксацией ситуации, что, наряду с употреблением разговорного языка и свободой от речевой пристойности, позволяет видеть в стихийном реализме комедий лишь подступы к непосредственному, жизненно достоверному отражению действительности.

Талантливые рыбалтовские авторы находились под определенным влиянием часто разнонаправленных тенденций, в результате чего их комедии причудливым образом синтезировали ярмарочно-балаганские принципы комизма и дидактическую направленность, фольклорные и аллегорические мотивы, приемы фарса и мистерии, объединяли в одном действии шутовских, античных и библейских персонажей. Особенно эклектичны некоторые из комедий польских рыбалтов, созданные ими при дворах магнатов. Естественно, если комедии, посвященные профессиональным проблемам рыбалтов, и комедии о военных походах ориентировались прежде

¹ Из итал. *gibaldo* — школяр, бродяга (ср. франц. *gibaud* — развратный, *giboter* — кутить).

² Огромная заслуга в ее изучении принадлежит замечательному польскому ученому, текстологу, библиографу и издателю К. Бадецкому, выпустившему первый сборник текстов рыбалтовской комедии, существовавших до этого в виде разбросанных по разным библиотечным собраниям, полуистлевших и не всегда целиком сохранившихся черновых изданий.

всего на широкие плебейские массы, то придворные комедии, написанные по заказу и рассчитанные на гораздо более изысканную и образованную публику, должны были учитывать ее вкусы и умонстроения. Соображения придворной конъюнктуры, однако, не приводили к идейному выхолащиванию или художественной деградации рыбалтовской драмы, а во многих случаях влияли на нее плодотворно. Вот что пишет по этому поводу исследователь старопольского театра Ю. Леваньский: «Часть совизжальского (здесь: рыбалтовского. — В. М.) творчества пошла на службу либо патрициата, либо двора, и что интересно — оно совсем не утратило там сильного общественного звучания. Его антипшляхетская позиция здесь выражается иногда ярче, чем в профессиональных школьных комедиях. С другой стороны, требования развлекательности, как бы законы рынка и спроса заставили комедиографов создавать пьесы более высокого — в литературном и сценическом смысле — качества»³.

Мы рассмотрим две из рыбалтовских комедий придворного круга — «Придворный сват» (1620) и «Масленица, или трагикомедия, наново для забавы различных сословий изданная» (1622) — с целью анализа взаимодействия собственно рыбалтовской эстетики, тематики и идеологии с соответствующими требованиями придворной сцены. Этот анализ может способствовать выявлению принципиальных особенностей рыбалтовской драмы как таковой, присутствующих несмотря на факт социального заказа и ориентацию на непривычную для рыбалтовских авторов публику.

Прежде всего следует отметить специфическое для эпохи барокко, в которую создавались рыбалтовские драмы, понимание целей и задач литературы, традиция которого развивалась средневековой эстетикой. Искусство слова считалось прежде всего инструментом морального воспитания, в связи с чем литературные произведения, претендовавшие на какую-либо значительность, должны были заключать в себе дидактический смысл, ориентироваться на досега, в отличие от непритязательных произведений, служащих развлечению — *delectare*. Дидактическая направленность трактуется как «выражение крайней позиции, характерной для моралистического направления эстетики барокко, органически связанной с контрреформационным течением в культуре»⁴. С таким пониманием направленности произведений тесно связана особая трактовка персонажа как антагонистического соединения души с телом, вырастающая из общефилософских и антропологических представлений средневековья. Духовная дидактика произведения и перипетии судьбы понимаемого таким образом героя реализовались через отражение бренности всего земного, непрочности счастья, изменчивости мирской судьбы.

Эти тенденции нашли свое отражение в «большой» литературе эпохи, и неудивительно, что рыбалтовские авторы, творчество которых не было включено в рамки этой литературы, и находилось где-то на ее периферии, ощутили необходимость также отразить господствующие в среде образованных слоев общества представления о мире и человеке, поскольку они отдавали свое перо на службу этим слоям.

Появлению «Придворного свата» в польской литературе предшествовали два близких ему по духу драматических произведения — «Купец Миколая Рея из Нагловиц (1549 г.) и «Комедия Юстина и Констанции Марцина Бельского (1557 г.), автора первой польской «Хроники всего мира». Оба эти произведения представляли собой отклик на известное

³ «Dramaty staropolskie», t. I. Opr. J. Lewański. Warszawa, 1959, s. 55.

⁴ T. M i c h a ł o w s k a. Między poezją a wymową. Konwencje i tradycje staropolskiej prozy nowelistycznej. Wrocław — Warszawa — Kraków, Studia Staropolskie, t. XXVII, 1970, s. 192.

средневековое католическое моралите о Человеке (Каждом — *Hecastus, Jedermann*), написанном в 1495 г. Герой этого моралите — Каждый, что подчеркивало универсальность католического догмата, — перед лицом смерти остается наедине лишь со своими Добрými Делами, которые спасают его и помогают ему попасть в рай. В 1540 г. баварский гуманист Томас Наогеорг пишет трагедию «*Mercator seu iudicium*», с позиций протестантского учения противопоставленную католическому моралите о Каждом. Купца у Наогеорга спасают не добрые поступки, которые, согласно этому антикатолическому учению, лишь отягощают душу, но искренняя вера. «Купец» Рея как раз и явился свободной переделкой драмы Наогеорга, причем Рей, будучи убежденным реформатором, бережно сохранил антикатолическое содержание этого произведения, но, находясь как художник под сильным влиянием литературных традиций средневековья, устранил черты гуманистической драмы оригинала, создав опять же «моралите средневекового характера»⁵.

В польской литературоведческой науке существует мнение, что в XVI в. в Польше было две поэтические школы: возрожденческая, во главе которой стоял Ян Кохановский, и средневековая во главе с Миколаем Реєм. В этом смысле совершенно справедливо отмечал Александр Брюкнер еще в начале нашего века, что несмотря на декларируемую писателями рыбалтовского круга любовь к Кохановскому они гораздо ближе в своем творчестве к Рею. Это касается, в частности, тех традиций, к которым обращались как Рей, так и польские рыбалты. В некотором смысле слова, сказанные Ю. Кшижановским по поводу «Купца» Рея, могут быть отнесены и к «Придворному свату»: «В этой драме, где автор заменил внутреннюю форму, т. е. форму гуманистической трагедии формой средневековой мистерии, он дополнил ее также и формой внешней, стилистической, обнаруживаемой в синтаксических оборотах и рифмах, формой, находящейся на уровне средневековой традиции, той самой, которая родила „Беседу Магистра со Смертью“. Словом, так или иначе, „Купец“ — произведение, оживленное полемически-реформаторской идеологией, как произведение искусства является драмой средневекового характера»⁶. Рей был представителем того понимания литературы как инструмента духовной дидактики, о котором говорилось выше. Показательны в этом смысле его наставления читателю: «Не развлекайся также чем попало, нет тебе дела до Овидия и Горация, трудны они для тебя и фабулами перегружены. Но то читай, что может научить тебя похвальным добродетелям и достойной жизни, потому что это лучше украсит тебя, чем непристойные фабулы»⁷.

Эти наставления перекликаются с предисловием Бельского к его «Комедии Юстина и Констанции», в которой также превозносится ценность веры и отрицается ценность добрых дел и где в духе средневековых аллегорий наряду с Отцом, сыном Юстином и дочерью Констанцией действуют Труд, Дисциплина, Стыд, Терпение, Время, Надежда: «Не только нам все о теле нашем думать пристало, — пишет Бельский, — ибо это вещи не вечные, но более тех, которые нам вечность приносят. Я описываю здесь пример непостоянства мира, как вечно борется тело с духом, какую науку отец детям дает, что такое человек, что мир, что душа, что добродетель, что избыток, что длится вечно, что не длится. Не к огорчению, как раньше бывали комедии Теренция, Плавта и другие, от чего молодые люди ухудшались, но к пониманию, что кому чьи аффекты приносят»⁸. Здесь, как и

⁵ J. K r z y ż a n o w s k i. W wieku Reja i Stańczyka. Warszawa, 1958, s. 192.

⁶ Ibid., s. 197.

⁷ M. R e j. Żywot człowieka poczciwego. Wrocław, 1956, s. 374.

⁸ M. B i e l s k i. Komedia Justyna i Konstancyje. В кн. Dramaty staropolskie, t. I. Warszawa, 1959, s. 566.

у Рея, очевидно понимание дидактической функции литературы и противопоставление своего творчества возрожденческим тенденциям — не случайно оба они, и Рей и Бельский, в качестве отрицательных примеров приводят античных авторов.

Эти тенденции отчасти наследует и «Придворный сват», тематически близкий произведениям Рея и Бельского, представляющий собой рыбалтовский вариант того же сюжета, аналогично разработанного в протестантском духе. Как и у Рея, в «Придворном свате» ощутимо влияние средневекового моралите, выразившееся как в наличии аллегорических персонажей (Вера, Смерть), так и в идейной специфике комедии. Заслуженное наказание — Смерть — настигает разгульного шляхтича Памфилуса, которого все-таки спасает Вера в сопровождении Ангела. Основным в комедии становится мотив бренности всего земного, непостоянства удовольствий, обманчивости «чудной внешности мира», порицания соблазнительных житейских иллюзий. Этот вывод формулируется в Эпиллоге комедии:

Panie, panny, panowie,
Wdówki, młodzienaszki,
Widzieliśmy na oko,
Dość jaśnie i szeroko,
Jako ten świat obłudny,
Choć się zda zwierzchu cudny.⁹

Католическая идея необходимости праведной жизни и добрых дел сталкивается с протестантской идеей спасения верой. Примечательно, что носителями первой точки зрения являются дьяволы (Смолка и Уголек) и Смерть, что очевидно из их обвинений в адрес Памфилуса:

Smołka. Zwierzętom ziemie stworzono,
Człeku niebo naznaczono...
Tyś w życiu z bydłem przestawał
Bożych spraw nie naśladował.
Przeto też w ziemi zostaniesz,
Do nieba się nie dostaniesz.

Śmierć. Pomni, coś działał
Za młodych lat, kiedyś szalał.
Niceś nie czynił dobrego,
Oszukiwałeś bliźniego...
W kościeleś często nie bywał,
Mszej, nieszpору nie służywał.
Wszystkoś się miłością bawił,
I tam złego, wiem, coś sprawił.

Очевидно здесь и противопоставление духовного — мирскому, души — телу, неба — земле, характерное для средневекового миропонимания. В этой связи представляется возможным говорить о морализаторски-правово-учительной ориентации произведения. Созвучна общей идее диалогов Рея и Бельского аргументация спасительницы Веры, которая торжествует, несмотря ни на что:

Wiara. Nie przeszkodzi żywot przeszły,
Chociażże jest w grzechach zesły.
Gdy człowiek, przestawszy złości,
Pożąda boskiej miłości,

⁹ Здесь и далее цитируется по изданию: «Dziwosław dworski mięsopustny wczesny», «Polska komedia rybaltowska». Lwów, 1931.

Z płaczem za grzechy żałuje,
 Polepszyć się obiecuje.
 Wnet Pan dekret swój odmieni,
 I co myślił, wnet przemieni.
 Ku łasce go swej przywróci,
 Gdy się ku niemu nawróci.

Содержание, типичное для жанра средневековых моралите, — борьба за душу грешника, возмездие, раскаяние и спасение — становится содержанием придворной рыбалтовской драмы. Противостояние духовного мирскому осуществляется, как и в моралите, не только на словесном уровне, как в вышеприведенных репликах, но и путем введения особых, воплощающих это противостояние персонажей — Дьяволов и Ангела, Веры и Смерти.

Несмотря на сильное и очевидное влияние традиций средневекового моралите, «Придворного свата» нельзя целиком причислить к этому жанру. Автор ее, лукавый рыбалт, скрывшийся под псевдонимом Мацек Лъстец, уже в заголовке подчеркивает ориентацию комедии на *delectatio*: «*Dziewosłab dworski, mięsopustny ucieszny, napisany przez Maczka Pochlebce gwołi zabawom uczciwym Pácholikom młodym*». Приведенные выше черты влияния официальной драмы на плебейско-рыбалтовскую иллюстрируют отмеченную П. Г. Богатыревым постоянную диффузию между искусством так называемым «высоким» и искусством народным. «Тот крупный шаг, — пишет П. Г. Богатырев, — который проделала средневековая драматургия, отступив от латинского текста и перейдя постепенно к драмам на родном языке, невольно повлек за собой приближение средневековой драмы и в стиле и в содержании к фольклору. Этот фольклорный элемент особенно сильно выявлен и в церковных мистериях, и в школьных драмах, а впоследствии и в городских пьесах светского характера, в комических сценах и, наконец, в ролях отдельных комических персонажей, к которым следует отнести и неперменного персонажа многих церковных и школьных драм — черта»¹⁰. Именно эту диффузию можно проследить в комедии «Придворный сват». Следует подчеркнуть, что если влияние моралите очевидно присутствует в трагических ситуациях сюжета, то влияние народного театра, фольклора отмечается прежде всего в комических сценах. Возникает при этом то особое сочетание трагического и комического, которое присуще средневековому и народному театру, что неоднократно отмечалось исследователями. Это сочетание проявляется как в объединении в одной пьесе комических и трагических эпизодов, так и в участии в одной и той же сцене комических и трагических персонажей. В Прологе «Придворного свата» эта принципиальная черта пьесы лапидарно выражена так: «*romiesza sie płacz z śmiechu*».

Действительно, такие персонажи, как Смолка и Уголек, совмещают устрашающую и увеселяющую функции. Последняя реализуется в сцене перепбранки и драки дьяволов между собой и в сцене их нападения на Смерть. Разозленные неудачей своего предприятия, эти персонажи с присущей рыбалтовской сцене комичностью вымещают друг на друге свою злобу. Драки и стычки, избиения, как правило, не выносятся в рыбалтовской драме за кулисы, а происходят прямо на сцене, как это свойственно народному театру. Интересно, что обе эти комические сцены оставляют простор для импровизаций актеров, что следует из объясняющих их ремарок: «Тут они прыгнут друг на друга, подерутся, выедут друг на друге верхом за кулисы, опять въедут»; «Они ударяют ее, она кричит: „Вельзевул, тетку

¹⁰ П. Г. Богатырев. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, стр. 24.

бьют!“, второй толкает ее, она падает с косой, тут они ее оседлают, давя, душа, избивая».

Не только различие функций этих персонажей позволяет говорить о смешении трагического и комического в пьесе, но и чередование сцен: упомянутые стычки, обладающие очевидным комическим характером, следуют непосредственно за эпизодом спасения Памфилуса Верой, центральным эпизодом идейного комплекса комедии. Созданию комического эффекта служит и сцена с Доктором, лечащим Смерть после ее драки с дьяволами. Этот эффект создают не только известные действия Доктора, пародирующие методику врачевания, не только сама ситуация — спасение Смерти от смерти, — но и стилистические речевые приемы. Доктор является здесь носителем чужой, заушной речи (появляясь, он приветствует присутствующих: «Kat kryzaj, liber broder», что, являясь искаженным «Gott grüsse euch, liebe bruder», указывает на его немецкое происхождение) и воплощает сатирическую функцию, будучи пародией на лекарей вообще.

Народная смеховая культура ощутимо присутствует в «Придворном свате», выступая и в специфических ярмарочно-балаганских приемах комики, в травестациях, снижениях, шутовских переосмыслениях. Существенным представляется то, что носителем этой стихии является Лъстец, не случайный тезка автора комедии. Он представляет в комедии плебейский негативизм по отношению к принятой системе ценностей и здравый житейский смысл. Недвусмысленно вырисовывается и сам образ Лъстеца-автора, лукавого пройдохи и шута, пародийно мотивирующего поступки при помощи определенных религиозных постулатов, выворачивая их наизнанку:

Pochlebca. A teraz sie zabawmy, Bóg robić rozkazał,
Złe próżnować, czas drogi, i mnie go wierę żal.

В ответ на это глубокомысленное доказательство необходимости развлечения Скоцек язвительно характеризует Лъстеца:

Skoczek. Tak jest; są tego znaki, że czasy miłujesz,
Bo dnia, nocy szanujesz, rok cały łotrujesz.

Аналогично объясняет Лъстец, выступая оппонентом охваченного благородным гневом Маршалка, непредвзятость и даже благородство игры в карты:

Pochlebca. A Bóg jako, choć nie siał, przecię jednak zbiera,
Tym właśnie sposobem żywi sie kostera.

Возвышенным правоучениям Маршалка Лъстец противопоставляет здравый рассудок, недвусмысленно указывая на материальные, низменные с точки зрения Маршалка, мотивы своих поступков:

Marszałek. Wtenczas Pan Bóg narychlej człeku pomoc daje,
Kiedy mu namniej szczęścia z nadzieją dostaje.
I winuję fortuny, że mi nic nie daje,
Samej cnocie rad służę i przy niej przestaje.

Pochlebca. Ja, iż sie chudo czuję rychlej tam przestanę,
Kędy więcej okrągłych, niż cnoty zastanę.

Эти типичные плебейско-рыбалтовские моменты вносят в придворную комедию новый акцент. Наряду с ними в комедии выражен и социальный протест рыбалтовского автора против угнетения, воплощенный в образе

слуги Гембы. Наличие в тематике пьесы линии слуг, их бедственного положения, отношения к ним шляхты не случайно: эта тема варьируется во многих придворных рыбалтовских комедиях, приобретая наиболее радикальные акценты в комедии «Лучшие и полезнейшие развлечения». Обвинительным пафосом проникнут в «Придворном свате» монолог Гембы:

Gemba. Zewsząd kapie dziś na sługi,
 Ledwo nas nie wprzęgą w pługi.
 Nie wiem, co już wymyślają,
 Na zdech rób, a mało jeść dają.
 By wždy mytko dobre dali,
 Wiernećby sługi miewali.
 Ale i pomyślać szkoda,
 Zewsząd na nas niepogoda.
 Najlepiej sie ci miewają,
 Co bębenka podbijają.
 Chociaż im nie zawsze wierzą,
 Ba i grzbiet im czasem mierzą.
 Ale przecież łaskę miewa,
 Który cichą piosnkę śpiewa.
 Więc wyć z wilki, kiedy wyją,
 Nie będzieszli, to cię zmyją.

Следует признать определенную смелость подобного монолога на придворной сцене. Это очень важный акцент в комедии, который наряду с другими (см. например, фрагмент о мотовстве Памфилуса) создает ту антишляхетскую направленность произведения, о которой писал Ю. Леваньский. В связи с этим трудно согласиться с К. Будзыком относительно специфически шляхетской тематики, якобы исчерпывающей тематический круг комедии ¹¹.

Сложный сплав различных стилистических, жанровых и идейных тенденций в «Придворном свате» свидетельствует о переходе рыбалтовской комедии на более высокий уровень, по сравнению с первыми диалогами этого направления, какими были «Плебанская подготовка» или «Возвращение Альбертуса с войны». Неудачной в этой связи выглядит попытка К. Будзыка определить эту комедию как «исключительно неуклюжее, механическое соединение воедино совизжальской карнавальной комедии, моралите и религиозной мистерии» ¹². Скорее этот сплав можно было бы назвать контаминацией различных художественных структур, сыгравшей определенную роль в развитии рыбалтовской комедии.

Наиболее полно черты карнавальной, масленичной комедии воплотила «Масленица, или трагикомедия, наново для забавы различных сословий изданная». Это произведение сочетает в себе в более или менее развитом виде элементы оперы, балета, комедии дель арте. По сравнению с «Придворным сватом» можно говорить о преобладающей направленности на *delectatio*. Если в обеих этих комедиях присутствует мотив злоупотребления радостями жизни, и тут и там в действие вмешиваются высшие силы (в «Масленице» — inferнальные), в обоих случаях все кончается благополучно, то тем не менее следует подчеркнуть черты несходства этих комедий, что в данном случае выразилось в довольно серьезной трактовке

¹¹ К. В у д з у к. Trzy kręgi komedii sowizrzalskiej. В кн. Z dziejów Renesansu w Polsce. Wrocław, 1953, s. 119.

¹² К. В у д з у к. Na scenie sowizrzalskiej. В кн. Z dziejów Renessansu w Polsce. Wrocław, 1953, s. 119.

сюжета в «Придворном свете» и в полной фарсовости его — в «Масленице». Следует отметить и более широкий адрес «Масленицы», включающий разные слои общества.

Влияние новых драматургических тенденций сказалось в формальном облике комедии, которой предпослан список действующих лиц и которая обладает четким делением не только на акты (действия), но и на сцены (части). Перед каждой сценой, как и в драме нового времени, вводится список участников в порядке их появления на сцене. Всего в комедии пять актов, каждый из которых дробится на несколько сцен (чаще всего на пять, а последний — на семь); обрамляют комедию, кроме Пролога и Эпилога, обращения «К читателю» в начале и «К зависти» — в конце.

Очень показательным в смысле обращения к новым возрожденческим тенденциям присутствие в тексте комедии литературных реминисценций, связанных с античной культурой. Помимо того, что действующими лицами здесь являются Бахус и Сатиры, Софист, Силен, текст буквально пестрит именами, известными из греческой и римской мифологии, — Диана, Цирцея, Сатурн, Дионис и др. Есть упоминания об императоре Тибериусе, о Стигии и Утопии, Осирисе и Адонисе. Все это свидетельствует о включении целой новой сферы мотивов в творчество польских рыбалтов, об их отклике на новые духовные и литературные запросы общества, которые отчасти удовлетворялись «высоким» искусством еще в XVI в. Первые же десятилетия XVII в., когда возникали придворные рыбалтовские комедии, некоторые историки литературы справедливо считают мещанско-плебейским продолжением Возрождения в Польше. Интересно, что если представитель высокого Возрождения в Польше Ян Кохановский использует в своем «Отказе греческим послам» традиции греческой трагедии, то представители мещанско-плебейской разновидности Возрождения находят свои образцы в комедиях римского плебея Плавта, со свойственным им большим зарядом комизма, простым, подчас грубоватым языком.

К новым тенденциям в рыбалтовской комедии следует отнести и конструкцию сценической речи, которая в данном случае максимально, по сравнению с драматическими жанрами предшествующего периода, приближена к разговорной речи. Дело не только в намеренной простоте языка, последовательном отказе от какой бы то ни было риторичности, но и в существенном сокращении длины реплик. Если в XVI в. она состояла из шести парнорифмующихся строк, а позднее в мистериях — из четырех, то в «Масленице», как и в «Придворном свете», длина реплики часто редуцируется до одного-двух слов или короткого предложения, т. е. приближается к естественной речи. Благодаря этому диалог становится более подвижным, действие — более мобильным, общая атмосфера сцены — более живой. Видя огромную заслугу рыбалтовской комедии в развитии и усовершенствовании сценического диалога, Ю. Леваньский считает весь период с 1597 по 1655 г. временем, когда «польское театральное искусство развивают неученые писатели плебейского происхождения, но хорошие драматурги, умело использующие новые формы диалога и современной сцены»¹³.

Большую роль в общем процессе кристаллизации новой драмы с собственным действием сыграло противостояние тенденций ренессансного театра и мистерийного действа. Последнее характеризовалось размытостью композиции, своеобразно понятым театральным действием, которое не предполагало конфликта, но было по большей части иллюстративным, а также наличием интермедий, слабо связанных или никак не связанных с основным сюжетом. Рыбалтовские комедии придворного цикла, в частно-

¹³ J. L e w a ń s k i. Wstęp do: «Dramaty staropolskie», t. I. Warszawa, 1959.

сти «Масленица», как раз и иллюстрируют процесс взаимопроникновения и взаимного наложения двух художественных структур: ренессансной драмы и мистерии. Кроме этого, комедия, как уже говорилось, содержит в себе в зачаточном состоянии элементы оперы, балета, а также выраженные элементы комедии масок. Выше были отмечены некоторые черты нового подхода к драматическому материалу в «Масленице», к которым можно было бы добавить гедонистическое умонастроение автора, его искреннюю заинтересованность мирскими радостями, не замутненную никакими соображениями высшего порядка (в противоположность, например, «Придворному свату»). Однако гораздо более влиятельной оказывается мистерийная традиция, которая существенно определила композицию комедии, действие, конфликт. Непрерывная смена сцен, потасовок, перебранок, танцевальных и вокальных номеров, интермедий не позволяет говорить о едином сюжете, едином действии, как это и было в постановках типа мистерии. Даже формальное членение комедии на акты и сцены часто произвольно и не мотивировано, что позволило К. Будзыку обвинить автора «Масленицы» в механическом перенимании достижений современной драматургии. Как и в мистерии, обладавшей лишь общими рамками действия-представления, здесь все сцены и диалоги заключены в границы карнавального гулянья, масленичных торжеств, и эти границы являются не только композиционно организующими, но и сообщают всей комедии специфическую атмосферу веселой свободы, создают общую тональность в мешанине пестрых сцен, разыгрывающихся в корчме.

Отсутствие единого драматического действия возмещается в комедии, согласно традициям мистерийного театра, столкновением противоположных мнений, спором, перебранкой, в которых, например, книжная мудрость противопоставляется здравому рассудку, трезвость — вакхическим наслаждениям, красота — уродству и т. п.

Присутствуют в комедии и сцены интермедияльные: например, между II и III действием вводится вокальный номер, в котором каждое действующее лицо исполняет определенную народную песню: Kostyra: «Ja, chudy pacholek»; Lapikufel: «Oj kozaczenku»; Sofista: «Mięsopusty zapusty»; Marsyas: «Wekiery podolski»; Satyr: «W plesy abo hajduka». Интересно, что здесь оставлен простор и для импровизации, поскольку в ремарке говорится: «Naostatek, co kto będzie umiał, wurgawi»¹⁴. Возможности импровизаций, столь свойственных комедии дель арте, постоянно учитываются в тексте комедии как одно из средств достижения атмосферы карнавальной свободы действия. Это сочетание некоторых тенденций новой поэтики, соотносимой с традициями античного театра, с особенностями средневекового театра было вообще характерно для известного этапа развития европейской драмы и сыграло в ее истории определенную роль. Чешский исследователь Ф. Штибитц в свое время указывал, что борьба античного и средневекового элементов стала движущей силой развития современной европейской драмы. Попытки рыбалтовских авторов в области создания первой польской комедии в этом смысле приближают их к поискам и достижениям современной им европейской драматургии.

Большой интерес для современного исследователя представляет то специфически рыбалтовское содержание, которое воплотилось в сложной художественной форме комедии. «Масленица» очевидным образом перекликается с такими характерными придворными комедиями, как «Придворный сват» или «Мужик королем» — прежде всего сюжетно, однако

¹⁴ Здесь и далее цитируется по: «Mięsopust abo tragicocomaedia ná dni mięsopustne. Nowo dla stanow rozmáitých zabáwy podána». В кн. Polska komedia rybałtowska. Opr. K. Badecki. Lwów, 1931.

она в гораздо большей степени, чем другие придворные комедии, иллюстрирует тематическую диффузию, включая тематику, свойственную плебейскому творчеству второй половины XVI — начала XVII в. Действительно, сюжет со шляхтичем Лапикуфелем, наказанным за свое ненасытное пьянство собутыльниками, занимает лишь один акт комедии. Несмотря на очевидную фарсовость этого сюжета, его карнавальным комизм, связанный с мотивом маски, потасовками, неузнаванием и конструкцией *qui pro quo*, К. Будзык склонен видеть в нем дань излюбленной шляхтой тематике. Это, по его мнению, подтверждается и тем фактом, что Лапикуфель, как и Памфилус в «Придворном свате», в итоге спасается и избегает дьявольского возмездия. По всей видимости, К. Будзык считает этот сюжет в комедии основным, и хотя с этим трудно согласиться, но все же следует признать, что это единственный действенный конфликт в комедии, единственная сценическая коллизия. Остальной драматургический материал реализуется на словесном уровне — в столкновении мнений, словопрениях, спорах. Тем не менее этот материал представляет интерес, отражая те особенности мировоззрения рыбалтовских авторов, которые имеют богатую традицию в шутовской, «дурацкой» литературе Европы. Эти особенности мировоззрения заключаются в том, что система ценностей рыбалтовской братии, как правило, противопоставлена господствующей в обществе системе ценностей, оппозиционна по отношению к ней. Культуре учености, мудрости, знания рыбалты противопоставляют культ ловкости, смекалки, здравого, трезвого смысла; эстетическому идеалу, часто воплощавшемуся в образе прекрасной дамы, возвышенной красавицы противопоставит его уродливый антипод; духовные ценности, религиозная этика подвергаются травестации, — таковы некоторые проявления рыбалтовской картины мира, нашедшие отражение в их творчестве, и, в частности, в «Масленице». Один из исследователей назвал художественную концепцию рыбалтов «миром наизнанку», а их поэтику — поэтикой «тотальной пародии»¹⁵.

Книжная мудрость, представителем которой в комедии является Софист, осмеивается путем сопоставления ее с конкретным жизненным опытом рыбалтовской братии. Языковые приемы, используемые в эти сценах, характерны для балаганной речи шутов и скоморохов:

Sofista. ... Nuż, kto słuchał de tropis, jako to odmienić

Metonimia umie? tylko się nie lenić.

Nuż metalepsis k temu się przyłoży...

Lapikufel. Ja, co twa matanina, ni trupes rozumiem,

Ni miotalepszy, choć też po łacińsku umiem.

Cyt lepszy, toś do rzeczy powiedział, co znaczy,

Gdy ja wiem, że GORZAŁKA, niech zwie, jak to raczy.

Заземленное, конкретное мышление персонажей в столкновении с книжной премудростью Софиста является источником значительного комического эффекта. По-шутовски хитро и весело обыгрывает Лапикуфель преимущества жизненной школы перед школьной наукой, давая свою этимологию известным понятиям, касающимся школьных предметов, вкладывая свой смысл в ходячие образы:

Sofista.... Choć w szkole bywałeś, wąpię, byś co umiał.

Aboś się w inszej uczył.

¹⁵ St. G r z e s z c z u k. Błażeńskie zwierciadło. Kraków, 1970.

Zapikufel. Nie dziw, bo gdy zajdzie

Słońce, i w jednej szkole szkół niemało znajdzie.

Bo w jednym warszabnie kącie rozkładają,

W drugim zaś czterech królów księgi więc czytają.

W trzecim w artmetykę wprawują się pilnie,

Co znaczy odynajcet sim, zgadną niemylnie.

Najdziesz też niepoślednich tam matematyków,

Najdziesz i astrologów, i przednich muzyków.

I geometrów, co swem grzbietem ziemie mierzą,

A grzbiet zaś kijem w dziurze, gdy do drzwi nie wierzą.

Еще ярче вырисовывается противопоставление науки, близкой представителям «питейного цеха», строгой науке Софиста в его диалоге с Костырой (игроком), где звучит осознание принадлежности профессиональных весельчаков к особому классу-цеху типа веселых «дурацких» обществ и орденов. Лапикуфель и Костыра в своих репликах постоянно доказывают, как мало значения имеет наука в их обыденной жизни, как она оторвана от прагматики и конкретности их бытия, как невысоко ценят они то, что неспособно принести ощутимую материальную пользу. В этом проявилось типичное для рыбалтов сведение всякого возвышенного содержания к низменно-телесному уровню и стихийно материалистическое предпочтение последнего. Рыбалты здесь выступают как наследники богатой литературной традиции, у истоков которой стоят замечательные «Беседы, которые вел царь Соломон мудрый с Мархолтом грубым», где соломоновой мудрости победно противостоит трезвый рассудок плебей, где каждый возвышенный тезис царя снижается и выворачивается наизнанку находчивым демистификатором.

Традиционен (и также имеет место в «Беседах») и мизогинизм рыбалтовских авторов, создающих уродливый смеховой дублет идеалу и образу прекрасной дамы в высокой литературе. Если в европейской культурной традиции известно два типа отношения к женщине: как к воплощению чистоты и невинности, к просветляющей дух непорочной возлюбленной и как к вместилищу греха, образу плотского, низменного начала, — то рыбалтовские авторы исходят последовательно из второго типа отношения. Женщина у них не только сосуд мерзости, но и крайне непривлекательный, уродливый сосуд. Около 40 стихов комедии посвящены ироническим описаниям женской «красоты», которые почти буквально перекликаются с описанием портрета жены Мархолта: «Волосы ее были как щетина, брови большие, острые и вонючие, как на хребте кабана, борода, как у козла, уши, как у осла, глаза мрачные и мутные, взгляд змеиный, тело черное и сморщенное, соски синие, как олово, пальцы у нее короткие, а на них железные перстни, обе поздри, верхние и нижние, были у нее, бедняги, очень большие, голени короткие и мясистые, а косматые, как у медведя...»¹⁶ и т. п. Глубокий антифеминизм, выразившийся в сценах с Корчмарем (2-я и 3-я сцены III акта), присущ и прозаическим жанрам рыбалтовской литературы, где он воплощается в образе злой старой бабы, сварливой жены. Такая трактовка женского образа типична для низких комических жанров, для простонародной традиции фабль и шванков. Деэстетизация женского образа является лишь частью общей «эстетической» программы рыбалтов, в творчестве которых положительно прекрасное не может иметь места.

¹⁶ «Rozmowy, które miał król Salomon z Marchońtem». В кн. Proza polska wczesnego renesansu. Opr. J. Krzyżanowski. Warszawa, 1954, s. 87.

Если в упомянутых сценах раскрывается рыбалтовское отношение к науке и эстетике, то в III акте (сцена 4-я) обыгрывается тема религии. Рыбалтовский цинизм по отношению к возвышенным вещам здесь получает как бы оправдание в образе пройдохи Пилигрима, пытающегося рассказом о своем мнимом паломничестве к святым местам и о чудесах, виденных во время путешествия, выудить себе подавание. Возможность использовать в корыстных целях простодушие верующих компрометирует церковь в глазах рыбалтов, как симония и индульгенции пятнали ее в глазах средневековых вагантов. В репликах Пилигрима пародируются вымышленные рассказы о святых местах, разного рода фантастические сведения о дивных краях и заморских чудесах.

Все эти мотивы чрезвычайно характерны для всего комплекса плебейской рыбалтовской литературы XVI—XVII вв. Их проникновение в рыбалтовскую комедию, создаваемую при дворах, обогащало тематический круг возникающей отечественной драматургии.

Рыбалты, создатели первой польской комедии, привносили на придворную сцену традиции средневекового, народного театра, традиции ярмарочного действия. Вынужденные учитывать относительно высокие требования придворной сцены, они в своем творчестве пытались сочетать самые разнообразные традиции, что приводило к интересным и плодотворным художественным синтезам. Их комедии, по справедливому замечанию Ю. Леваньского, являются ярчайшей и наиболее интересной страницей в истории развития старопольской драмы.

Рыбалтовские комедии придворного круга представляют собой ценный материал для историков старопольского театра и драматургии, поскольку позволяют проследить важные процессы взаимодействия, борьбы и сосуществования часто разнородных традиций, в результате которых выкристаллизовывалась национальная драматургия нового времени. Кроме того, рассмотренные рыбалтовские комедии были некоторым перекрестком, где сходились, обогащая и оплодотворяя друг друга, тенденции «высокого» и «низкого» искусства.

А. Б. ДОЛГОПОЛЬСКИЙ, В. А. ДЫБО, А. А. ЗАЛИЗНЯК

ВКЛАД В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧА В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКУЮ ГРАММАТИКУ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ И НОСТРАТИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ

Выход I тома «Ностратического словаря» В. М. Иллич-Свитыча¹ является вехой в истории сравнительного языкознания, сопоставимой по значению с созданием индоевропейской сравнительной грамматики в I половине XIX века (Бопп — Раск — Гримм). Будучи первой удавшейся попыткой доказательства родства языков такой хронологической глубины, она открывает новые перспективы для сравнения языков ностратической макросемьи, а также вообще показывает возможности сравнительно-исторического языкознания в исследовании языков разных типов, позволяет преодолеть тот скепсис, к которому были склонны многие представители сравнительно-исторического языкознания XX века. Книга В. М. Иллич-Свитыча закладывает фундамент новой научной дисциплины, открывающей замечательные перспективы для сравнительно-исторического языкознания, в особенности для сравнительной грамматики индоевропейских языков.

Но прежде чем перейти к подробному анализу работ В. М. Иллич-Свитыча по ностратическому языкознанию, следует вспомнить, что он начал свою научную деятельность, продолжавшуюся всего девять лет, как индоевропеист, что именно в русле индоевропейского сравнительного языкознания развивался его талант и формировался его метод. По-видимому, рассмотрение его индоевропеистских работ, и прежде всего работ по акцентологии, будет полезно для того, чтобы понять, что нового внес В. М. Иллич-Свитыч в языкознание, ощутить основные особенности его метода.

В. М. Иллич-Свитыч начал научную деятельность публикацией ряда статей по ларингальной гипотезе, в которых пытался проследить рефлекс индоевропейских ларингальных в славянском и балтийском.

Особенностью того периода развития индоевропеистики было увлечение внутренней реконструкцией и некоторое пренебрежение внешним сравнением, которое расценивалось как атомарное, несистемное. На первые работы В. М. Иллич-Свитыча этот период наложил очень четкий отпечаток. Они используют нарочито лишь внутреннюю реконструкцию, автор принципиально отмечает все внешние сравнения, намереваясь проводить их лишь между системами, восстановленными методом внутренней

¹ В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский) М., «Наука», 1971.

реконструкции. Следует отметить, что «ларингалистские» работы В. М. Иллич-Свитыча отличались исключительной последовательностью и методичностью. Если в большинстве «ларингалистских» работ того времени необходимость системного подхода и последовательной внутренней реконструкции зачастую лишь декларировалась, В. М. Иллич-Свитыч действительно совершенно последовательно вводил почти алгебраический анализ, пытаясь проследить заиндексированные им как следы ларингалов различные акцентологические явления славянских и балтийских языков, причем во всех частях их системы. В настоящее время заметно некоторое сходство ранних работ В. М. Иллич-Свитыча с работами Массачусетской школы порождающей грамматики: 1) последовательное индексирование акцентологических явлений какой-либо отдельной области языка и конструирование правил механического получения из них другого рода явлений в других областях, 2) выражение этих правил в виде квазифонологических процессов, 3) сознательное пренебрежение различием уровней языка.

Однако работы этого начального периода были впоследствии оценены самим В. М. Иллич-Свитычем как давшие отрицательный результат. В. М. Иллич-Свитыч писал: «...неправомерное восстановление ряда форм как первоначально идентичных структурно (что было вызвано односторонним увлечением внутренней реконструкцией) привело [автора] к ложным выводам»².

Эти ранние работы, несмотря на их отрицательный результат, имели для автора очень большое значение. В предисловии к своей большой работе по акцентологии он писал: «На собственном опыте автор убедился, что игнорирование общеиндоевропейской основы балтийской и славянской акцентуационных систем, ставшее столь модным в последнее время, приводит к жестоким просчетам и иллюзорным построениям»³.

Можно думать, что именно этот опыт внутренней реконструкции славянской и балтийской протосистем позволил В. М. Иллич-Свитычу трезво оценить возможность внутренней реконструкции в такой области, как предьстория индоевропейского, и с полным основанием написать в предисловии к своему «Ностратическому словарю»: «В передовых областях компаративистики (и прежде всего в индоевропейском языкознании) в последнее время обнаружилась определенная переоценка возможностей метода внутренней реконструкции, применение которого без жесткого контроля внешнего сравнения приводит к построению многочисленных одинаково вероятных и в равной степени произвольных протосистем. Подобная ситуация диктует необходимость выхода за рамки одной какой-либо языковой семьи. Лишь внешнее сравнение обеспечивает соответствующий контроль и позволяет выбрать единственный максимально приближающийся к реальности вариант исторической реконструкции из многих принципиально возможных»⁴.

Талант и опыт В. М. Иллич-Свитыча проявился в полную силу в его акцентологической работе «Именная акцентуация в балтийском и славянском (Судьба акцентуационных парадигм)». В ней уже видны основные черты метода «зрелого» В. М. Иллич-Свитыча. Задача исследования сформулирована автором в предисловии: «Эта книга — попытка найти ...

² См. его рецензию на сб. «Evidence for Laryngeals». — «Вопросы языкознания», 1961, № 6, стр. 120.

³ В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском (Судьба акцентуационных парадигм). М., 1963, стр. 3.

⁴ В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков..., стр. 2.

общеиндоевропейскую основу для системы акцентуационных парадигм имени [в балтийском и славянском]»⁵.

Результат этого исследования — доказательство генетического тождества балтийских и славянских акцентных парадигм с индоевропейскими акцентными парадигмами, реконструированными на основании сравнения древнеиндийского, греческого и германских языков, и формулирование правил их соответствия.

Значение этого открытия трудно переоценить. Ведь речь идет о кардинальном вопросе всякого сравнительно-исторического исследования (установление генетического тождества), лишь после решения которого принципиально возможно построение истории (предыстории) языкового явления. Сложность проделанной работы можно представить себе, если иметь в виду, что со времени первого шага в этом направлении прошло 67 лет, и все эти годы данная проблема не сходила со страниц научных журналов и книг.

В 1896 г. Ф. де Соссюр показал, что четыре литовские акцентные парадигмы имени путем внутренней реконструкции можно свести к двум. Одновременно исследование акцентовки литовского глагола привело его к выводу, что пралитовский глагол также имел две акцентуационные парадигмы. Эта ситуация оказалась сопоставимой с акцентной системой индоевропейского, которая была реконструирована на основании сравнения древнеиндийского и греческого языков и ряда специфических рефлексов германских языков (закон Вернера).

Однако связь этих систем можно было доказать лишь путем непосредственного сравнения акцентуации балтийских имен, восходящих к образованиям индоевропейского периода, с акцентуацией соответствующих основ в других индоевропейских языках. Это хорошо понимали ведущие акцентологи того времени. Но как раз здесь их ожидала неудача. В лучшем случае они получали лишь частичные результаты (так, Хирту удалось довольно удачно объяснить ряд случаев балтийской баритонезы, соответствующих окситонированным именам в других индоевропейских языках).

Еще сложнее было положение в славянской акцентологии. Здесь было установлено три акцентные парадигмы имени, которые не находили соответствия в индоевропейской акцентной системе. Попытка Хирта установить генетическое тождество трех акцентных славянских парадигм с двумя индоевропейскими путем постулирования связи баритонированной акутовой акцентной парадигмы с индоевропейской баритонированной акцентной парадигмой имен с долготным корнем, подвижной славянской акцентной парадигмы с баритонированной акцентной парадигмой с краткостями и краткими дифтонгами в корне и окситонированной славянской парадигмы с окситонированной индоевропейской — была, что касается двух последних сближений, явно неудачна. Однако это умозрительное построение надолго закрепилось в сравнительно-исторической акцентологии.

Каждый новый шаг давался здесь с большим трудом, существенные результаты удавалось достичь лишь для отдельных групп основ.

Введение Я. Эндзелином латышского материала позволило установить наличие в прабалтийском двух акцентных парадигм в некоторых именных категориях (например, в прилагательных), которые в литовском в силу инновации получили единообразное ударение.

Сравнение славянских и балтийских основ с долготным корнем позволило А. Мейе установить у них первоначальное тождество акцентных парадигм и доказать балто-славянский характер подвижности акцента в этих

⁵ В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском..., стр. 3.

основах. Исследования К. Буги и Л. А. Булаховского в области акцентологии глагола привели к установлению ряда соответствий в области глагола. Доказательство Хр. Стангом подвижности той славянской акцентной парадигмы глагола, которая раньше считалась окситонированной, подтвердило значимость морфологической подвижности акцента в праславянском, а осуществленная им демонстрация идентичности славянской подвижной акцентуационной парадигмы имен третьей литовской акцентуационной парадигме окончательно вывела всю массу славянских подвижных имен из проблематики закона Фортунатова — де Соссюра.

Однако решающего результата получено не было ни в области установления генетического тождества системы славянских акцентуационных парадигм с балтийской, ни в области установления их генетического тождества с индоевропейской системой.

Естественно, что трудности и неудачи, постигшие ряд исследователей в решении этого вопроса, вызвали скептическое отношение к возможности его решения, которое в крайнем виде проявилось в известной концепции Е. Куриловича об отсутствии связи балтийской и славянской акцентных систем с индоевропейской.

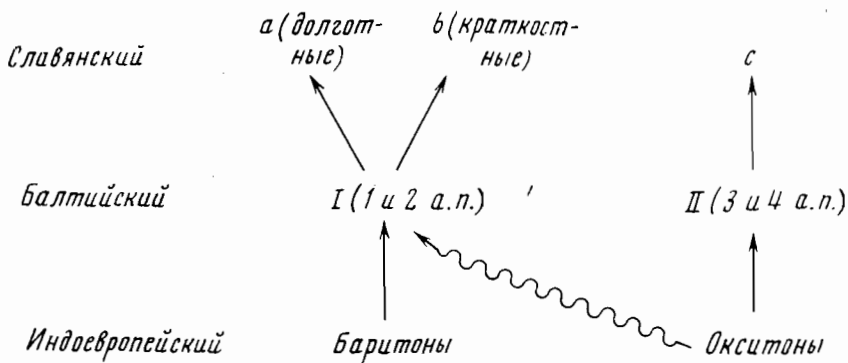
Тщательное диалектологическое исследование позволило В. М. Иллич-Свитычу показать, что диалекты, легшие в основу литовского литературного языка, являлись центром акцентологической инновации, значительно изменившей первоначальные отношения, и открыть архаические акцентные системы (с точки зрения парадигматических отношений), которые вместе со старолитовскими акцентованными текстами дали возможность восстановить древнелитовскую систему акцентных парадигм. Сопоставление этой системы с индоевропейской показало, что подвижная литовская парадигма восходит к окситонированной (возможно, окситонированно-подвижной) индоевропейской парадигме, а литовская баритонированная акцентная парадигма восходит к баритонированной индоевропейской, хотя и включает в себя ряд имен, перешедших из окситонированной акцентной парадигмы по правилу Хирта. Значительное увеличение сравниваемого материала позволило В. М. Иллич-Свитычу уточнить и восстановить в правах правило Хирта.

С другой стороны, уточнение первоначальных типов акцентовки и раздельный анализ акцентовки по типам первоначальных основ в славянских языках показал, что окситонированный тип основ на *-o-* мужского рода восходит к баритонированному типу индоевропейских основ на *-o-* среднего рода (краткостного типа); аналогично и другие типы основ окситонированной парадигмы (за исключением славянских имен среднего рода) восходят к индоевропейскому баритонированному типу. Что касается старых баритонированных «краткостных» имен мужского рода, то, хотя они и перешли в подвижный тип, этот переход произошел довольно поздно, так как ряд славянских диалектов сохраняет в этих именах следы особой акцентной парадигмы (близкой по акцентной кривой к окситопезе).

Таким образом, генетическое тождество акцентных парадигм предстает теперь в том виде, как это показано на стр. 86 (знак «*m*» символизирует переход группы имен из окситонированной парадигмы в баритонированную по правилу Хирта, уточненному В. М. Иллич-Свитычем).

С точки зрения индоевропейской акцентологии решение кардинального вопроса славянской и балтийской акцентологии открывает большие возможности для значительного обогащения, конкретизации реконструкции индоевропейской просодической системы, так как оно означает сравнительно-историческое использование еще двух акцентных праязыковых систем: славянской и балтийской (наряду с первоначальными тремя: древнеиндийской, греческой и германской). Если учесть при этом возмож-

ность реконструкции кельто-италийской (в фрагментах) и иранской акцентных систем, то становится ясно, насколько точнее мы можем сейчас реконструировать индоевропейскую просодическую систему.

Существенный интерес представляют также особенности метода в этой работе. Книга имеет подзаголовок: «Судьба акцентуационных парадигм». Иначе говоря, с самого начала исследования устанавливается тот факт (замеченный давно, но часто ускользавший из поля зрения акцентологов при конкретных исследованиях), что акцентовка в славянском и балтийском представляет собой систему акцентологических (морфонологических) типов, обнаруживаемых в разных сферах языка.

Твердо опираясь на тезис о системности исследуемых явлений, В. М. Иллич-Свитыч вводит ряд четких формальных разграничений (морфологические типы слов, грамматические роды, *nomina agentis* — *nomina actionis*, существительные — прилагательные), которые в дальнейшем уже нигде не нарушаются.

В этой работе проявилась та черта, которая заметна начиная с самых первых работ В. М. Иллич-Свитыча: жесткость единства метода. Например, если В. М. Иллич-Свитыч считает недопустимым отождествление *nomina agentis* и *nomina actionis*, то во всей книге не обнаружится ни одного случая, чтобы автор отступил от этого положения (независимо от того, противоречит такое сближение идеям автора или подтверждает их).

Для установления акцентного типа и идентификации основ учитывались все имевшиеся источники информации: строгий филологический анализ акцентных систем старолитовских и древних славянских текстов, вплоть до анализа орфографии этих текстов, огромная (фактически сплошная) выборка по заданной программе из старых текстов и из диалектов, в каждом случае с установлением соответствующей системы, учет географической стратиграфии, учет словообразовательных отношений выбора акцентных парадигм. В то же время вся эта строгая работа по установлению частных особенностей была скорректирована внешним сравнением с результатами аналогичного анализа каждой из сравниваемых систем.

* * *

Дальнейший этап творческого развития В. М. Иллич-Свитыча составляет его работы по внешнему сравнению индоевропейских языков, а именно работы в области так называемого ностратического языкознания.

Постановка проблемы отдаленного родства индоевропейских языков была подготовлена всем ходом развития сравнительного языкознания за последние десятилетия. Значительный прогресс, достигнутый такими областями компаративистики, как алтаистика, дравидология, картвели-

стика, семитохамитология, уралистика, поднял степень реконструкции в этих отраслях сравнительного языкознания до уровня, сопоставимого с уровнем реконструкции в индоевропеистике. С другой стороны, оштрафленный застой в индоевропеистике был частично обусловлен тем, что наиболее ясные отношения и генетические тождества, которые можно было установить при помощи внешнего сравнения в пределах индоевропейской семьи языков, были установлены, поиски же новых методов вызвали фетишизацию приема внутренней реконструкции и, в конечном счете, завели в тупик равновероятных решений. Дальнейший прогресс индоевропеистики настоятельно требовал выхода за рамки индоевропейской семьи для наиболее эффективного применения метода внешнего сравнения.

О родстве постратических языков догадывались уже давно. Если оставить в стороне наивные и поверхностные сравнения некоторых авторов XIX в. и методически несовершенные работы Мёллера, Кюни и Тромбетти (в которых, ввиду отсутствия строгой методики сравнения, верные сравнения тонули в громадной массе неправильных), то надо отметить, что относительно более надежных результатов достигали авторы, проводившие сопоставления (обычно двух или трех языковых семей) на базе глубокого исследования сравнительных грамматик каждой из сравниваемых семей и трезвого анализа возможностей случайного совпадения, заимствований и генетического родства. К их числу относятся В. Коллиндер, Х. Педерсен, К. Менгес, Т. Барроу и некоторые другие. Их работы могут рассматриваться как подготовительный этап для решающего шага, выполненного В. М. Иллич-Свитычем, — построения системы звукоответствий и реконструкции общеностратической протосистемы и формул перехода от этой системы к системам языков-потомков.

В 1924 г. Х. Педерсен писал (перечислив предположительно родственные между собой языковые семьи, которые он объединил в понятие «Nostgatian languages»): «Вопрос состоит теперь в том, можно ли собрать материал, достаточный для того, чтобы придать этому объединению кровь и плоть и четкие очертания»⁶. В. М. Иллич-Свитыч сумел дать положительный ответ на этот вопрос.

В. М. Иллич-Свитычу удалось, установив регулярные звукоответствия, реконструировать общеностратическую систему согласных, систему гласных, восстановить структуру корня (= слова?) и служебных морфем (= слов?). Разумеется, степень надежности и окончательности реконструкции разных участков фонологической системы различна — она зависит от степени сохранения фонологических противопоставлений в языках-потомках. Наиболее надежным образом восстановлена система смычных, система сонорных, отчасти — система гласных. Больше спорного в системе ларингалов (фонологические противопоставления которых сохранены более или менее полно лишь в семитохамитских и отчасти картвельских языках) и в системе сибиллянтов и аффрикат (где фонологические противопоставления во многом утрачены в большинстве дочерних семей, относительно хорошо сохраняясь лишь в картвельском, уральском и отчасти семитохамитском). Изучение сибиллянтов и аффрикат осложняется еще относительной редкостью многих фонем этого типа в исходной лексической протосистеме.

Сейчас, когда удалось обнаружить много ранее неизвестных общеностратических корней, выясняется, что разработанная В. М. Иллич-Свитычем система звуковых корреспонденций и формул исторических изменений звуков подтверждается и на том материале, который в его работах отсутствовал.

⁶ H. P e d e r s e n. Sprogvidenskab i det Nittende Aarhundrede: Metoder og Resultater. København, 1924.

Мало того, гипотезы и реконструкции В. М. Иллич-Свитыча подтверждаются и материалом тех языков, которые были описаны в последние годы — после 1966 г. Так, недавно Г. Дёрфер, В. Хеше, Х. Шейнхардт и С. Тезджан описали весьма архаичный тюркский язык в Иране — халаджский язык. В этом языке сохраняется утраченный другими тюркскими языками начальный *h-. В. М. Иллич-Свитыч предполагал, что следы такого *h- могут быть обнаружены в корнях, содержавших общеностратическое *p- (в нотации «Опыта сравнения» — *p^с). Фонема *p- (*p^с-) содержится, в частности, в корне со значением 'ступня, foot'⁷, который в древнетюркском языке отражался в виде *adaq* (-aq — суффикс), в современных тюркских — в виде *azaq*, *ayaq*. И вот оказывается, что в языке халадж на этом месте находим *hadāq* (откуда Г. Дёрфер реконструирует пратюркское *padāq). Тот же халаджский h- находим в слове *hikmāk* 'хлеб' (-māk — суффикс), соответствующем турецкому *ekmek* и восходящему к ностр. **pä/k/U* 'греть, варить' (> 'печь') (в интерпретации В. М. Иллич-Свитыча — **pä/k/a* 'горячий'), который находим в и.-е. *pek₂ — 'жарить, варить', тунгус. *päkü — 'горячий', корейск. *pakⁱl/peki^t* 'boiling', урал. *päkkä 'горячий'.

После 1966 г. в научный оборот вошли факты многих не описанных ранее кушитских и чадских языков семитохамитской семьи. И эти факты (которые, разумеется, не могли быть известны В. М. Иллич-Свитычу) подтверждают его реконструкции самым блестящим образом. Так, в чадском языке фьер (Нигерия) обнаружено слово 'et 'есть (eat)'⁸, подтверждающее ностратическую реконструкцию *'itā 'есть'. Индоевропейско-уральско-семитохамитское сближение слов со значением 'имя, называть', давшее основание В. М. Иллич-Свитычу для реконструкции корня *nima 'имя' (в уточненном с использованием новых данных виде — **nim^l/a* 'называть, имя'), подтверждается не известными прежде фактами кушитских языков: ари *nāmi* 'имя', диме *narro* 'имя', банна *nābi* 'имя' (из кушит. **nam^la*), иракв *ima* 'имя' (из **n^lma* < **nam^la*), которые в сопоставлении с сем. *nb 'называть заранее', 'предсказывать' позволяют предположить сем.-хам. -**nam^l*- (с деназализацией *m перед *') в семитском и части кушитских). Реконструкция корня *kErda 'грудь (chest)' («Опыт сравнения», стр. 324—325), проведенная В. М. Иллич-Свитычем на основании индоевропейской и картвельских свидетельств, подтверждается и кушитским *kard- 'грудь' (гидоле *kard^a* 'живот', харуро *kirṭa* 'грудь' и т. д.⁹, равно как и чадскими языками (хауса *kirži* 'chest', где *ži* < *di). Таких примеров много. Они служат еще одним подтверждением реконструированной В. М. Иллич-Свитычем системы корреспондентий.

В. М. Иллич-Свитыч, фундаментальным образом изучив сравнительно-исторические грамматики всех дочерних языковых семей, сумел в анализе каждой из этих семей оперировать всей совокупностью ностратического языкового материала. Такой подход открывает новые возможности в реконструкции истории дочерних языковых семей. Многие проблемы реконструк-

⁷ Реконструкция *patā — по В. М. Иллич-Свитычу [«Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семитохамитский)». В сб. «Этимология. 1965», М., 1967, стр. 368]; *paḡda — по А. Долгопольскому («Ностратические основы с сочетанием шумных согласных». В сб. «Этимология. 1967», М., 1969, стр. 304—305).

⁸ H. J u n g r a i t h m a u r. Die Ron-Sprachen. Glückstadt, 1970, S. 85. Корень есть и в восточночадском языке тангале: 'ed- 'to eat (hard things)'; см. H. J u n g r a i t h m a u r. The Tangale vowel harmony system reconsidered. «Journal of African Languages», ... , v. 10, pt. 1.

⁹ M. V e n d e r. Languages of Ethiopia. «Anthropological Linguistics», 1970, v. 13, № 5, p. 248, 255.

ции (особенно на отдаленном от нас временном уровне) не могут быть однозначно разрешены только на основе языков-потомков, но привлечение материалов родственных языков (типа привлечения литовских материалов для решения проблем праславянской реконструкции) позволяет прийти к однозначному решению. Именно поэтому работы В. М. Иллич-Свитыча (как по общеностратической тематике, так и посвященные отдельным дочерним группам языков) вносят весьма существенный вклад в разработку сравнительно-исторических грамматик дочерних языковых семей.

Семи то х а м и т с к а я я з ы к о в а я с е м ь я. Сравнительно-историческая фонетика этой семьи до последнего времени была разработана очень плохо. Для того, чтобы приступить к ее серьезной разработке, нужно было предварительно построить сравнительную фонетику кушитских языков и сравнительную фонетику чадских языков. В связи с этим В. М. Иллич-Свитыч начал исследование сравнительной фонетики чадских языков. Он успел выяснить соответствия губных смычных¹⁰. В работе «Опыт сравнения ностратических языков» содержатся некоторые предположения о соответствиях между пятью ветвями семитохамитской языковой семьи. Из них более надежны семито-египетско-берберские соответствия, кушитские же и чадские корреспонденции по необходимости носили характер временной рабочей гипотезы.

Весьма ценным вкладом в семитохамитологию являются многочисленные лексические параллели между разными ветвями семитохамитской языковой семьи, впервые предложенные В. М. Иллич-Свитычем.

Интересно, что даже в такой хорошо разработанной области сравнительного языкознания, как семитология, опора на ностратические параллели позволила В. М. Иллич-Свитычу достичь новых нетривиальных результатов. Так, ему удалось решить загадку супплетивности числовых форм слова со значением 'сын' в арамейском, сирийском и южноаравийском языках. В этих языках ед. ч. содержит корень **bar-/*bir-*, а мн. ч. — корень **bin-* (который в прочих семитских является корнем для обоих чисел). Этот супплетивизм не находил до сих пор никакого объяснения и оставался загадкой для семитологов. Опираясь на ностратические параллели, В. М. Иллич-Свитыч выдвинул убедительную гипотезу об исконности корня **bir-* и вторичности **bin-* (из **bir-n-* с показателем мн. ч. **-n-*).

Предположение В. М. Иллич-Свитыча об аффрикатном происхождении почти всех семитских сибиллянтов находит подтверждение сейчас, когда построена сравнительная фонетика кушитских языков. Действительно, многим семитским сибиллянтам в кушитском соответствуют аффрикаты. Например, сем. *θ соответствует куш. *č: сем. *θll 'быть в тени', *θlm 'быть темным' = куш. **čal-/*čall-* 'быть темным' (нао, маджи *čil-*, омето *čilil-*, ари *čelmi* 'темный', авия *car-ka* 'черный' и пр.), сем. **hiθw-*, **huθθ-* 'стрела' = куш. **Hačč-* 'острие, быть острым' (моча *hačči* — 'заострять, тесать', бедауйе-аммар'ар *hasi* 'острый' и пр.).

Есть основание думать, что создание ностратического языкознания намного ускорит и облегчит построение сравнительной фонетики и грамматики семитохамитских языков.

К а р т в е л ь с к и е я з ы к и. Существенные дополнения к сравнительной фонетике картвельских языков содержатся в рецензии В. М. Иллич-Свитыча на книгу Г. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани «Система сонантов и аблаут в картвельских языках»¹¹ и в фонетическом разделе книги «Опыт сравнения ностратических языков». К ним относятся, в частности, объяснение чередования *e* — *i* как отражение более древнего чере-

¹⁰ См. В. М. Иллич-Свитыч. Из истории чадского консонантизма: лабиальные смычные. В сб. «Языки Африки». М., 1967.

¹¹ См. «Вопросы языкознания», 1966, № 4.

дования $i\epsilon - i$, что позволяет упростить общую схему ступеней чередования и уточнить морфонологический состав корня, выявив корневой сонант $*i/*\dot{i}$ в ряде корней (открытие, сходное по своему лингвистическому содержанию с теорией «сонантических коэффициентов» Ф. де Соссюра в индоевропейском), объяснение нерегулярного соответствия груз.- зан. r сванскому l отражением ностратической фонемы $*l'$ (что, в сущности, означает постулирование на общекартвельском уровне особой фонемы $*l_1$) и т. д. Очень важна для картвелистики неопубликованная пока работа В. М. Иллич-Свитыча «Картвельский вокализм в свете внешнего сравнения», во многом предвосхитившая теорию аблаута Гамкрелидзе и Мачавариани.

Существен вклад В. М. Иллич-Свитыча в картвельскую этимологию. Так, опираясь на свое открытие, касающееся $*i$ как элемента корня (выступающего в форме $*i\epsilon > *e \sim *i$), В. М. Иллич-Свитыч уточняет реконструкцию корня $*bir-$ 'петь' (по Г. А. Климову, $*br-$ с вторичным занским $*i$, вытекающим из занского «стремления к полногласию») — см. «Опыт сравнения...», стр. 180—181. Он впервые реконструировал картвельский корень $*bey-$ 'быть достаточным' (там же, стр. 193), корень $*cxiw-$ 'колючка растения, острие' (там же, стр. 197), уменьшительный суффикс $*-k-$ (там же, стр. 312—313), уточнил многие реконструкции и др. См. также специальную работу, посвященную картвельским и другим кавказским этимологиям, где, в частности, убедительно доказывается происхождение картв. $*u\epsilon l-$ 'ярмо' из сем. $*yull-$ 'ярмо' (а не из и.-е. $*iugom, iugos$)¹².

В. М. Иллич-Свитыч открыл возможность ввести (и отчасти сам ввел) в этимологическое рассмотрение те многочисленные лексемы грузинского, занского либо сванского языков, которые документированы лишь в одном из трех картвельских языков, но являются исконно картвельскими (на что указывают ностратические параллели).

Уральские языки. В «Опыте сравнения...», в работе «Реконструкция уральского вокализма в свете данных внешнего сравнения»¹³ и в других публикациях В. М. Иллич-Свитыч отразил результаты своих исследований по сравнительной фонетике уральских языков. Так, он выдвинул гипотезу о различении прауральских $*\bar{a}$ и $*\bar{e}$. Эту интересную, хотя и спорную (ввиду возможности найти дополнительное распределение) гипотезу В. М. Иллич-Свитыч применил к реконструкции уральских корней в «Опыте сравнения...». Следует отметить также, что работы В. М. Иллич-Свитыча по ностратическому и уральскому вокализму позволяют решить знаменитый спор по поводу уральского вокализма между школой Э. Итконена и В. Штейницем в пользу концепции Э. Итконена.

В работах В. М. Иллич-Свитыча есть новые общеуральские сближения: $*m/\bar{a}/ra-$ 'болеть', $*wola$ 'большой', $*wi\bar{a}$ 'сок'¹⁴ и др.

Тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки. В. М. Иллич-Свитыч пользовался понятием «алтайская семья языков». Независимо от интерпретации несомненных родственных связей тюркских, монгольских, тунгусских (а также корейского, японского, и, видимо, нивхского) как специального «алтайского родства» или как родства нескольких близких ветвей ностратической семьи (проблема типа кельто-италийской в индоевропеистике), вклад В. М. Иллич-Свитыча в исследование предьстории тюркских, монгольских и тунгусских (= тунгусо-маньчжурских) языков следует признать исключительно важ-

¹² В. М. Иллич-Свитыч. *Caucasica*. В сб. «Этимология. 1964». М., 1965.

¹³ См. сб. «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. 4, Ижевск, 1967.

¹⁴ В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков, стр. 331, 333.

ным. В его работах¹⁵ установлены триады звукосоответствий древних смычных в алтайских языках (отражение ностратических триад — глоттализированный, глухой, звонкий). Ср. двоичное противопоставление смычных в работах классиков алтаистики Г. Рамстедта и Н. Поппе, не способное объяснить всей совокупности наблюдаемых фактов. В. М. Иллич-Свитыч показывает, что тюркский материал (в частности, материал огузских и тувино-тофаларских языков) позволяет распознать противопоставление сильных и слабых смычных в пратюркском, и это противопоставление имеет точные параллели в родственных языках. Интересно, что новейшее фундаментальное и фонетически точное исследование тофаларского (карагасского) языка подтверждает наблюдения В. М. Иллич-Свитыча¹⁶.

Важнейшим достижением В. М. Иллич-Свитыча в области монголистики надо считать обнаружение прамонгольского начального *l-, которое обычно сливается с начальным *n-, но спорадически сохраняется в монгорском и других южномонгольских языках.

О других достижениях В. М. Иллич-Свитыча в области алтайской фонетики см. во вступительной статье В. А. Дыбо к «Опыту сравнения...».

Существенный вклад сделан В. М. Иллич-Свитычем в области установления межалтайских лексических связей генетического типа. Это тем более важно, что в алтаистике нет сколько-нибудь полных перечней общеалтайских основ, четко различающих родственные основы от заимствований.

Д р а в и д и й с к и е я з ы к и. В. М. Иллич-Свитычу удалось найти неизвестные прежде ряды соответствий фонем, позволяющие реконструировать прадравидийские звонкие геминаты *bb-, *dd-, *gg-, *ʒʒ-, отражающие сочетания шумных с ларингалами. Им выдвинуто предположение об особой фонеме **c*₁- (фонетически, вероятно, что-то вроде **k̄*), дающей южно- и центрально-драв. *c- и сев.- драв. *k-. Эта гипотеза противостоит предположению М. Эмено (поддержанному К. Звелебилем¹⁷) о процессе перехода *c- в *k- перед *u*, *ū* в севернодравидийских языках. Проблема эта нуждается еще в изучении.

* * *

Вся научная деятельность В. М. Иллич-Свитыча, кажущаяся на первый взгляд разнообразной по тематике (ностратика, балтославянская акцентология, чадские губные, алтайские смычные, уральские долгие гласные и пр.), в действительности имеет одну и ту же направленность — привлечение из языков максимума информации об их прошлом, максимально полная реконструкция прошлого на максимально большую временную глубину. Именно поэтому в каждом языке его интересовало прежде всего то, что в этом языке могло дать информацию о прошлом состоянии.

Исследуя разные языки и языковые семьи, он в каждом языке и семье умел улавливать черты генетически общего с другими семьями, следы далекого прошлого. Деятельность В. М. Иллич-Свитыча характеризовалась соединением смелых догадок и проницательных обобщений со строгой методичностью сравнительно-исторического исследования и с неуклонным стремлением в каждом случае добиваться максимально полной для данного случая доказательности и достоверности выводов.

Реконструкция наиболее удаленных от нас периодов прошлого основных языковых семей Западной и Центральной Евразии в настоящее время не может не опираться на открытия В. М. Иллич-Свитыча.

¹⁵ В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные: *t, *d, *ḍ. «Вопросы языкознания», 1963, № 6; его же. Алтайские гуттуральные: **k̄*, *k, *g. В сб. «Этимология. 1964». М., 1965.

¹⁶ В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.

¹⁷ K. Zvelebil. Comparative Dravidian phonology. Hague, 1971.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛЬСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

(Краткий библиографический обзор)

Вопросы диалектологии и лингвистической географии занимают центральное место в польской лингвистике и пользуются преимущественным вниманием исследователей и организаторов науки. Это связано не только с традиционным направлением польского языкознания и интересами наиболее выдающихся его представителей в прошлом, но и с принципиальным для современной славистики пониманием диалектологии как основной базы сравнительного и сравнительно-исторического изучения славянских языков и лингвогеографии — как важнейшего инструмента в разработке многих кардинальных проблем славянского языкознания.

В области диалектологии польская лингвистика имеет общепризнанные достижения как теоретического и методологического, так и практического характера, относящиеся в основном к послевоенному времени. В кратком обзоре невозможно даже упомянуть обо всех работах, вышедших в Польше за этот период. С другой стороны, было бы трудно ограничиться рамками последних пяти или даже десяти лет, поскольку новейшие исследования в этой области составляют органическое продолжение исследований, выполненных или начатых в предыдущие десятилетия, и объединяются с ними и в тематическом и в методическом отношении как часть общей программы полного лингвогеографического обследования польской территории. По необходимости здесь будут освещены лишь основные работы, определяющие современное состояние польской диалектологии¹.

¹ См. также: М. К а р а с ь. Польская диалектология после второй мировой войны. «Вопросы языкознания», 1960, № 2; его же. Некоторые проблемы польской диалектологии. «Вопросы языкознания», 1968, № 5; Z. K l e m e n s i e w i c z. Polonistyczne językoznawstwo ostatniego dwudziestolecia. «Biuletyn Polskiego Towarzystwa językoznawczego», z. XXIV. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, s. 49—51.

В исследованиях, связанных с диалектологической проблематикой, можно выделить несколько направлений: 1) лингвистическая география, подготовка и издание атласов; 2) тесно связанная с ареальным аспектом диалектная лексикология и лексикография, подготовка и издание диалектных словарей и лексических монографий; 3) монографические описания отдельных говоров или их групп, охватывающие обычно несколько планов (фонетика, морфология, лексика, словообразование); 4) описание отдельных диалектных явлений или категорий в широком пространственном плане (по всей польской территории или в пределах крупных диалектных зон), нередко и с исторической регрессивной; 5) издание диалектных текстов.

Наиболее крупным достижением польской диалектологии и лингвогеографии последних лет является завершение (в 1970 г.) издания 13-томного «Малого атласа польских говоров»², работа над которым была начата вскоре после войны еще под руководством К. Нича, а после его смерти продолжалась под руководством М. Карася. Идея создания общепольского атласа возникла еще до войны, и его проект был составлен М. Малэцким и К. Ничем в 1939 г. (опубликован в 1945 г.)³. Он предусматривал обширную программу (более 2000 вопросов) и густую сетку пунктов (600). После войны этот план претерпел существенную редукцию — была поставлена задача создания малого атласа с сеткой 100 населенных пунктов и вопросником из 600 вопросов. Вопросник был составлен З. Штибером и носил по преимуществу лексический характер. Вопросы, объединенные в тематические разделы, касались в основном предметов материальной куль-

² «Mały atlas gwar polskich», t. I—XIII. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1957—1970.

³ M. M a ł e c k i, K. N i t s c h. Plan ogólnopolskiego atlasu językowego. «Sprawozdania z czynności i posiedzeń PAU», XLIV, 1945.

туры и предполагали их детальное этнографическое описание. Вопросы по фонетике и грамматике занимали очень скромное место (менее четверти), и притом они часто относились к явлениям лексикализованным. Однако в процессе работы над атласом его концепция претерпела значительные изменения в сторону фонетики и грамматики. Начиная с IV тома резко изменилась структура атласа, соотношения лексических и фонетико-грамматических карт⁴. В ходе работы была увеличена и сетка пунктов за счет 69 дополнительных пунктов, материал по которым приводился на картах лишь в тех случаях, когда он изменял или уточнял материал основных пунктов. Все эти коррективы, принятые и осуществленные в процессе работы, способствовали тому, что Малый атлас стал поистине синтезом всех накопленных до сих пор сведений о польских диалектах и позволил представить самую полную картину диалектного членения польского языка⁵.

Несмотря на фундаментальный характер Малого атласа, он с самого начала рассматривался не как конечный итог диалектологического изучения польского языка, а как необходимая обобщающая база для более глубокого и более дифференцированного лингвогеографического обследования отдельных, сначала наиболее интересных, узловых зон польских диалектов. Поэтому параллельно с работой над Малым атласом польские диалектологи подготовили и издали целый ряд региональных атласов, значение которых только возрастает с завершением общепольского атласа, поскольку он дает лингвогеографический фон и базу для сопоставления региональных атласов⁶.

Первым послевоенным региональным атласом был изданный К. Дейной в

1951 г. в Лодзи атлас ляхских говоров на пограничье с Чехословакией⁷. Он снабжен обстоятельным очерком фонетики ляхских говоров, составляющим второй том этого ценного исследования. Автор стремился прежде всего выяснить генезис ляхских говоров, поэтому комментарии к атласу носят в основном исторический характер.

Несколько позже (в 1956 г.) начал выходить в свет атлас лемковских говоров З. Штибера, материал для которого был собран автором в лемковских диалектах на территории Польши и Чехословакии еще перед второй мировой войной⁸.

Интерес к пограничным польским и инославянским диалектам не ослабевал и в последующие годы. Той же южной пограничной полосе посвящен атлас польских спшских говоров З. Собрайского⁹. Атлас содержит материал из 49 сел на территории Польши и Словакии, собранный по программе Малого атласа, дополненной рядом специальных вопросов.

С конца 50-х годов ведется интенсивное лингвогеографическое изучение силезских диалектов. Уже изданы первые три тома «Языкового атласа Силезии» А. Зарембы¹⁰, в ближайшем будущем увидят свет остальные тома (всего предполагается шесть лексических и один грамматический). Помимо польских диалектов Силезии, в атласе будут отражены диалекты на пограничье с Чехией, Словакией и Нижней Лужицей. Материал для силезского атласа собирался по обширной программе, составленной А. Зарембой на основании многочисленных диалектологических описаний силезских диалектов, имеющихся в вопросниках региональных атласов и Малого атласа польских говоров, лексического вопросника В. Дорошевского и опытов пробного картографирования по материалам предварительного варианта вопросника. Сетка атласа включает 58 пунктов. Атлас А. Зарембы интересен и ценен в двух отноше-

⁴ Тем не менее, вопросник З. Штибера, его научные и методические достоинства очень высоко оцениваются польскими диалектологами — лишь очень немногие вопросы, да и то не по вине автора, а из-за разнородности полученных по ним сведений, оказались непригодными для картографирования (по материалам 602 вопросов было составлено 575 отдельных и 26 сводных карт.)

⁵ См. рец. И. А. Дзензелевского в «Вопросах языкознания», 1973, № 1.

⁶ Региональные лингвогеографические исследования начались в Польше еще до войны. Первыми трудами по польской лингвистической географии следует считать рукописные материалы З. Штибера по лодзинским говорам (начало 30-х годов) и его же монографию: *Z. S t i e b e r. Izoglosy gwarowe na obszarze województw Żęczyńskiego i Sieradzkiego.* («Monografie polskich cech gwarowych», IV, 1933). В 1934 г. был издан в Кракове «Atlas

językowy polskiego Podkarpacia» М. Малецкого и К. Нича — один из первых славянских атласов. Второй довоенный польский атлас — это атлас Юзефа Тарнацкого: «*Studia nad geografią wyrazów (Polesie — Mazowsze)*». Warszawa, 1939.

⁷ *K. D e j n a. Polsko-laskie pogranicze językowe na terenie Polski, t. I—II.* Łódź, 1951—1953.

⁸ *Z. S t i e b e r. Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny, z. 1—8.* Łódź, 1956—1964.

⁹ *Z. S o b i e r a j s k i. Atlas polskich gwar spiskich na terenie Polski i Czechosłowacji.* Poznań, t. 1, 1956; t. 2, 1970.

¹⁰ *A. Z a r e m b a. Atlas językowy Śląská.* Kraków, t. 1, 1969; t. 2, 1970; t. 3, 1972.

ниях: во-первых, он подробно и глубоко отразит современное состояние силезских диалектов и диалектное членение этой территории, во-вторых, он даст интересные возможности сопоставления с другими имеющимися региональными атласами соседних территорий, с которыми он частично пересекается (это ляхский атлас Дейны, атлас Подкарпатья Малэцкого и Нича, атлас Ленчицкого и Серадского воеводств Штибера, келецкий атлас Дейны, Малый атлас польских говоров, лужицкий атлас, исследование восточно-ляшского наречия Келлера).

В последние годы серьезное внимание обращено и на восточное пограничье Польши. Появилось немало работ, посвященных белорусским, литовским и польским диалектам Белостокского воеводства¹¹. С конца 50-х годов отдел белорусистики Института славяноведения ПАН в Варшаве ведет под началом А. Обрембской-Яблонской и Я. Сятковского работу по сбору материалов для атласа белорусских диалектов по программе Белорусского диалектного атласа¹². Подготавливаемый атлас будет одновременно и продолжением Белорусского атласа за государственной границей, и самостоятельным региональным атласом, который даст интересные сведения об интерференции польских и белорусских диалектных систем на разных уровнях. В конце прошлого года была опубликована очень ценная хрестоматия польских, белорусских и литовских диалектных текстов, собранных в процессе изучения белостокских говоров¹³. Тексты изданы в подробной транскрипции и снабжены комментариями и сведениями о каждом из представленных там говоров.

Что касается западного пограничья польских говоров, то оно долгое время оставалось незатронутым диалектологическими исследованиями по причине смешанного и неисконного характера западных переселенческих говоров. В Малом атласе представлено в качестве дополнительных лишь несколько пунктов

¹¹ См. A. O b r e m b s k a - J a b ł o Ń s k a. *Dialektologiczna problematyka badań slawistycznych na Białostocczyźnie. «Akta Baltico-Slavica», I. Białostok, 1964; T. Z d a n c e w i c z. Wpływy białoruskie w polskich gwarach pod Sejnami. Poznań, 1966; E. S m u ł k o w a. Słownictwo z zakresu uprawy roli w gwarach wschodniej Białostocczyzny na tle wschodniosłowiańskim. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968 и другие работы.*

¹² Подробнее см. информацию С. Глики, М. Кондратюка и И. Савицкой «Об атласе белорусских говоров в Польше» в «Вопросах языкознания», 1973, № 1.

¹³ «Teksty gwarowe z Białostocczyzny z komentarzem językowym», Warszawa, 1972.

из западных земель, причем таких, для которых точно известна диалектная принадлежность и установлена сохранность исконного восточного говора. Однако сейчас, после завершения Малого атласа польские диалектологи намерены уделить внимание и смешанным говорам западных земель, возникшим там в послевоенные десятилетия, и заняться всесторонним изучением этих говоров¹⁴.

Из внутренних польских территорий региональными лингвогеографическими исследованиями охвачены отдельные районы Малопольши, Мазовше, северная Великопольша.

В Малопольше, помимо упоминавшегося уже исследования З. Штибера о говорах Ленчицкого и Серадского воеводств, обстоятельно изучены диалекты северной части Средней Малопольши. В 1962—1968 гг. был издан шеститомный келецкий диалектный атлас К. Дейны¹⁵. Материал собран по специальной программе, составленной автором, в 66 населенных пунктах. Хотя в этом атласе преобладают лексические материалы, он все же дает подробные сведения о фонетике келецких говоров (весь первый том посвящен вокализму) и показывает проникновение мазовецких черт в говоры Малопольши. Территориям, лежащим к востоку и юго-востоку от Средней Малопольши, посвящены готовящиеся атласы любельских¹⁶ и жешовских¹⁷ говоров.

Мазовше до недавнего времени привлекало исследователей главным образом своей фонетикой. Предпринятый в середине 50-х годов сбор лексического материала на Мазовше (под руководством В. Дорошевского и по его лексическому вопроснику) показал большую неоднородность его диалектов, особенно их северной части. Это побудило отдел диалектологии Института языкознания в Варшаве заняться тщательным лингвогеографическим изучением этого района. Было решено собирать материал для атласа мазовецких говоров, причем по значительнее более густой, чем прежде, сетке. Лексика собиралась в основном анкетным способом. Специальный сбор материала по фонетике и морфологии не проводился, но эти разделы будут представлены в атласе рядом сводных карт, составленных на основании имеющихся

¹⁴ См. М. К а г а ś. Uwagi końcowe. «Mały atlas gwar polskich», t. XIII. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970.

¹⁵ К. D e j n a. Atlas gwarowy województwa kieleckiego, z. 1—6. Zódz, 1962—1968.

¹⁶ P. S m o c z y Ń s k i. Kwestionariusz do Atlasu gwar Lubelszczyzny. Lublin, 1965.

¹⁷ Сообщение об этом атласе содержится в упомянутом обзоре М. Караса; см. «Вопросы языкознания», 1968, № 5, стр. 7.

описаний. Пока издан первый том этого атласа¹⁸.

Крупным явлением в польской и в общеславянской лингвогеографии стал Капубский атлас, который начал выходить с 1964 г.¹⁹ Атлас издается Варшавским отделом славистики ПАН под руководством З. Штибера. В атласе будут отражены фонетические, морфологические, словообразовательные и лексические особенности кашубских и соседних с ними поморских говоров. Работа по сбору материала показала, что кашубские диалекты не только не вымирают, но и продолжают развиваться: исследователи зафиксировали немало отличий, в частности фонетических, от состояния, которое наблюдал, например, Лоренц полвека тому назад.

Таково в общих чертах состояние польской ареальной диалектологии. Уже сейчас отчетливо видна внутренняя логика всех диалектологических начинаний в Польше — от Малого атласа через сеть региональных атласов к Большому атласу польских говоров, который, хотя и не стоит пока на повестке дня, все же осознается как реальная перспектива. Разумеется, Большой атлас не будет механической суммой региональных атласов, хотя бы потому, что эти атласы выполнены по разным программам, имеют различную частоту сетки пунктов, применяют разные методы и технику картографирования и преследуют разные цели.

Лингвогеографический аспект характерен и для множества исследований, которые по жанру своему не являются атласами. Это и лексические монографии, слабженные большим количеством карт, как, например, монография Я. Басары по польской строительной терминологии (1964—1965) или монография Э. Смулковой по сельскохозяйственной лексике белостокских говоров (1968). Это и фонетические исследования, как две книги по фонетике Мазовша — А. Басары по вокализму и Е. Здуньской по консонантизму (1965). Это и монографические описания отдельных диалектных зон — например, работы З. Загурского о говорах северной Великопольши (1967) и Крайны (1964).

Вторым важнейшим направлением диалектологических исследований в Польше является диалектная лексикология и лексикография. В этой области польская диалектология также имеет общепризнанные достижения как теоретического, так и практического плана.

Вышедший в начале века Словарь польских говоров Я. Карловича, несмотря на всю его монументальность, уже с самого начала не соответствовал в полной мере уровню польской диалектологии, во-первых, потому, что он не базировался на систематическом обследовании диалектной лексики, и во-вторых, он не давал полного представления об ареальных отношениях в области польской диалектной лексики. Вот почему уже вскоре после издания словаря Карловича К. Ничем была поставлена задача создания нового диалектного словаря, основанного на более строгих принципах диалектной лексикографии, и начата работа по сбору материала. Однако лишь в послевоенные годы по-настоящему развернулась работа над общепольским диалектным словарем. Работу над словарем осуществляет тот же коллектив краковских диалектологов, который долгие годы был занят чрезвычайно трудоемким изданием Малого атласа, поэтому только в 1960 г. были установлены территориальные и хронологические рамки нового словаря, определены его источники, принципы отбора лексики и подачи материала. В 1964 г. под редакцией М. Карася был издан пробный выпуск словаря с подробной разработкой всех лексикографических вопросов и образцами словарных статей²⁰. Весь словарь будет состоять по предварительным планам из 10 основных и одного дополнительного тома. Новый словарь будет отличаться от словаря Карловича не только более систематическим и более полным охватом лексики и более точными сведениями о географии каждого слова, но прежде всего — более совершенным, соответствующим современному уровню развития лексикографии способом оформления, толкования, грамматической характеристики, документации каждого слова²¹.

Помимо этой, грандиозной по своим задачам и масштабам работы, в польской диалектологии развиваются лексикографические исследования регионального характера. Большую известность приобрел «Сравнительный словарь трех малопольских сел» М. Куцалы, вышедший в 1957 г.²² Этот словарь ценен не только своим фактическим материалом, достаточно полно характеризующим лексику северо-западной Малопольши, но и впервые воплощенной идеей сравнительного словаря, в котором полностью приводится материал для одного из сел, а факты остальных образуют его сопоста-

¹⁸ H. H o r o d y s k a - G a d k o w s k a, A. S t r z y ż e w s k a - Z a r e m b a. Atlas gwar mazowieckich, t. I, cz. 1, 2. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1971.

¹⁹ «Atlas językowy Kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich». Tom wstępny, z. I—IX. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964—1972.

²⁰ «Słownik gwar polskich. Zeszyt próbny». Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964.

²¹ M. K a r a ś. O słowniku gwar polskich. «Język Polski», XLV, 1965.

²² M. K u c a ł a. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.

вительную часть. Лексический материал организован в словаре по тематическим группам, соответственно использованной при сборе материала программе, которая ориентировалась на лингвотнографические принципы К. Мошинского. Опыт Куцалы получил широкую известность и продолжение в трудах других диалектологов, в том числе и советских²³.

Другим крупным начинанием в области региональной лексикографии является труд М. Шимчака «Диалектный словарь села Доманевек Ленчицкого повета» (Северная Малопольша), который начал выходить с 1964 г. и почти доведен до конца²⁴. Кроме того, изданы словарные материалы А. Зарембы по Малопольше и Силезии²⁵, П. Бонка — по центрально-польским говорам (район Крамска)²⁶, Е. Мацевского — хелминско-добжинским говорам²⁷.

Ярким явлением в польской диалектной лексикографии стал кашубский словарь Б. Сыхты, содержащий столь богатые материалы не только по лексике кашубских говоров, но и по фольклору, этнографии и истории кашубов, что он по справедливости расценивается специалистами как подлинная энциклопедия кашубов²⁸. В настоящее время вышло пять томов словаря, кончая буквой «Т».

Особо следует сказать о серии монографий, посвященных лексике Вармии и Мазур, работа над которыми осуществлялась под руководством В. Дорошевского. Отдельные тома этой серии посвящены: строительству и обработке дерева²⁹, транспорту и коммуникациям³⁰, животноводству³¹, возделыванию и обработке

льна³², терминологии рода³³, народной астрономии, мерам времени и метеорологии³⁴, повериям и обрядам³⁵, сельскому хозяйству³⁶, рыболовству³⁷. Все работы этой серии снабжены картами, а некоторые из них — целыми атласами. Если еще учесть, что в 1959 г. вышла монография по фонетике (консонантизму) этих говоров³⁸, то станет очевидно, что вармийско-мазурские говоры оказались одной из наиболее и разносторонне изученных диалектных зон (наряду, например, с Силезией).

Помимо региональных словарей и лексических монографий, в Польше издан за последние годы целый ряд монографий, описывающих ту или иную область лексики в общепольском масштабе. Эти исследования чрезвычайно ценны стремлением к системному описанию выбранной лексической сферы (обычно терминологической лексики), а также особым вниманием к ареальной характеристике каждой лексической единицы. Прежде всего здесь следует отметить такие фундаментальные труды, как уже названная двухтомная монография Я. Басары по строительной терминологии³⁹, Б. Бартичковой-Домбковской о народных названиях грибов⁴⁰, Г. Городьской-Гадковской по животноводческой лексике⁴¹,

³² B. Mocarska-Falińska. SWM. Uprawa i obróbka lnu. Wrocław, 1959.

³³ E. Jurkowski, I. Łapiński, M. Szumczak. SWM. Stopnie pokrewieństwa. Życie społeczne i zawody. Wrocław, 1959.

³⁴ W. Kupiszewski, Z. Węgiełek-Januszevska. SWM. Astronomia ludowa, miary czasu i meteorologia. Wrocław, 1959.

³⁵ H. Bieln-Bielska. SWM. Wierzenia a obrzędy. Wrocław, 1959.

³⁶ I. Judycka. Słownictwo z zakresu uprawy roli w gwarach Pomorza Mazowieckiego. Stan obecny, historia i związki z terenami przyległymi. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961.

³⁷ A. Mocarska-Kowalska. SWM. Rybołówstwo. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963.

³⁸ A. Basara, J. Basara, J. Wójtowicz, H. Zduńska. Studia fonetyczne z Warmii i Mazur. I. Konsonantyzm. Wrocław, 1959.

³⁹ J. Basara. Terminologia budownictwa wiejskiego w dialektach polskich. Cz. 1. Dom mieszkalny. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964; Cz. 2. Pomieszczenia, gospodarskie, ogrodzenia, zamknięcia. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965.

⁴⁰ B. Bartnicka-Dąbkowska. Polskie ludowe nazwy grzybów. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964.

⁴¹ H. Horodyska-Gadkowska. Polskie słownictwo gwarowe z zakresu hodowli zwierząt domowych. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967.

²³ Ср., например, сб. «Лексика Полесья». М., 1968; Н. В. Никончук. Опыт сравнительного анализа лексики трех сел Житомирского Полесья. Канд. дисс. Житомир, 1970 и другие работы.

²⁴ M. Szumczak. Słownik gwary Domaniewka w powiecie Żęczyckim. Cz. 1—7. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962—1970.

²⁵ A. Zaręba. Słownictwo Niepołomic. Wrocław, 1954; его же. Słownik Starych Siołkowic w powiecie Opolskim. Kraków, 1960.

²⁶ P. Bąk. Słownictwo gwar okolic Kramska na tle kultury ludowej. Wrocław, 1960.

²⁷ J. Maciejewski. Słownik chełmińsko-dobrzyński (Siemoń, Dulsk). Toruń, 1969.

²⁸ B. Sychta. Słownik gwar kaszubskich, t. I—V. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967—1971.

²⁹ J. Siatkowski. Słownictwo Warmii i Mazur (далее — SWM). Budownictwo i obróbka drewna. Wrocław, 1958.

³⁰ J. Symoni-Sułkowska. SWM. Transport i komunikacja. Wrocław, 1958.

³¹ H. Horodyska. SWM. Hodowla: Wrocław, 1958.

Я. Сымони-Сулковской о терминах транспорта и путей сообщения⁴², Я. Струтинского о местных названиях птиц⁴³. Кроме того, издано несколько монографий такого же типа по отдельным диалектным зонам, как монография Э. Смукловой о сельскохозяйственной лексике белостоцких говоров⁴⁴ или исследование А. Шифер о народной астрономии и метеорологии в вармийско-мазурских и курпеевских диалектах⁴⁵.

Некоторые авторы дают одновременно и ареальное и историческое описание отдельных тематических групп лексики. Таковы три фундаментальные обобщающие монографии: А. Зарембы о терминах цветообозначений⁴⁶, М. Шимчака о терминологии родства и свойства⁴⁷ и В. Куписевского о метеорологической терминологии⁴⁸.

Одним из наиболее продуктивных направлений диалектологических исследований остается в Польше традиционное монографическое описание отдельных говоров или более крупных диалектных единиц, предусматривающее более или менее полную характеристику говоров на разных уровнях. Практически, однако, подобные описания ограничиваются по традиции фонетикой и морфологией, в отдельных случаях в той или иной мере бывает представлен раздел лексики или словообразования и, как правило, вовсе отсутствуют сведения по синтаксису. К богатой коллекции монографических описаний польских говоров в последнее десятилетие прибавились монографии Ф. Плютю по глоговецкому диалекту Си-

лезии⁴⁹, М. Караса о пограничных со словацкими польских диалектах Оравы⁵⁰, В. Добжинского о диалектах Немодлинского повета в Силезии⁵¹, Ст. Вархола о диалектах на пограничье Малопольши и Мазовша⁵², две монографии З. Загурского о говорах Крайны и Северной Великопольши⁵³, Г. Гурновича о мальборском диалекте (в монографии есть раздел синтаксиса)⁵⁴, М. Каминской о говорах Центральной Польши⁵⁵, П. Бонка о говорах окрестностей Крамска (восточная Великопольша)⁵⁶, две книги М. Грухмановой о говорах Западной Великопольши⁵⁷, монография Г. Новака о говорах великопольско-силезского пограничья⁵⁸, а также три работы о польских говорах, пребывающих или пребывавших вне пределов основного польского диалектного массива⁵⁹.

Из монографий, посвященных отдельным проблемам, укажем исследования по

⁴⁹ F. P l u t a. Dialekt glogowiecki. Cz. I, Fonetyka. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963; Cz. II, Słowotwórstwo, fleksja, teksty gwarowe. Wrocław, 1964.

⁵⁰ M. K a r a s a. Polskie dialekty Orawy. Cz. I, Fonologia a fonetyka. Kraków, 1965.

⁵¹ W. D o b r z y ŋ s k i. Gwary powiatu Niemodlińskiego. Cz. I, Fonetyka. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963; Cz. II, Morfologia, teksty gwarowe. Wrocław, 1967.

⁵² St. W a r c h o ł. Gwary dawnej ziemi Stężyckiej. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967.

⁵³ Z. Z a g ó r s k i. Gwary Krajny. Poznań, 1964; его же. Gwary północnej Wielkopolski. Poznań, 1967.

⁵⁴ H. G ó r n o w i c z. Dialekt Malborski. T. I, Fonetyka, fleksja i składnia. Gdańsk, 1967; T. II, Słownik, z. 1. Gdańsk, 1973.

⁵⁵ M. K a m i ŋ s k a. Gwary Polski centralnej. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968.

⁵⁶ P. B a k. Gwara okolic Kramsk w powiecie Konińskim. (Zarys fonetyki i słowotwórstwa.) Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968.

⁵⁷ M. G r u c h m a n o w a. Gwary Kramsk, Podmokli i Dąbrówki w województwie Zielonogórskim. Zielona Góra, 1969. е е же. Gwary zachodniej Wielkopolski. Poznań, 1970.

⁵⁸ H. N o w a k. Gwary chazackie w powiecie Rawickim. Poznań, 1970.

⁵⁹ A. Z d a n i u k i e w i c z. Gwara Łopatowszczyzny. Fonetyka, fleksja, słownictwo. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1972 (говор переселенцев с Виленщины); E. D e b o w e a n u. Polska gwara górali bukowińskich w Rumunii. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1974; St. G o g o l e w s k i. Polska gwara trójjęzycznej wsi Kaczyki w Rumunii. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972.

⁴² J. S y m o n i - S u ł k o w s k a. Zróżnicowanie słowotwórcze i leksykalne nazw z zakresu transportu i komunikacji w gwarach polskich. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1972.

⁴³ J. S t r u t y ŋ s k i. Polskie nazwy ptaków krajowych. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1972.

⁴⁴ E. S m u ł k o w a. Słownictwo z zakresu uprawy roli w gwarach wschodniej Białostoczczyzny na tle wschodniosłowiańskim. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968.

⁴⁵ A. S z y f e r. Tradycyjna astronomia i meteorologia ludowa na Mazurach, Warmii i Kurpiach. Olsztyn, 1969. См. также более раннюю этнографическую работу: M. G ł a d y s z o w a. Wiedza ludowa o gwiazdach. Wrocław, 1960.

⁴⁶ A. Z a r e b a. Nazwy barw w dialektach i historii języka polskiego. Wrocław, 1954.

⁴⁷ M. S z y m c z a k. Nazwy stopni pokrewieństwa i powinowactwa rodzinnego w historii i dialektach języka polskiego. Warszawa, 1966.

⁴⁸ Wł. K u p i s z e w s k i. Słownictwo meteorologiczne w gwarach i historii języka polskiego. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969.

фонетике различных говоров: Г. Поповской-Таборской о кашубском вокализме⁶⁰, А. Басары о вокализме⁶¹ и Е. Здуньской о консонантизме мазовецких говоров⁶², Я. Вуйтович о фонетике говоров крайнего юго-востока Польши⁶³, а также работу З. Лецинского о консонантных группах в польских диалектах⁶⁴. Морфологии существительных в говорах Мазовша посвящена монография М. Град-Муцовой⁶⁵, словообразованию — двухтомное исследование Р. Ляскового, выполненное на материале ляхских говоров⁶⁶, синтаксису — работы Е. Лётко об инфинитиве⁶⁷ и Я. Петра о кратких прилагательных⁶⁸.

Остается сказать еще об одной, очень важной работе польских диалектологов. Это публикация диалектных текстов, которой в Польше справедливо уделяется большое внимание. Изданы хрестоматия по всем диалектным зонам, подготовленная З. Соберайским⁶⁹, несколько больших собраний текстов по отдельным говорам⁷⁰, тексты публикуются в моногра-

фиях и в периодических изданиях (из номера в номер в журнале «Польский язык»).

Здесь были очерчены в основном практические достижения польской лингвистики в области диалектологии и лингвистической географии. И хотя многие из упомянутых трудов представляют значительный интерес и в теоретическом отношении и базируются на оригинальных диалектологических концепциях и методах, все же теоретическое осмысление практических результатов и синтетическое обобщение накопленных фактов остается пока делом будущего. Если в 1952 г. З. Штибер, определяя основные задачи польской диалектологии, говорил о необходимости детальной монографической разработки отдельных диалектов, ибо имевшиеся к тому времени работы К. Нича и его учеников давали лишь самую общую характеристику диалектной дифференциации польского языка⁷¹, то теперь, когда польская диалектология оснащена многочисленными фундаментальными описаниями отдельных диалектов и диалектных зон, на первое место выдвигается задача сопоставления полученных результатов и их пространственная и историческая интерпретация в общепольском и общеславянском масштабе. Разумеется, и прошедший этап не был лишь простым собиранием и каталогизацией фактов: и в названных выше работах, и в многочисленных журнальных публикациях, которые из-за недостатка места здесь не рассматривались, содержится немало ценных наблюдений обобщающего характера, предваряющих будущие синтезирующие исследования⁷².

⁶⁰ H. P o p o w s k a - T a b o r s k a. Centralne zagadnienia wokalizmu kaszubskiego. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961.

⁶¹ A. B a s a r a. Studia nad wokalizmem w gwarach Mazowsza (Samogłoski ustne). Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965.

⁶² H. Z d u Ń s k a. Studia nad fonetyką gwar mazowieckich. Konsonantyzm. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965.

⁶³ J. W ó j t o w i c z. Charakterystyka fonetyczna gwar między Wisłą, Sanem, Wiśłokiem i Wiśłoką. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966.

⁶⁴ Z. L e s z c z y Ń s k i. Studia nad polskimi grupami spółgłoskowymi. Gwarowe grupy z j na tle polszczyzny ogólnej. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969.

⁶⁵ M. G r a d - M u c o w a. Fleksja rzeczowników w gwarach Mazowsza. Warszawa, 1970.

⁶⁶ R. L a s k o w s k i. Derywacja rzeczowników w dialektach łaskich, Cz. I. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966; Cz. II. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1971.

⁶⁷ E. L o t k o. Funkcje syntaktyczne bezokolicznika w gwarach zachodniocieszyńskich. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964.

⁶⁸ J. P e t r. Niezłożone formy przymiotników w historii i dialektach języka polskiego. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969.

⁶⁹ Z. S o b i e r a j s k i. Polskie teksty gwarowe z ilustracją dźwiękową, № 1—4. Poznań, 1960—1964.

⁷⁰ «Śląskie teksty gwarowe» pod. red. A. Zaręby. Kraków, 1961; M. K a r a ś. A. Z a r ę b a. Orawskie teksty gwarowe z obszaru Polski. Kraków, 1964; M. K a r a ś. Orawskie teksty gwarowe z obszaru Czechosłowacji. Kraków, 1965;

A. Z a r ę b a. Orawskie teksty gwarowe. Kraków, 1967; J. B u b a k. Teksty gwarowe ze wsi Zab w powiecie Nowotarskim. Kraków, 1966; «Teksty gwarowe z Białotoczczyny z komentarzem językowym» pod red. A. Obrębskiej-Jabłońskiej. Warszawa, 1972; J. B u b a k. Gwarowe teksty spiskie. Kraków, 1972.

⁷¹ Z. S t i e b e r. Zadania dialektologii polskiej. «Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego», z. XI. 1952, s. 156.

⁷² В ближайшее время должен выйти из печати новый очерк польской диалектологии, написанный К. Дейной, которому принадлежит и целый ряд статей, посвященных теоретическим и методологическим вопросам польской диалектологии. Из последних публикаций укажем, в частности, К. D e j n a. Zasady i podstawy dialektologicznej regionalizacji terytorium etnicznego. Łódź, 1972 (Łódzkie Towarzystwo Naukowe. Sprawozdania z czynności i posiedzeń naukowych. R. XXVI, 3, 1972), где предлагается пересмотренный на новом материале кратчайший перечень диалектных черт, на основании которых выделяются пять

Вместе с тем, по-прежнему останется актуальным практическое изучение совре-

основных диалектных групп на польской территории (кашубская, мазовецкая, великопольская, малопольская и силезская).

В. В. МАРЬИНА, Г. П. МУРАШКО. Путь чехословацкого крестьянства к социализму (1948—1960). М., «Наука», 1972, 335 стр.

Рецензируемая работа является первым в советской и чехословацкой историографии обобщающим исследованием по истории социалистической перестройки чехословацкой деревни.

Хронологически она охватывает период 1948—1960 гг., когда в чехословацкой деревне происходил процесс становления социалистических производственных отношений.

Глубоко изучив важнейшие документы КПЧ и КПС, проанализировав богатый архивный и статистический материал, авторы детально исследуют формирование и реализацию политической линии партии в деревне на различных этапах социалистического строительства, отношение партии к различным слоям сельского населения в годы кооперирования, меры по развитию материально-технической базы в этот период, формы, темпы и методы кооперирования.

В результате проведения демократической аграрной реформы в Чехословакии произошло перераспределение землевладения в пользу трудового крестьянства. Как подчеркнуто в рецензируемой книге, аграрная реформа коренным образом изменила облик деревни, в которой значительно возрос удельный вес середняцких хозяйств.

Авторы показывают, что КПЧ, разработывая программу социалистической перестройки деревни, опиралась на ленинский кооперативный план, исходила из опыта Советского Союза, учитывая при этом конкретные условия чехословацкой деревни.

Зимой 1948—1949 гг. руководство КПЧ определило основные формы и методы социалистического преобразования деревни. Организационные, политические и материальные предпосылки для перехода к высшим формам ведения хозяйства должны были обеспечить единые сельскохозяйственные кооперативы (ЕСХК), которые получали все права и обязанности ранее существовавших кооперативов (стр. 77).

Была определена также политика государства по отношению к кулачеству. Задача немедленной ликвидации кулачества как класса не выдвигалась, предполагалось ограничение и вытеснение капиталистических элементов в деревне

при помощи различных экономических рычагов (стр. 72). Проанализировав опыт создания ЕСХК в 1949 г., авторы приходят к выводу, что они явились переходной ступенью к кооперативам производственного типа (стр. 95).

В 1950 г. сложились четыре типа производственных ЕСХК. Авторы описывают особенности каждого из них и приводят данные о количестве кооперативов различных типов в этот период. Одновременно с этим показано отношение к кооперированию различных слоев деревни и проводимые мероприятия по ликвидации капиталистических элементов в деревне (стр. 106—116).

Кооперирование сельского хозяйства постоянно находилось в центре внимания партии. В феврале 1951 г. на Пленуме ЦК КПЧ была подчеркнута необходимость укрепления существующих ЕСХК и преобразования их в кооперативы высших типов. К концу 1951 г. кооперативы 3-го и 4-го типов составили 50%. Государство увеличило капиталовложения в сельское хозяйство в 1951 г. в два раза, причем большая часть средств использовалась на капитальное строительство, особенно в ЕСХК высших типов, что позволило добиться некоторых успехов в хозяйственной деятельности. Однако, как подчеркнуто в книге, переход к кооперативам высших типов привел к временному сокращению членов ЕСХК, вызвал определенную осторожность у середняка (стр. 122—126).

Отметив трудности в кооперативном движении, В. Марьина и Г. Мурашко детально анализируют причины его спада в 1953—1954 гг., выделяя среди них, главным образом, противоречие между быстрым темпом создания ЕСХК и возможностями их одновременного организационно-хозяйственного укрепления, отрицательные последствия нарушения принципа добровольности при вовлечении крестьян в кооперативы, подрывную деятельность кулачества в деревне (стр. 186—187).

Начиная с 1955 г., вновь наблюдался рост количества ЕСХК. На общегосударственной конференции КПЧ в июне 1956 г. наряду с другими важными вопросами рассматривались и перспективы кооперирования. Была поставлена задача до-

С. М. Толстая

биться к концу второй пятилетки преобладания социалистического сектора в сельском хозяйстве (стр. 227).

Много внимания в работе уделяется вопросу о привлечении середняка в кооперативы. Глубоко анализируются мероприятия партии и государства, обеспечившие перелом в настроениях среднего крестьянства и массовое вступление его в ЕСХК в 1957 г. (стр. 249, 253, 266).

Авторы констатируют, что высокие темпы кооперирования породили ряд трудностей, связанных с отставанием материально-технической базы. Начиная с октябрьского пленума ЦК КПСЧ 1957 г. главное внимание партийные организации обращали не на создание новых кооперативов, а на экономическое, политическое и организационное укрепление уже созданных (стр. 255).

Как отмечается в работе, с 1958 г. были пересмотрены некоторые направления политики партии в деревне. На первый план выдвигались задачи усиления капитального строительства в ЕСХК и госхозах, широкое внедрение комплексной механизации и электрификации производственных процессов, увеличение применения в сельском хозяйстве искусственных удобрений.

В заключительной части книги показана реализация нового курса КПСЧ в деревне, в частности, завершение коопериро-

вания сельского хозяйства в 1958—1960 гг. и одновременно укрупнение кооперативов, передача техники ЕСХК (1959—1960 гг.) и значение этих мер для укрепления их материальной базы, совершенствование системы оплаты труда в кооперативах.

На основе детального изучения процесса кооперирования сельского хозяйства в Чехословакии, авторы делают важные выводы. Они указывают, что в условиях страны с интенсивным сельским хозяйством требования к материально-технической базе производственных кооперативов, к уровню организации и руководства производством, к объему материальных затрат объективно предъявляются более высокие, чем в странах с экстенсивным сельским хозяйством. Далее авторы показывают огромное международное значение опыта социалистической перестройки деревни в Чехословакии, подчеркивая, что он подтвердил применимость ленинского учения о кооперировании и для промышленно развитых стран с интенсивным сельским хозяйством (стр. 307, 323).

Работа В. Марьиной и Г. Мурашко является значительным вкладом в изучение социалистической перестройки сельского хозяйства в Чехословакии.

Е. П. Пугач

«Славянский сборник». Изд-во
109 стр.

Вслед за Воронежским университетом, издавшим недавно пятый выпуск сборника «Вопросы истории славян»,¹ приступил к изданию историко-славистических сборников и Саратовский университет. Это начинание Саратовского университета не должно пройти мимо внимания наших историков-славистов. Оно заслуживает всяческой поддержки, потому что, с одной стороны, действительно отражает успехи историко-славистических исследований в нашей стране, в том числе в рамках университетской науки в целом, а с другой — характеризует специфику научной жизни именно Саратовского университета, на историческом факультете которого собралась довольно значительная группа историков-славистов, давно ведущих интересную исследовательскую работу.

В рассматриваемом сборнике опубликованы четыре статьи. Статья И. С. Кашкина «Балканские конференции. Образо-

Саратовского университета, 1972,

вание Балканской Антанты (1930—1934 гг.)» является продолжением его прежних работ, с которыми он выступил на I Международном конгрессе балканских исследований (1966 г.).

Бесспорно интересны две статьи редактора сборника А. И. Озолина: «Социально-политическая структура предгуситской Чехии» и «Томас Штитный — идеолог дворянского крыла бюргерской оппозиции в предгуситский период», написанные на основании хорошего знания источников и литературы. Особенно интересна вторая, посвященная характеристике общественно-политических взглядов Т. Штитного. Думается, правда, что в заключительной части этой своей работы (стр. 90—91) автор все же несколько преувеличил расхождения Штитного с идеологией католической церкви, а признав Штитного сторонником идеи «дешевой церкви», как бы объявил его предшественником реформации. Между тем, идея «дешевой церкви» в ее интерпретации сторонниками реформации отнюдь не совпадала с критикой церковных богатств, свойственной всем ветвям христианства на разных этапах его развития в эпоху феодализма. Оппозиция богатой

¹ «Вопросы истории славян». Воронеж, 1972. (К сожалению, сборник вышел на этот раз без номера и без таких важных разделов, как критика и библиография, научная жизнь.)

и алчной церкви¹ всегда существовала в рамках самой церкви. Пример нищенствующих орденов свидетельствует о том, что критика церковных богатств и призыв к возвращению к нормам раннехристианской церкви порою могли исползоваться даже римским престолом для укрепления своих идеологических и политических позиций в средневековом обществе.

Иными словами, в оценке критических замечаний средневековых писателей в адрес церкви необходимо соблюдать осторожность, стремясь прежде всего представить себе взгляды каждого из них в совокупности.

Большой осторожности требовала бы, на наш взгляд, и общая оценка чешского города предгуситской эпохи. Автор правильно подчеркивает важность для городов того времени сельскохозяйственных занятий, связывает с этим легкость установления прямых контактов между горожанами и крестьянами накануне и, разумеется, в ходе Гуситских войн, но его тезис об «аграрном характере» чешских городов предгуситского времени (стр. 177) требует существенных ограничений. Ведь без сравнительно, по условиям времени, развитого города гуситское движение вообще представлялось бы немислмым.

Статья А. Е. Москаленко «М. В. Бреквич (1870—1963) и его работы по истории поморских славян», написанная с привлечением большого сравнительного материала, не вызывает возражений. Она удачно входит в серию работ по истории отечественной славянской медиэвистики, над которой уже много лет работает автор.

Заканчивая характеристику сборника, нельзя не отметить все же, что он далеко не полно отражает работу славистов Саратовского университета. Отсутствует в нем, в частности, занимающая большое место в работе саратовских историков проблематика польско-русских отношений. С сожалением приходится констатировать, что в сборнике нет отделов критики и библиографии и, что особенно обидно, научной жизни.

От всей души приветствуя новое начинание саратовских историков-славистов, хочется пожелать им в дальнейшем расширить свое издание, превратить его в относительно регулярное, способное достаточно полно характеризовать результаты исследований саратовских ученых, а также связанный со славистической проблематикой учебный процесс.

В. Д. Корольюк

К. А. ПОГЛУБКО. Очерк истории болгаро-российских революционных связей (60—70-е годы XIX века). Кишинев, 1972, 311 стр.

Монография К. А. Поглубко является первой обобщающей работой по истории болгаро-российских революционных связей 60—70-х годов XIX в. Автор разработал ряд вопросов, до сих пор не исследованных или получивших недостаточное отражение в литературе. Впервые в историографии он тщательно и подробно изучил влияние русского революционного движения на болгар, обучавшихся в России, выявил десятки имен болгарских учащихся, в той или иной степени поддерживавших контакты с русскими революционерами, раскрыл их роль в национально-освободительном и социалистическом движении в Болгарии. Автор последовательно освещает их жизнь и деятельность в период пребывания в России: в Николаевском славянском пансионе, в Москве, в Одессе, в Киеве. Влияние русской революционно-демократической идеологии испытали выдающиеся деятели болгарского освободительного движения Л. Каравелов, Х. Ботев, Д. Благоев, Д. Бакырджиев, Н. Габровский, Г. Киров и многие другие болгары, обучавшиеся в России. Автор показывает, что болгарские учащиеся, большинство из которых принадлежало к малоимущим слоям населения (в отличие, например,

от болгар, обучавшихся в Западной Европе), имели контакты с членами многих российских подпольных обществ и кружков того времени: Киевско-Харьковским обществом, ишутинской организацией, киевской «Громадой», «чайковцами», одесским кружком бунтарей и т. д. Причем, если для периода 60-х годов можно говорить только о контактах болгар с русскими революционерами и знакомстве их с русской революционной мыслью, то в 70-е годы болгары начинают активно участвовать в революционном движении России, являясь членами революционных кружков и организаций в Петербурге (П. Г. Карловский), Одессе (болгаро-российский кружок), а также за пределами России, где они оказывали русским революционерам-эмигрантам материальную поддержку: помощь в переправке революционной литературы, организации нелегальных переходов русских революционеров через российскую границу и т. д. На территории Румынии русские и болгарские революционеры создают и совместные революционные кружки, например, кружок Ботева-Меледина, русско-болгаро-румыно-польский кружок в Бухаресте, сотрудничают в Славянской секции в Швейцарии.

Автор не без основания считает, что в 1869 г. начинается новый этап революционного сотрудничества между русскими и болгарскими эмигрантами. Русские революционеры оказывали помощь болгарскому национально-освободительному движению, а болгарские эмигранты — русскому революционному движению. Признавая закономерность выделения этого нового этапа, мы, вместе с тем, полагаем, что автор несколько преуменьшил значение болгаро-русских революционных контактов более раннего периода. Хотя в монографии К. А. Поглубко частично изменил свое прежнее представление о роли 1869 г., ибо он раньше писал, «что начало связям болгарских и русских эмигрантов было положено летом 1869 г.»¹, а в книге отмечает лишь, что «с лета 1869 г. налаживаются организационные связи революционеров двух стран» (стр. 278), материал, который приводит сам автор, не исключает организационных связей русских и болгарских революционеров в более ранний период. Не до конца еще выяснен характер связей Л. Каравелова с ишутинцами.

В своей книге К. А. Поглубко широко использует болгарскую прессу того периода, содержащую сведения об отношении болгарских деятелей к революционной России, к борьбе русского народа с самодержавием и крепостничеством. Интересны также разделы работы, где говорится об изучении и распространении болгарскими народнической литературы и, в частности, переводе ее на болгарский язык (особенно при этом выявляется роль С. Стамболова); об использовании болгарскими революционерами опыта русских народников и русскими революционерами — опыта болгарского освободительного движения. Особое место в книге занимают вопросы участия русских революционеров в национально-освободительном движении болгарского народа в конце 60-х — первой половине 70-х годов, показывается, например, роль русских революционеров в пропаганде идей активной борьбы против турецкого господства, в подготовке Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии и т. д. Тем самым автор расширяет наши представления о масштабах русского революционного движения того периода. Он использует десятки документов, ранее мало или совсем неизвестных исследователям, которые позволяют по-новому взглянуть на деятельность южно-русских, прежде всего одесских революционных кружков начала 70-х годов. С большой убедительностью при этом дешифрован ряд конспиративных

имен, а также целых документов. Так, К. А. Поглубко устанавливает автора письма, посланного из Румынии накануне Базельского конгресса I Интернационала, где приводятся не только интересные данные о составе болгарской эмиграции, о распространении в Румынии русской революционной литературы, но и о попытке русских революционеров привлечь болгар к участию в деятельности I Интернационала. Это неизвестное прежде письмо, написанное С. Г. Нечаевым, показывает, что М. Бакуин еще в 1869 г. пытался в рядах Интернационала получить поддержку и со стороны деятелей болгарского освободительного движения. Не меньший интерес представляют новые материалы о группе Ботева-Меледина и др.

Противоречивость многих источников не позволила К. А. Поглубко до конца разобраться в некоторых неясных документах. Нельзя, например, согласиться с его утверждением о том, что Нечаев второй раз перешел русско-румынскую границу в конце ноября — начале декабря 1869 г. (стр. 154). Нельзя также отрицать участия Ботева и Меледина в революционных экспроприациях, о чем не только подробно писали первые биографы Ботева, но имеются также материалы в советских архивах, приведенные Г. Бакаловым еще в 1929 г.² В книге имеются и некоторые другие неточности. М. Маркс, связанный с болгарскими эмигрантами и принимавший участие в русском и польском революционном движении, вряд ли мог быть членом кружка Н. Станкевича, ибо его беглые упоминания о встречах со Станкевичем и Грановским не дают оснований для столь широких выводов, которые сделал К. А. Поглубко. Неубедительна интерпретация слов одного из писем Х. Ботева, где он называет Н. Судзиловского своим «старым соучеником». Эти слова без всякого сомнения свидетельствуют о их личном знакомстве еще задолго до написания письма (1875 г.). Тогда как автор допускает, что они лишь слышали друг о друге (стр. 232—233). Личное знакомство Ботева с Судзиловским вполне могло состояться в то время, когда Ботев жил в южной России (середина 60-х годов), ибо в это время Судзиловский жил в Кишиневе, куда наезжал и Ботев.

Несмотря на эти неточности и некоторые спорные формулировки, книга К. А. Поглубко несомненно оставит заметный след в историографии изучаемой проблемы.

В. Я. Гросул

¹ К. А. Поглубко. Связи болгарских и русских эмигрантов (1869 г.) «Известия АН Молдавской ССР», Кишинев, 1968, № 1, стр. 18.

² Г. Бакалов. Христо Ботев и Сергей Нечаев. «Летописи марксизма», М.—Л., 1929, № 9—10, стр. 30.

М. ТАНТЫ. *Panslawizm, carat, polacy*. Warszawa, 1970, 264 s.

М. ТАНЫ. *Панславизм, царизм, поляки*

В рецензируемой книге освещается вопрос, уже не раз ставившийся в научной литературе, — вопрос об Этнографической выставке и славянском съезде в Москве в 1867 г. Об этом начали писать сразу же после окончания работы съезда — в том же году вышла брошюра «Этнографическая выставка в Москве», в которой события излагались с позиций русских славянофилов. Позднее к Этнографической выставке и славянскому съезду не раз возвращались русские, чешские, югославские историки. Одна из последних работ, в которой был фундаментально исследован этот вопрос, — книга С. А. Никитина «Славянские комитеты в России». В ней впервые с марксистских позиций оценивается и деятельность славянских комитетов, и работа Этнографической выставки и съезда славян в Москве.

Несмотря на сравнительную изученность вопроса, М. Танты сумел подойти к нему по особому, иначе, чем другие ученые. Он попытался, опираясь на материалы советских архивов (прежде всего фондов Московского и С.-Петербургского славянских комитетов), на предшествующие труды, дать общую широкую и разностороннюю оценку славянскому съезду, показать его влияние на дальнейшее развитие русско-славянских связей, на национальные движения славян в Австрийской монархии. Многие выводы Танты не вызывают возражений. Можно полностью согласиться с его оценкой политических условий, которые сделали возможным проведение славянского съезда в Москве в 1867 г., с его определением причины разрыва политического союза между польскими деятелями и деятелями славянских народов Австро-Венгрии, с трактовкой отношения к съезду русских славянофильских кругов. Танты совершенно справедливо критикует одностороннюю оценку съезда польскими национальными деятелями, видевшими в нем чисто панславистское мероприятие в интересах русского царизма. Кстати, детальное исследование откликов польской прессы, от консервативной до революционно-демократической, на славянский съезд в Москве и на идею славянской солидарности является несомненным достоинством труда Танты. Пожалуй, он первый из польских историков сделал это так обстоятельно, отметив малейшие оттенки в отношении польской общественности к этому событию.

Совершенно верно Танты показывает, что Этнографическая выставка имела научно-познавательные цели, а славянский съезд — политические. Но причины политического характера славянского

съезда 1867 г., на наш взгляд, следовало бы раскрыть более подробно. Танты правильно отметил, что славянофильские круги, создавая славянский отдел на выставке, первоначально желали только показать на фактах сходство нравов и обычаев славянских народов, а политический момент (созыв съезда) был привнесены ими позднее. Однако надо иметь в виду, что политический характер был придан съезду славянофилами в значительной степени благодаря настоятельному желанию славянских либералов Австро-Венгрии, стремившихся продемонстрировать австрийскому правительству свое отрицательное отношение к дуализму. Не совсем справедлив вывод Танты о том, что славянский съезд в Москве не имел результатов (стр. 133). Верно, что славянофилы не смогли убедить славянских гостей согласиться с их предложениями (например, сделать русский язык общеславянским дипломатическим языком). И в этом отношении можно оценить съезд как безрезультатный. Но съезд имел объективные последствия, не зависевшие от степени договоренности между славянофилами и славянскими национальными деятелями. И Танты сам указывает на них: рост симпатий в России к славянам Австро-Венгрии (стр. 215), в австрийских же землях — увеличение интереса к русским, к их языку и литературе (стр. 224, 239), усиление помощи славянских комитетов в России зарубежным славянским национальным обществам, газетам, отдельным национальным деятелям, особенно студентам (стр. 229—241). С. А. Никитин считает одним из важных результатов славянского съезда в Москве ознакомление русской общественности со славянским вопросом, пробуждение горячего сочувствия к славянам в различных общественных слоях, без которого была бы невозможна та поистине всенародная помощь балканским славянам в 1875—1878 гг.¹

Нужно отметить ряд неточностей в характеристиках, которые Танты дает некоторым славянским национальным деятелям. Нам представляется, что нельзя определять Ригера как борца за цели чешской буржуазии, стремившейся к созданию национального чешского государства (стр. 118). Если Ригер и выражал интересы части чешской буржуазии, то ее наиболее консервативных кругов, которые не думали о создании национального чешского государства не только в 60—70-е годы XIX в., но и позднее. Вплоть до распада Австро-Венгрии наи-

¹ С. А. Н и к и т и н. Славянские комитеты в России. М., 1960, стр. 258, 259.

более радикальным их лозунгом была ее федерализация. Сам Ригер являлся одним из самых последовательных федералистов и никогда не поднимал вопроса о независимом чешском государстве.

Неверно показано отношение словенского национального деятеля Матии Майра к вопросу об общеславянском языке. Он никогда не был сторонником принятия русского языка в качестве общеславянского, как утверждает автор (стр. 128). Наоборот, Майр пытался создать искусственный общеславянский язык, написал его грамматику, издавал на нем журнал «Славян»².

Ряд неточностей наблюдается при оценке автором русских политических и общественных деятелей. В частности, Танты употребляет термины «славянофил» и «панславист» по отношению к ним довольно произвольно. Так он называет славянофилом И. И. Срезневского (стр. 49). Видный русский славист И. И. Срезневский с симпатией относился к славянам, но чтобы считать его славянофилом, этого недостаточно. Славянофилы — это течение общественно-политической мысли в России, которое характеризуется определенным комплексом экономических, социальных и политических взглядов³. Были ли характерны эти взгляды для Срезневского? Нет. При всем интересе к славянскому вопросу славянофилом он никогда не был.

Танты четко определяет свое понимание панславизма и его целей: «освобождение славян и объединение их под эгидой царской России» (стр. 23). Если подходить к русским деятелям, которых Танты рассматривает как панславистов, даже только с этой точки зрения, то можно увидеть, что в 60-е годы взгляды многих из них не отвечали и этому, ограниченному критерию. Это вынужден признать и сам Танты. Так он пишет, что Катков был против расширения границ русского государства (стр. 98), а Краевский — против политического объединения славян (стр. 99). Оба они, таким образом, являлись сторонниками создания независимых славянских государств, дружественных России (стр. 101). Тех же позиций придерживался в 60-х годах и И. Аксаков. И вряд ли справедливо обвинять его газету «Москва» в политическом панславизме за то, что она ставила «перед Россией и ее правительством задачу освобождения славян» (стр. 195), ибо освобождение славян и панславизм — не

одно и то же. В связи с этим нам кажется неверной трактовка (как отрицательной) и возникшей под влиянием панславистов) позиции Огарева и Герцена, допускаящих возможность освобождения славян царской Россией (стр. 39, 201). Вопрос об объединении славян был поднят Герценом задолго до появления первых русских панславистов. «*Двадцать лет кряду*», — писал Герцен в августе 1867 г., — мы проповедем, что славянскому миру только и есть будущность, что в *федеральном союзнитестве*⁴. Допуская возможность того, что Россия может стать освободительницей славян, Огарев, вместе с тем, подчеркивал, что, если «она к тому времени не осуществит у себя реформу» (т. е. коренные демократические преобразования. — И. Ч.), то освобожденные славяне в конце концов порвут с ней⁵. Это мнение подтвердилось на примере Болгарии. Освобожденная русской армией от власти турок и вставшая после этого на путь капиталистического развития, она через несколько лет разорвала союз с Россией.

В письме к Бакунину в мае — июне 1867 г. Огарев подчеркивал разницу между своей и Герцена позицией и взглядами панславистов. «Никогда Герцен не мог сойти за панслависта в духе императора Николая и профессора Погодина, — писал он, — и я вижу глубокое различие между панславизмом и освобождением славянских народов, ибо панславизм — всего только филологическая фантазия, тогда как освобождение из-под турецко-австро-мадьярского гнета становится исторической необходимостью и требованием гуманности»⁶. То, что Огарев видел в панславизме только филологическую фантазию, можно объяснить тем, что в 1867 г. существовал преимущественно литературный панславизм.

Вопрос о русских панславистах в книге несколько запутан не только потому, что ряд деятелей был отнесен к ним произвольно, но и потому, что термин «панславист» Танты понимает несколько ограниченно. Освобождение славян и объединение их под властью царизма — важное, но не единственное требование панславистов. При этом следует иметь в виду, что русский панславизм не однозначен с панславизмом чехов, словаков, словенцев и др. Каждый из «панславистов» имеет, помимо общих для всех черт, свои особые черты. Не вина Танты, что он не смог дать точного определения панславизма — в научной литературе оно еще не разработано. В советской литературе, кроме

² И. В. Чуркина. Общественно-политические взгляды М. Майра в 50—70-е годы XIX в. «Славянская историография и археология», М., 1969.

³ А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли. «Вопросы философии», 1966, № 6, стр. 125—127.

⁴ Подчеркнуто А. И. Герценом. «Колокол», прибавочный лист к первому десятилетию. 1 августа 1867 г., стр. 13.

⁵ «Герцен и Огарев». Литературное наследие, т. II. М., 1956, стр. 156.

⁶ Там же.

статьи В. К. Волкова⁷, очень интересной, но посвященной частному вопросу, практически ничего не написано о панславизме. Последний, являясь идейным течением, интересен не только с точки зрения отношения определенных русских кругов к славянскому вопросу, но и с точ-

⁷ В. К. Волков. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм». «Славяно-германские культурные связи и отношения», М., 1969.

ки зрения развития общественного движения в России (в данном случае его консервативного, экспансионистского направления). Изучение русского панславизма поможет изучению его течений, распространённых среди славян Австрийской монархии, без чего невозможно понять и верно оценить многие аспекты русско-славянских отношений второй половины XIX в.

И. В. Чуркина

КНИГА ПО ИСТОРИИ ПАНГЕРМАНИЗМА В АВСТРИИ

Несмотря на сравнительно небольшой объем монографии Н. Д. Ратнер «Очерки по истории пангерманизма в Австрии» (М., 1970, 223 стр.), в ней рассмотрены основные события внутренней истории австрийской половины монархии, т. е. Цислейтании за последние два-три десятилетия прошлого века. Внутриполитическая борьба в Австрии, в особенности же национальные конфликты в Чешских землях, присутствует в книге не просто как фон, а как самостоятельный предмет исследования. Хотелось бы в связи со сказанным отдать должное тому чувству меры, которое позволяет автору избегать при оценке роли и значения пангерманизма как фактора политической жизни Австрии почти неизбежных в подобных ситуациях преувеличений. Именно потому, что влияние пангерманцев на политическую жизнь страны было и незначительным и кратковременным, Н. Д. Ратнер, обоснованно выходя за рамки исследования одного из многочисленных идейно-политических течений тогдашней Австрии, главное свое внимание уделяет перипетиям чешско-немецкой борьбы. Именно эта борьба, в которую в 90-х годах XIX в. оказались вовлеченными в той или иной мере все ведущие партии страны, представляет сегодня с точки зрения историка наибольший интерес, а не личность посредственного политического деятеля, каким, несомненно, был Г. Шенерер.

Совершенно правомерно оставляя в стороне экономические первоосновы чешско-немецкого конфликта, равно как и национальные проблемы югославян Цислейтании, автор сосредоточивает свое внимание главным образом на партийно-политических и идеологических аспектах столкновения буржуазии двух ведущих наций так называемых наследственных земель Габсбургов.

В этой борьбе, становившейся по мере обострения межимпериалистических противоречий все более ожесточенной, пангерманизм выступает как сила наиболее реакционная, агрессивная и непримиримо враждебная австрийским сла-

вянам. Тем не менее, он не становится ведущей идеологией и основной политической концепцией австро-немецкой буржуазии, ибо она вовсе не желала уступить свои позиции германскому империализму. Это, однако, не означает, что пангерманизм не представлял тогда никакой опасности для чехов, словенцев и других славян Цислейтании. Угроза поглощения Германией Австрии вместе с Чехией, Моравией и Силезией не только существовала, но и становилась все более реальной по мере усиления агрессивных устремлений кайзеровской Германии. Именно этим в известной мере можно объяснить возрождение весьма популярной в 30—40 годах XIX в. среди буржуазных лидеров славянских народов империи идеи австрославизма.

Следует отметить, что австрославизм в книге показан во всей его сложности и противоречивости. Признавая верность общей оценки этого явления, кстади гораздо более важного для Австрии, чем пангерманизм, можно лишь с сожалением констатировать отсутствие в монографии более развернутой характеристики реакционной сущности австрославистской программы в плане социально-экономическом. Точно также представляется недостаточным подробно обоснованным упрек автора в адрес Я. Новотного и других чешских историков относительно этой самой реакционности (стр. 21). Необходимо также иметь в виду, что политическая и общественная роль концепции австрославизма была совершенно иной в пору революционного подъема 1848—1849 гг., когда конкретно стоял вопрос о ликвидации империи, нежели в период, последовавший после объединения Германии, когда австрославистское течение приобрело преимущественно «охранительный» по отношению к германской угрозе характер.

Используя современную литературу и тогдашнюю прессу, в особенности русскую, автор проследживает пути становления и развития австрийского пангерманизма начиная со 2-й половины 60-х годов и в 80-х годах, когда в связи с

обострением национального вопроса после издания постановлений правительства Тааффе о признании в Чехии и Моравии языком администрации и суда чешского языка наравне с немецким, появились политические предпосылки для оформления этого шовинистического течения. В связи с этим следует отметить, несмотря на все оговорки автора, что знаменитая Личская программа сторонников Шенерера заслуживала все же более подробного рассмотрения.

В программных документах и политических выступлениях пангерманцев в 80-х годах, свидетельствует автор, большое место заняло требование выделения трех провинций Цислейтании — Галиции, Далмации и Буковины — с тем, чтобы добиться таким путем преобладания немецкого элемента в остальной части Цислейтании. Кроме того, пишет Н. Д. Ратнер, имелось в виду предотвратить тем самым «создание славянского блока внутри Австрии и столкнуть поляков с другими славянскими народами монархии» (стр. 75). Но ведь общеизвестно, что между славянскими помещиками (т. е. польской шляхтой) Галиции и славянским крестьянством (т. е. украинскими крестьянами) Галиции лежала столь глубокая пропасть, что вряд ли требовалось постороннее вмешательство для того, чтобы столкнуть их. Существенное различие интересов той же шляхты и чешской буржуазии делало столь же маловероятной возможность образования «славянского блока». Что же касается Далмации, то ее юридическая принадлежность как части «Триединого королевства» (Хорватии, Славонии и Далмации) к «странам короны Св. Иштвана» никем, собственно, и не оспаривалась. Однако, опасаясь усиления Хорватии, Будапешт не спешил с присоединением этой провинции к своим владениям. Именно в этом заключалась сложность вопроса, а не в том, что «Венгрия и Хорватия претендовали на Далмацию» (стр. 76). И, наконец, автономия этих провинций могла бы стать исходным пунктом распада Австрии, чего так опасались ее господствующие классы. И потому едва ли целесообразно придавать слишком большое значение указанным планам пангерманцев и переоценивать их антиславянскую, вернее античешскую направленность.

Значительный интерес представляет 2-я глава монографии, в которой рассматриваются события второй половины 90-х годов. В 1897—1898 гг. национальная борьба в Австрии достигла наибольшей остроты. С тех пор за этой страной прочно утвердилась репутация «второго большого человека Европы». Знаменитые язы-

ковые распоряжения кабинета Бадени, установившие равноправие чешского и немецкого языков в Моравии и Чехии, вызвали сильную вспышку националистических страстей, охватившую почти все слои населения, как немецкого, так и чешского.

Не может не вызвать, однако, сожаления абсолютное отсутствие в книге каких-либо упоминаний об отношении к национальным конфликтам конца XIX в. рабочего класса и социал-демократии.

От внимания автора не ускользнула связь и воздействие внутриполитического кризиса в Цислейтании на состояние австро-венгерских отношений и на судьбы дуализма в целом. Не вызывает сомнений принципиальная верность авторской трактовки основных затронутых здесь вопросов. В оценке постановлений Бадени, как и их политических последствий, нет существенных расхождений с современными чешскими историками. Незаслуженной кажется лишь критика в адрес покойного А. С. Ерусалимского, выдающегося советского историка, который, лишь мимоходом коснувшись реформ Бадени, оценивал их, естественно, не с узкочешских позиций, а под углом зрения решения социальных и международных проблем Центральной Европы в целом.

Чешско-немецкий антагонизм привлек к внутренним национальным проблемам Австрии внимание влиятельных политических и дипломатических кругов не только соседней, и в известной мере «заинтересованной» Германии, но и Англии, Франции, России. Таким образом вопрос подучил большой международный резонанс, что, вероятно, и побудило автора подвергнуть анализу международное положение Австро-Венгрии в последней трети XIX в. и отношение великих европейских держав к кризису дуалистической монархии.

Большой интерес представляет последняя глава исследования Н. Д. Ратнер, в которой введено в научный оборот множество любопытнейших документов — донесений дипломатических представителей и консулов царской России в Австро-Венгрии, среди которых было немало превосходно образованных, тонких и наблюдательных политиков, хорошо разбиравшихся не только в хитросплетениях венской политики, но и в сложнейших проблемах национальных взаимоотношений двуединой монархии.

Рецензируемая монография отличается четкой и хорошо продуманной структурой, живостью изложения.

Т. М. Исламов

ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ТУРЦИИ И БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ В 1813—1815 годах

С выходом в свет VII и VIII томов публикации «Внешняя политика России в XIX и начале XX в.» закончена первая серия этого издания¹. В первых шести томах публикации балканская тема заняла значительное место². Тома VII и VIII посвящены 1813—1815 гг. — времени окончания наполеоновских войн и мирного урегулирования в Европе. В этот период правительство Александра I не имело возможности вести достаточно активную политику в отношении Османской империи и ее подданных. И все же имеется немало документов по этой проблематике в подавляющем большинстве не издававшихся ранее³.

В опубликованных материалах характеризуется политика России в отношении Турции. Заключение Бухарестского мира не привело к нормализации отношений между двумя государствами. Порта добивалась ревизии договора, противилась выполнению его условий, и в частности, о Сербии и Дунайских княжествах. Русско-турецкие отношения осложнялись также из-за того, что турецкие власти препятствовали навигации в проливах, принуждая купцов продавать хлеб по заниженным ценам (т. VII, док. 4, 66, 77).

В историографии, особенно зарубежной, посвященной международному положению в Европе в период окончания наполеоновских войн и Венского конгресса, долгое время господствовало представление, что правительство Александра I в 1813—1815 гг. собиралось проводить агрессивную политику на Востоке, используя свое военное и политическое превосходство, а также освободительное движение турецких подданных. Документы VII—VIII томов не подтверждают этого и по-

казывают, что политика царизма в отношении Порты была достаточно осторожной и гибкой, что она прежде всего исходила из стремления сгладить разногласия даже с помощью некоторых уступок. Так например, желая избежать постоянных конфликтов и продемонстрировать стремление оказать экономическую поддержку Турции, российский посланник в Стамбуле А. Я. Игалинский в феврале 1813 г. дал согласие на сдачу в турецкие государственные закрома половины провозимого через Стамбул на судах с русским флагом хлеба по принудительным заниженным ценам. Эта акция была одобрена царем (т. VII, док. 31, 57).

В 1813 г., когда исход войны с Францией еще не был решен окончательно, царское правительство стремилось прежде всего предотвратить использование Турции Наполеоном как орудия в борьбе с Россией. Подобная задача возникала и позднее — во время «100 дней» (т. VII, док. 127). Значительное усиление позиций на международной арене после победы над Наполеоном позволило правительству России проводить в отношении Османской империи более решительную и твердую политику. Так, оно отвергало претензии Порты в отношении «азиатской границы», а также и попытки европейских кабинетов выступить посредниками в этих вопросах⁴. В то же время оно прилагало все усилия, чтобы избежать новой войны с Турцией.

Основой русско-турецких разногласий после заключения Бухарестского мира являлась кавказская проблема. Однако и балканские дела играли в этом отношении значительную роль, и в первую очередь сербский вопрос. Материалы публикации дают представление о дипломатических акциях России, касающихся Сербии. Среди них есть документы, до сих пор не вводившиеся в научный оборот, позволяющие дополнить ранее известные данные. Хотелось бы отметить записку, представленную И. Каподистрией М. Б. Барклаю де Толли и составленный последним на ее основе доклад Александру I о мерах, которые надлежало принять для «поддержания статус-кво» в Сербии до окончания войны с наполеоновской Францией (т. VII, док. 109, прим. 231); инструкции К. В. Нессельроде и документ, характеризующие деятельность Ф. И. Недобы (т. VII, док. 178, 195, т. VIII, док. 8 и др.); материалы

¹ «Внешняя политика России XIX и начала XX в.» Документы российского министерства иностранных дел. МИД СССР. Серия первая. 1801—1815. Отв. ред. акад. А. Л. Нарочницкий. Т. VII (январь 1813 — май 1814), т. VIII (май 1814 — ноябрь 1815). М., Политиздат, 1970, 1972.

² См. нашу рецензию об освещении политики русского правительства на Балканах в т. I—VI публикации: «Советское славяноведение», 1968, № 6, стр. 93—96.

³ Ряд документов (большой частью в изложении или с сокращениями), касающихся политики России в отношении Сербии и отчасти Дунайских княжеств был опубликован В. А. Уляницким (Материалы к истории восточного вопроса в 1808—1813 гг. М., 1901); в отношении Ионических островов — в приложении к книге Е. Родоканаши (E. Rodocanachi. Bonapart et les îles Ioniennes. 1797—1816. Paris, 1899).

⁴ Так, например, обнаруживается, что хотя английский министр иностранных дел сообщил послу в Стамбуле о согласии царя на такое посредничество, Александр I опроверг это (т. VIII, прим. 130, стр. 652).

о защите интересов сербских беженцев в Австрии и организации их переезда в Россию (т. VIII, док. 7, 8, 55, 81, 221) о демарше российского посланника в Стамбуле в пользу Сербии осенью 1815 г. (т. VIII, док. 239).

Большой интерес представляют документы, связанные с попыткой русской дипломатии добиться решения сербского вопроса путем санкций Венского конгресса, путем коллективного демарша перед Портой держав — участников конгресса с требованием о «прекращении варварских действий, ареной которых стала Сербия» (т. VIII, док. 79, 80). Русские акции, связанные с этими проектами, подробно изложены в комментарии (т. VIII, прим. 103).

На Венском конгрессе и в ходе парижских переговоров летом и осенью 1815 г. шла острая борьба между победителями наполеоновской Франции по вопросу о судьбе бывшей Республики Семи Соединенных островов. В т. VIII имеются документы, свидетельствующие о стремлении России не допустить перехода Ионических островов во владение Австрии, обеспечить международные гарантии их статуса как «независимого государства», находящегося под протекторатом Великобритании, а также о попытках побудить сент-джемский кабинет смягчить оккупационный режим на островах (т. VIII, док. 20, 51, 85 и др.).

В публикации содержатся также документы об эмиграции болгар, молдаван, черногорцев в Россию (Крым и Бессарабию), политике царского правительства в отношении переселенцев, о льготах, им предоставляемых (т. VIII, док. 125, 236).

Рецензируемое издание содержит материалы, освещающие не только политику царского правительства в отношении Турции и отдельных балканских народов, некоторые интересные данные о положении самих этих народов, но и дает представление о более широких и общих проблемах, таких, как формирование главных принципов политики царского правительства на Балканах в условиях венской системы, нарастание противоречий великих держав в этом регионе и др.

В 1813—1815 гг. правительства европейских стран, казалось бы, были целиком поглощены решением сложных общеевропейских проблем. Но и в это время царское правительство не забывало о необходимости поддерживать свое влияние среди турецких подданных, получать сведения о внутреннем положении в Турции. Сент-джемский и венский кабинеты, со своей стороны, стремились противодействовать укреплению позиций царизма на Балканах и Ближнем Востоке. В этих целях они препятствовали вмешательству России в сербо-турецкий конфликт, пытались побудить русскую дипло-

матию пойти на уступки Порте в территориальных вопросах, запугивали ее угрозой перехода Турции на сторону Наполеона и объявления войны России. Обнаруживается и такой нюанс: присоединение Турции к системе европейских гарантий западные державы идентифицировали с провозглашением неприкосновенности оттоманских владений, но русская дипломатия противостояла такой трактовке, а также иностранному вмешательству в русско-турецкие отношения (т. VIII, док. 127, 138, 158). В то же время примечательно, что именно Россия пыталась выступить инициатором осуществления коллективных мер для облегчения торгового судоходства через проливы для всех европейских держав (т. VIII, док. 54).

По опубликованным документам можно проследить наличие серьезных разногласий в правительственных кругах России по вопросам политики в отношении Турции и балканских народов. Так, если посланник в Стамбуле А. Я. Италинский выступал сторонником мягкого курса, уступок Порте в спорах об «азиатской границе», то министр иностранных дел Н. П. Румянцев, хотя в это время фактически уже был отстранен от дел, все еще пытался отстаивать необходимость политики на Востоке с позиций силы, отрицал возможность компромиссов и уступок (т. VII, док. 61, 187). В это же время грек Иоанн Каподистрия пытался побудить царя вести политику, которая соответствовала бы интересам и чаяниям балканских народов.

Царь доверил Каподистрии вести все дела, касавшиеся Ионических островов, и достаточно последовательно поддерживал его усилия добиться лучшего будущего для своей родины. Если эта сторона деятельности Каподистрии более или менее известна, то о его участии в сербских делах, попытках склонить царское правительство к проведению более активной политики в отношении всех турецких подданных-христиан до сих пор не имелось документальных материалов. Интересные данные об этом содержатся в упомянутой выше записке Каподистрии, представленной Барклаю де Толли, в письме Каподистрии П. В. Чичагову, написанной ярко, с глубоким чувством патриотизма и заинтересованностью в улучшении судьбы всех балканских народов (т. VIII, док. 161).

Можно полагать, что участие Каподистрии в дипломатических акциях, связанных с Балканами (Ионические острова, Сербия), сказывалось на политике правительства в этом регионе. Но основу внешней политики царизма, в том числе и балканской (последняя в это время, правда, имела второстепенное значение), составляли принципы легитимизма и консерватизма.

Примером может служить решение держав о передаче Боки Которской Австрии, против чего русская дипломатия не возражала.

Таким образом, в VII и VIII томах собран обширный, разнообразный и интересный материал по балканской тематике. Правда, он не всегда распределен равномерно по темам в соответствии с их значимостью. Так, мало опубликовано документов, касающихся политики царского правительства в Молдавии и Валахии, в это время достаточно активной. Один из документов на эту тему — инструкция Ж.-И. Сент-Олеру, посланному весной 1815 г. с секретной миссией в Бухарест, требует ряда разъяснений. Между тем комментарий к нему отсутствует (т. VIII, док 128).

В то же время представляется излишним включение в публикацию рапортов Г. В. Войновича¹ и П. Н. Никича о положении дел в Черногории и Боке Которской весной и летом 1814 г. (т. VII, док. 246, 273, прим. 332; т. VIII, док. 29). Часть этих документов уже публи-

ковалась в югославских изданиях⁵. Кроме того, деятельность Никича и Войновича не может отражать российскую политику в отношении Черногории и Боки Которской, ибо они в 1814 г. не занимали служебных постов, не имели каких-либо инструкций, действуя на свой страх и риск. Это также следовало бы оговорить в комментариях. В примечаниях к документам, указателях имеются отдельные неточности и фактические ошибки. Но в целом комментарий и научный аппарат, связанный с балканской тематикой, составлен квалифицированно и полно.

С публикацией рецензируемых томов существенно расширяется документальная база балкановедческих исследований периода окончания наполеоновских войн и мирного урегулирования в Европе.

И. С. Достялн

⁵ См. например: «Споменик», кн. 31, Белград, 1898, стр. 118—119; Д. Вуксанич Петар Петровић Његош. Цетиње, 1951, стр. 225—226.

Л. В. ГОРИНА. *Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве*. Изд-во МГУ, 1972, 160 стр.

На конференциях советских историков-славистов не раз отмечалось, что в нашей стране мало внимания уделяется изучению средневековой истории Болгарии. Действительно, со времени выхода в свет превосходной монографии Г. Г. Литаврина¹ появилось лишь несколько статей автора рассматриваемой книги².

¹ Г. Г. Литаврин. *Болгария и Византия в XI—XII вв.*, М., Изд-во АН СССР, 1960.

² Л. В. Горина. К истории монастырской вотчины XIII—XIV вв. (по имунитетным грамотам). «Вестник Московского университета», сер. IX. История, 1965, № 3, е е же. К вопросу о подлинности Виргинской грамоты. «Советское славяноведение», 1965, № 5; е е же. Вопросы социально-экономического развития Второго Болгарского царства в освещении современной болгарской историографии. В сб. «Славянская историография». Изд-во МГУ, 1966; е е же. Города болгарского причерноморья в середине XIV в., по дневнику Антона Бербери. «Источники и историография славянского средневековья». Сб. ст. и материалов. М., «Наука», 1967; е е же. Некоторые вопросы терминологии средневекового болгарского города. В сб. «Советское славяноведение», Минск. Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1969; е е же. Походът на граф Амедей VI Савойски против България през 1366—1367 г. «Исторически преглед», София, 1970, кн. 6.

Л. В. Горина проделала кропотливую работу по выявлению письменных известий, в первую очередь болгарских, по интересующим ее проблемам. Она использовала также доступные ей археологические материалы и, что особенно приятно отметить, некоторые данные болгарского изобразительного искусства. В стремлении опереться только на источники, не выходя в своих обобщениях за их пределы заключается, с моей точки зрения, главное достоинство рассматриваемой работы.

Книга состоит из введения, трех глав («Историография и источники», «Аграрные отношения», «Болгарский город XIII—XIV вв.») и заключения.

Интересен краткий историографический очерк, но хотелось бы видеть здесь хотя бы упоминания о трудах К. Иречека, Г. Острогорского и других по изучаемому вопросу. Может быть, не лишне было бы отметить, что некоторые вопросы социально-экономической истории Второго Болгарского царства выдвинул еще Ю. В. Готье в своем курсе лекций, прочитанном в Московском университете накануне Октябрьской революции³.

К сожалению, отсутствует упоминание и трудов С. А. Никитина. Правда, он занимался главным образом не древнейшей историей Болгарии, но им написаны

³ Ю. В. Готье. *История южных славян (по рукописям профессора)*. М., 1916, стр. 178—197 (литографированное издание).

разделы по истории Второго Болгарского царства в университетском учебнике⁴. А разве не ясно, что первые издания наших учебников опережали конкретные исследования и их авторы были по существу первооткрывателями. И не из разделов ли учебника, написанных Никитиным, получала сама Л. В. Горина свои первые сведения по вопросам, которые она теперь с успехом исследует? Обойдены молчанием также работы Н. С. Державина и Б. Т. Горянова.

Во второй и третьей главах автор достаточно полно, с учетом состояния источников, осветила вопросы, связанные с социально-экономическим развитием Второго Болгарского царства: землевладение, зависимое население, феодальная рента, классовая борьба в деревне, города, ремесло, товарное производство, социальный состав городского населения, городские движения.

Некоторые ее сомнения в правильности существующих точек зрения, например, о феодальной ренте, о восстании Ивайло и др., заставят исследователей еще раз задуматься над этими вопросами, а осторожность Л. В. Гориной понятна — уж очень скудны источники. Привлекает внимание в книге очерк истории болгарского города, интересны соображения об особенностях феодализма в Болгарии.

Вместе с тем, Л. В. Горину можно упрекнуть в том, что некоторые проблемы в монографии поставлены недостаточно широко, мало привлекается сравнительного материала, что особенно важно при скудости источников. Например, автор лишь вскользь касается вопроса об отсталости Болгарии в XIII—XIV вв. по сравнению с наиболее развитыми европейскими странами. Думается, что именно отсталость в развитии феодального строя не позволила болгарам, как и сербам, создать сильные централизованные государства, способные дать отпор турецкой агрессии.

Обращает на себя внимание и то, что книга написана стилистически неровно

и в отдельных местах плохо отредактирована. Дело даже не в том, что иногда встречаются неудачные по смыслу и стилю фразы вроде: «Болгарское царство XIII—XIV вв. было временем расцвета феодальных отношений» (стр. 3) или «в окрестностях (?) реки Лом» (стр. 103). Не всегда продумана внутренняя логика изложения, что выражается прежде всего в ряде повторений и неясных фраз. Уже во введении встречаются мысли (например, второй абзац целиком), которые по смыслу должны быть отнесены к заключению и, действительно в нем повторяются. Или возьмем главу первую. Само ее заглавие «Историография и источники» говорит о том, что она должна делиться на две части. Но в ней выделен еще и специальный параграф (второй: «Вопрос о подлинности болгарских имунитетных грамот и их датировка»), который логически не увязан с третьим параграфом, носящим название «Источники», где речь идет опять о тех же грамотах. Не очень четко изложен вопрос о категориях зависимого населения в деревне (стр. 60—68). Приведу пример. На стр. 60—61 написано: «...парики — наследственные держатели своего надела в отличие, например, от отроков, которые получают землю от господина, или от проскафименов, лишенных наделов, присельников на чужой земле». Здесь трудно понять, что речь идет не о получении земли отроками от господ или проскафименов, а об отличии париков от отроков и от проскафименов. Неясно изложен вопрос о «работниках», которые почему-то называются «наемниками» (стр. 63), хотя автор хочет сказать не о ландскнехтах, а о людях, занимающихся на сельскохозяйственные работы, т. е. о наймитах, батраках. Отмечу также, что автор часто не объясняет употребляемых им терминов («хрисовуль», «сигиллий», «метохи» и др.). Не достаёт в книге также карт или схем.

В целом же, как мне думается, монография Л. В. Гориной представляет отрадное явление в нашей славянистической медиэвистике и хочется пожелать автору дальнейших успехов.

⁴ «История южных и западных славян». Изд-во МГУ, 1957, стр. 41 и след.

А. А. ЧУМА. Ян Амос Коменский и русская школа (до 70-х годов XVIII века). Bratislava, 1970, 116 с.

Эта книга вышла к 300-летию со дня смерти Яна Амоса Коменского как один из выпусков серии научных изданий философского факультета Университета им. П. Й. Шафарика в Прешове. Ее автор, словацкий исследователь Андрей Чума на протяжении ряда лет занимается проблемой освоения педагогического наследия Коменского в России. В 1966 г. им была опубликована большая работа «Учебные книги Яна Амоса Коменского в русских школах конца XVIII и первой половины XIX столетия»¹. Предполагая в будущем рассмотреть «русскую комениану» второй половины XIX в. и XX в., в рецензируемой книге А. Чума обратился к наименее освещенному и потому особенно трудному для изучения периоду первоначального знакомства с педагогикой Коменского в России, т. е. к XVII и XVIII вв.

Работа состоит из «Введения» (стр. 5—7), «Заключения» (стр. 93—96) и трех разделов: «Некоторые данные о проникновении педагогических идей Я. А. Коменского в Россию в конце XVII века» (стр. 9—24), «Учебные книги Яна Амоса Коменского в школах России первой половины XVIII века» (стр. 25—65) и «Ян Амос Коменский и Московский университет» (стр. 67—93).

Опираясь на литературу и собственные разыскания, в первом разделе автор убедительно показывает, что сочинения чешского мыслителя и педагога были известны в России уже в XVII в. Об этом говорят приводимые в книгах факты. Среди сгоревших в 1812 г. во время пожара в Москве книг, учтенных в «Каталоге славянорусским рукописям» профессора Ф. Г. Баузе, был «Комениев мир в лицах, напечатанный на пяти языках, 1679 года». Существенно содержащееся в «Каталоге» замечание об этом сочинении: «На полях написан к тому Российский перевод рукою того же времени...». В фонде Библиотеки Синодальной типографии (ПГАДА) имеется книга Коменского Orbis pictus, изданная на латинском и немецком языках в 1682 г. в Нюрнберге. На вшитых в нее чистых листах имеется русский перевод ряда глав (Введение, 1 — Бог, 2 — Свет, 3 — Небо, 4 — Огонь), кроме того, на одной из страниц книги содержится рукописная пометка «А 1695» (т. е. Anno 1695. — Л. К.). Как предполагает автор, это дата одного из наиболее ранних переводов Коменского на русский язык. В Библио-

теке Академии наук в Ленинграде были найдены еще две книги Коменского. «Обозрение реформированной во славу божью физики...» (на лат. яз., 1633) и латино-франко-германо-польский Orbis pictus (братиславское издание, 1667 г.). Обе они также содержат вшитые чистые листы с разного рода пометками и упражнениями. Приведенные данные — свидетельство того, что книгами Коменского в учебных целях пользовались в России уже в XVII в. Такую возможность предполагали и раньше, теперь это подтвердилось.

Общие места с «Великой дидактикой» Коменского отмечает А. Чума в произведениях Симеона Полоцкого «Обед душевный» и «Вечера душевная», что позволяет думать о знакомстве русского писателя с сочинениями чешского педагога. О том же, т. е. о распространении педагогических идей Коменского в России в XVII в., может свидетельствовать, по мнению А. Чумы, и иллюстрированный Букварь Карiona Истомина, составленный им в 1692 г. Предисловие к этому Букварю очень напоминает предисловие к «Миру в картинках...». Да и сама идея иллюстрации букварей восходит к Коменскому.

Второй, центральный раздел книги содержит много ценных и интересных сведений, свидетельствующих о большом интересе к учебным книгам Коменского в России при Петре I. Наряду с довольно известными фактами (использование языковых учебников Коменского в гимназии Эрнста Глюка, послыка из Москвы в Прагу по указу Петра I двух русских для перевода вместе с чехами-иезуитами иностранных книг, в том числе Коменского и др.), автор приводит во втором разделе и ряд малоизвестных или же новых данных. К ним относятся сообщения о применении учебников Коменского «Открытая дверь языков» в Московской «переводческой школе» Николая Швимера, об использовании «Вестибулл» и «Орбис пиктий» (в оригиналах и русских переводах) премиником Глюка по гимназии Вернером Паузе. Помимо «переводческих школ» книгами Коменского пользовались и в других русских учебных заведениях, например в инженерной школе в Москве.

В книге сообщается, что метод Коменского и его учебники внедрялись в практику русской школы по личному указанию самого Петра I. В этой связи, думается, стоило бы отметить, что один из советников Петра I во время его путешествий был ученик Коменского, друг Лейбница, амстердамский бургомистр Н. Витсен.

¹ Sborník Filosof. fak. Univ. P. J. Šafařika v Prešove. Bratislava, 1966, s. 63—129.

Во втором разделе работы автор подробно сравнивает различные рукописные русские переводы из Коменского, сделанные в первой половине XVIII в., освещает вопрос о наличии книг чешского мыслителя и педагога в русских библиотеках, рассматривает пометы на них. Свыше 60 разных произведений Коменского, изданных в конце XVII — начале XVIII в., обнаружилось в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, около 30 — в Библиотеке Академии наук СССР (Ленинград), 24 — в Отделе редкой книги Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, 14 — в Библиотеке МГУ, шесть — в Исторической библиотеке в Москве. Значительное собрание старых изданий Коменского из бывшей Библиотеки Синодальной типографии хранится в ЦГАДА. Все эти данные говорят о широком распространении книг Коменского в России в первой половине XVIII в. Как отмечается в работе, книги Коменского, например *Janua Linguarum*, имелись в личных библиотеках, в частности одного из деятелей петровской эпохи Андрея Винуса, белградского епископа Епифания, рязанского и муромского епископа Гавриила, переводчика Василия Козловского, фельдмаршала Я. В. Брюса, дипломата А. А. Матвеева и др. Среди лиц, в личных библиотеках которых были книги Коменского, упомянут и Феофан Прокопович. К сожалению, описания и хотя бы краткой характеристики сочинений Коменского имевшихся в личных библиотеках, в книге нет. А между тем они позволили бы показать, что в первой половине XVIII в. в России знали не только учебные книги, но и другие сочинения Коменского. Так, например, в одной только библиотеке Феофана Прокоповича² наряду с *Orbis pictus* (1 экз.), *Janua Linguarum* (6 экз.), *Lexicon januale* (2 экз.), имелись также *Prodromus pansophial* (1 экз.), *Lux et tenebris* (2 экз.).

Как видим, кроме учебных изданий, Прокоповича интересовали и пансофические труды Коменского и опубликованные им с собственным предисловием пророчества Коттера, Понятовской и Драбика. Собрание пророчеств *Lux et tenebris* (Свет из тьмы) предназначалось для правителей Европы. В этой отражавшей взгляды «чешских братьев» книге Коменский связывал конец раздиравших Европу войн с устранением Габсбургов и папы, в чем, как он думал, помогут народы с Севера и Востока.

Убедительно показана в книге связь с педагогикой Коменского таких русских книг, как *Букварь Федора Поликарпова* (1701) и *Арифметика Леонтия Магницкого* (1703). На титульных листах этих изда-

ний можно увидеть тот же эмблематический рисунок цветов, что и на *Janua Linguarum reserata* (1643) Коменского. Разница состоит лишь в том, что латинский текст рисунка передан в них по-русски: «Яко цвет селный, тако цветет человек». Как разъясняет А. Чума, дело здесь не в символическом изображении «цветов премудрости» так считали некоторые русские исследователи (Д. Д. Галанин), а в эмблематическом раскрытии мысли о том, что человек — часть природы и потому должен непременно следовать ее законам, учиться у нее, видеть в ней своего воспитателя. Иными словами, в рисунке и подписи был выражен один из основополагающих принципов Коменского — принцип природосообразности в воспитании и обучении, который, как можно думать, разделяли авторы русского *Букваря* и *Арифметики*.

С интересом читаются те страницы второго раздела, которые посвящены деятельности одного из соратников Ломоносова — А. И. Богданова. Будучи руководителем русско-японской школы в Петербурге в конце 30-х годов XVIII в. вместе с одним из ее преподавателей, японцем по происхождению, он перевел на русский и японский языки *Orbis pictus*, переработал *Vestibulum* и *Janua Linguarum*, создав тем самым необходимые учебные пособия для своей школы. Таков еще один яркий пример активного использования языковых учебников Коменского в России.

Третий раздел работы А. Чумы посвящен истории использования педагогического наследия Коменского в стенах Московского университета и университетской гимназии, прежде всего истории переводов и издания сочинений чешского педагога в России во второй половине XVIII в. Следует отметить, что в этой части книги дано решение спорного вопроса об авторе предисловия к первому московскому изданию *Orbis pictus* (1768), которым, как это выяснилось, был профессор Иоанн МатIAS Шаден. Изученные архивные материалы позволяют думать, что инициатором первого «русского» издания *Orbis pictus* была группа русских профессоров университета во главе с Ломоносовым. Эта книга особенно интересовала русского ученого и имела в его библиотеке.

Хотя хронологически исследование завершается 70-ми годами XVIII в., тем не менее в нем говорится и об издании *Orbis pictus* (1788), осуществленном Н. И. Новиковым, и о петербургском академическом иллюстрированном издании того же сочинения в том же 1788 г. (кстати, их было не одно, а два: «Зрелище Вселенная, на латинском, российском и немецком языках...», «Зрелище Вселенная, на французском, русском и немецком языках»). Правда, не совсем понятно почему, если уж хронологические

² Ее описание было напечатано в работе П. Верховского «Духовный регламент», т. 2, Ростов-на-Дону, 1918.

границы книги оказались расширены, в ней не названы другие издания русских переводов Коменского в XVIII в. К ним относятся еще одно петербургское издание *Orbis pictus* (1793), а также принадлежащий Н. Н. Бантыш-Каменскому перевод «Правил поведения» (*Præcepta morum*) Коменского, озаглавленный «Правила благопристойности, для преподавания обучающемуся юношеству» (СПб., 1792).³

Приятную особенность книги А. Чумы составляет тщательное изучение литературы вопроса, непредвзятая критичность, научный такт и объективность. Доброжелательно используя все ценное, что было сделано предшественниками, автор в то же время пересматривает отдельные их утверждения, уточняет их или опровергает (вопросы о знакомстве с Коменским закарпатского антикатолического полемиста Михаила Андреллы,

об оригинальности сочинения Епифания Славенецкого «Гражданство обычаев детских» и его отношении к *Præcepta morum* Коменского, о влиянии этого произведения чешского педагога на «Юности честное зерцало» и др.). При этом автор отдает себе отчет в том, что им решены не все вопросы, что некоторые из них в той или иной степени остаются открытыми (вопрос о связях Коменского с белорусскими и украинскими братскими школами, о самом раннем русском издании «Преддверия...» Коменского, об истории русского рукописного перевода *Orbis pictus*, находящегося в Библиотеке Национального музея в Праге и др.).

В целом исследование А. Чумы — существенный шаг в научном освещении избранной им темы. Рекомендую эту полезную и содержательную книгу вниманию читателей, хочется еще отметить, что она издана на русском языке, сопровождается рядом иллюстраций, списком использованной литературы и указателем имен.

Л. Кишкин

³ На латинском языке «Правила поведения» Коменского, как часть латинской грамматики, были опубликованы в Москве ранее, в 1781 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1972—1973 гг.

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. *Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика*

Борисов А. Антикommунизм — идейная основа политики США в Восточной Европе. Уч. зап. Моск. ин-та междунар. отношений. Всеобщая история, 1972, вып. 2.

Бутенко А. П. Теоретические проблемы взаимоотношений и укрепления единства социалистических стран. Научн. коммунизм, 1973, № 2.

Бышев С. Д. Итоги выполнения плана развития текстильной промышленности стран — членов СЭВ (По данным 1965—1971 гг.). Текстиль. промышленность, 1973, № 3.

Давыдов Ю. П. О новых тенденциях восточноевропейской политики США. В кн. Американская историография внешней политики США. 1945—1970. М., 1972.

Демин А. А. Иммуниеты и привилегии должностных лиц Совета Экономической Взаимопомощи. В кн. Проблемы государства и права на современном этапе, вып. 5. М., 1972.

Ковальчук В. В едином строю — к общей цели. К 25-й годовщине Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Советским Союзом и Народной Республикой Болгарией. «Под знаменем ленинизма», 1972, № 4.

Коммюнике о встрече представителей коммунистических и рабочих партий европейских стран (Москва, 21—22 февраля 1973 г.) «Проблемы мира и социализма», Прага, 1973, № 4.

Мунтян М. А. Дунайская проблема накануне и на Потсдамской конференции глав правительств СССР, Англии и США. Изв. АН МССР. Сер. обществ. наук, 1973, № 1.

Орлик И. И. Политика США в отношении социалистических стран Восточной

Европы (1945—1960 гг.). В кн. Американская историография внешней политики США. 1945—1970. М., 1972.

Петросян Р. А. Совершенствование правовых основ сотрудничества стран — членов СЭВ (по материалам XXV сессии СЭВ). В кн. Проблемы государства и права на современном этапе, вып. 5. М., 1972.

Работецко А. Т., Бабкин В. Д. Антикоммунистическая направленность теории «конвергенции». В сб. научн. работ слушателей и адъюнктов Киевской высш. школы, 1972, № 6.

Санакоев Ш. Единство теории и практики внешней политики социализма. Междунар. жизнь, 1973, № 4.

Свисткова П. Истоки и традиции советско-польского сотрудничества. Уч. зап. Моск. ин-та междунар. отношений. Всеобщая история, 1972, вып. 2.

2. Экономика. Экономическое сотрудничество

Абросимова М. В. Против буржуазной фальсификации принципов сотрудничества стран социалистического лагеря. В кн. Против антикоммунистических извращений истории Великой Октябрьской социалистической революции, строительства социализма и коммунизма в СССР. М., 1973.

Артемьев А. Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ со странами Арабского Востока. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1973, № 1.

Беляев Ю. О национальных экономических интересах в условиях социалистической интеграции. Вопр. экономики, 1973, № 4.

Валовой Д., Мартынов В. Развитие экономики стран — членов СЭВ в 1972 году. Эконом. газ., 1973, № 10.

Василенко Г. Экономическое сотрудничество социалистических стран и социалистическая экономическая интеграция. В кн. Проблемы социалистического воспроизводства на современном этапе развития экономики, ч. 2. М., 1973.

Вишнякова И. В. Инфраструктура и проблемы размещения производительных сил Югославии. В кн. Региональные особенности размещения промышленного производства. М., 1972.

Воинов А. Экономические отношения социалистических стран с развитыми капиталистическими государствами. План. хоз-во, 1973, № 3.

Вольнова Л. О буржуазных и ревизионистских концепциях планирования. Вопр. экономики, 1973, № 4.

Габу дуллин В., Дунин В. Что дают совместные исследования. (Совещание в Тбилиси. Ноябрь 1972 г.). Вопр. экономики, 1973, № 3.

Гаврилов В. Совершенствование экономического сотрудничества социа-

листических стран. План. хоз-во, 1973, № 4.

Гарбузов В. Ф. Развитие валютно-финансовых отношений стран — членов СЭВ. «Финансы СССР», 1973, № 3.

Герцович Г. Повышение эффективности производства в условиях социалистической интеграции стран СЭВ. План, хоз-во, 1973, № 4.

Гонак М. І. Міжнародний соціалістичний поділ праці і розміщення чорної металургії в країнах РЕВ. Екон. географія, Київ, 1973, вип. 14.

Граве Н. Международное сотрудничество лесоводов в рамках СЭВ. Лесное хоз-во, 1973, № 3.

Гречихин В. Г. Некоторые проблемы интернационализма в условиях международной социалистической интеграции. Научн. коммунизм, 1973, № 2.

Гридина Н. Роль международного рынка стран СЭВ в национальном воспроизводстве. В кн. Проблемы социалистического воспроизводства на современном этапе развития экономики, ч. 2. М., 1973.

Губенко И. Вопросы совершенствования системы многосторонних расчетов в переводных рублях и деятельность Международного банка экономического сотрудничества в 1971 г. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1972, № 4.

Гурев С. А. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области морского судоходства. Сов. государство и право, 1973, № 3.

Даньшина В. Современный этап экономического развития ЧССР. План. хоз-во, 1973, № 3.

Демин А. А. Правовой статус должностных лиц Совета Экономической Взаимопомощи. В кн. Роль государства и права в решении задач коммунистического строительства на современном этапе. М., 1972.

Драбкин А. С. Социалистическая экономическая интеграция и повышение благосостояния трудящихся. Рабочий класс и соврем. мир, 1973, № 2.

Дыблов С. Решающий фактор интенсивного развития Болгарии. Экономика Сов. Украины, 1973, № 2.

Елизаров А. Ф., Громада Э. Развитие лесного хозяйства ЧССР. Эконом. проблемы лесной, деревообработ. промышленности и лесного хоз-ва, 1972, вып. 1.

Забелин А. И. Развитие связей между социалистическими и развитыми капиталистическими странами Востока и Запада. (Совещание ученых стран — членов СЭВ и СФРЮ по проблеме внешнеэкономических отношений с промышленно развитыми капиталистическими странами). Изв. АН СССР. Сер. эконом., 1973, № 2.

Иванов Ю., Маджарска Р. Международные сопоставления стоимостных показателей развития народного хо-

зайства стран — членов СЭВ. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1972, № 4.

Иванова Л. П. Вопросы совершенствования структуры Совета Экономической Взаимопомощи. Тр. Всесоюзн. заочн. фин.-эконом. ин-та, 1972, вып. 8.

Как управлять экономикой. Руководители плановых органов НРБ, ГДР, ПНР отвечают на вопросы редакции «Проблемы мира и социализма», Прага, 1973, № 1.

Каменицер С. Е. О сотрудничестве стран — членов СЭВ в области исследований проблемы управления. Экономика и организация пром. производства, Новосибирск, 1973, № 1.

Карцев В. Экономика Болгарии в 1972 г. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1973, 10 марта, № 28.

Клосевич Э. Многосторонние соглашения о специализации и кооперировании производства в области машиностроения. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1972, № 4.

Корннов Ю. Международные экономические организации и их роль в сотрудничестве стран СЭВ. План. хоз-во, 1973, № 4.

Косарик И., Саркисов С. Сотрудничество транспортно-экспедиторских организаций стран — членов СЭВ. Внешн. торговля, 1973, № 4.

Косоогов А. Жилищное строительство в Народной Республике Болгарии. «Архитектура СССР», 1973, № 4.

Кулакова Т. Влияние экономического сотрудничества на структуру национальной экономики. В кн. «Проблемы социалистического воспроизводства на современном этапе развития экономики», ч. 2. М., 1973.

Лебедева Е. Укрепление сотрудничества между странами — членами СЭВ. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1973, 1 марта, № 25.

Лещицкий С., Эберхардт П., Хежман С. Главные звенья территориально-экономического развития Польши до 2000 г. В кн. Вопросы методологии региональных исследований. М., 1972.

Лещицкий С., Эберхардт П., Хежман С. Линейно-узловая система территориально-экономической структуры Польши 2000 г. Эконом.-геогр. проблемы формирования террит. производ. комплексов Сибири, Новосибирск, 1972, вып. 4.

Литваева Э. Труд женщины и быт. В кн. В. И. Ленин о роли женщины в обществе и опыт решения женского вопроса в социалистических странах. М., 1972.

Мандрыкин В. Развитие сотрудничества и сближение экономических интересов стран — членов СЭВ. В кн. Проблемы социалистического воспроизводства на современном этапе развития экономики, ч. 2. М., 1973.

Маневич Е. Л. Использование трудовых ресурсов в условиях научно-технической революции. Симпозиум в Москве. Вестн. АН СССР, 1973, № 3.

Можаров Н. Д. Нефтепровод «Дружба». Вопр. истории, 1973, № 3.

Организационно-методические, экономические и правовые основы научно-политического сотрудничества стран — членов СЭВ и деятельности органов СЭВ в этой области. Бюл. координационных центров. М., 1972, вып. 1.

Павлов К. Внешняя торговля СССР с социалистическими странами и вопросы повышения ее эффективности. Научн. зап. Всесоюзн. акад. внешн. торговли, 1972, вып. 20.

Протокол о сотрудничестве между Советом Экономической Взаимопомощи и Международным центром научной технической информации. Бюл. координационных центров, 1972, вып. 1.

Протокол о сотрудничестве между Советом Экономической Взаимопомощи и Международным инвестиционным банком. Бюл. эконом. информации СЭВ, М., 1972, № 6.

Пусенков Н. Развитие народного хозяйства Чехословакии в 1972 г. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1973, 17 марта, № 32.

Ржада И. О совершенствовании деятельности внешнеторговых арбитражных органов и порядка рассмотрения споров между хозяйственными организациями стран — членов СЭВ. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1972, № 4.

Ротлейдер А. Я. Международный инвестиционный банк и его роль в дальнейшем углублении и совершенствовании сотрудничества стран — членов СЭВ. Тр. Всесоюзн. заочн. фин.-эконом. ин-та, 1972, вып. 8.

Русин Е. Углубление экономической интеграции социалистических стран. Экономика Сов. Украины, Киев, 1973, № 2.

Рывкин А. Конференция по проблемам долгосрочного планирования и прогнозирования. Вопр. экономики, 1973, № 4.

Семенова Л. Научно-техническая революция и социалистическая экономическая интеграция. «Коммунист Белоруссии», Минск, 1973, № 3.

Смирнов В. П. Методология ленинской критики антимарксистских экономических теорий. В кн. Вопросы социалистической экономики и воспитания личности. Тула, 1972.

Сорокин А. В. Равноправие — один из основных принципов сотрудничества социалистических стран. В кн. Проблемы государства и права на современном этапе, вып. 5. М., 1972.

Сорокин Ю. Н. Международная система научной и технической информации и виды услуг, предоставляемых МИНТИ организациям стран — членов

СЭВ. Бюл. координационных центров. М., 1972, вып. 1.

Старосьцяк Е. Участие трудовых коллективов в управлении предприятиями в ПНР. Сов. государство и право, 1973, № 4.

Стратиева М. С. Некоторые вопросы развития материально-технической базы рыболовства НРБ. «Мировое рыболовство», 1972, № 3.

Третьяков В. А. К проблеме сотрудничества социалистических стран путем создания совместных рыбопромышленных предприятий. «Мировое рыболовство», 1972, № 3.

Трудовые ресурсы стран СЭВ. Соц. труд, 1973, № 2.

Шелков О. Программа интеграции и совершенствования валютно-финансовых отношений стран — членов СЭВ. Научн. зап. Всесоюзн. акад. внешн. торговли, 1972, вып. 20.

Ширяев Ю. Развитие научных основ совместной плановой деятельности стран СЭВ. План. хоз-во, 1973, № 4.

Экономические методы: практика и проблемы. Симпозиум стран — членов СЭВ по обмену опытом совершенствования методов и форм планирования и экономического управления в строительстве. Экономика стро-ва, 1973, № 4.

3. Партийная жизнь

Лойко Л. В. Деятельность ПОРП по привлечению рабочего класса к непосредственному управлению производством (1950—1960 гг.). Вестн. Беларус. ун-та. Гистория, филозофия. Наук коммунизм. Экономика, права, 1973, № 1.

Фалтыс А. Против буржуазной идеологии и ревизионизма. Вопр. истории КПСС, 1973, № 4.

4. Государственное строительство. Право

Вацкова О. Против попыток ревизии марксистско-ленинского понимания женского вопроса в Чехословакии. В кн. В. И. Ленин о роли женщины в обществе и опыт решения женского вопроса в социалистических странах. М., 1972.

Вирт А. Двухединая задача. (Проблемы противоречий при социализме.) «Проблемы мира и социализма», Прага, 1973, № 2.

Вукadiniч Р. Участие югославских женщин в жизни общества. В кн. В. И. Ленин о роли женщины в обществе и опыт решения женского вопроса в социалистических странах. М., 1972.

Гуров Ю. С. Степень секуляризации молодежи в странах социализма. В кн. Формирование нового человека в период

строительства коммунизма. Чебоксары, 1972.

Диалектика прогресса. Исследовательская группа обсуждает материалы дискуссии о противоречиях в социалистическом обществе. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1973, № 4.

Динкова М. Формирование семьи нового типа в социалистическом обществе. В кн. В. И. Ленин о роли женщины в обществе и опыт решения женского вопроса в социалистических странах. М., 1972.

Зимин А. В интересах социалистического строительства. Междунар. жизнь, 1973, № 3.

Куприна О. Пенсии членам сельскохозяйственных кооперативов в Болгарии. Соц. обеспечение, 1973, № 4.

Лагадинова Е. Болгарские женщины — активные участницы социалистического строительства. В кн. В. И. Ленин о роли женщины в обществе и опыт решения женского вопроса в социалистических странах. М., 1972.

Рабочий класс стран социализма. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1973, № 2.

Ревякина Л. В. Возрастание руководящей роли рабочего класса в условиях строительства развитого социалистического общества в Болгарии. (Обзор литературы.) Науч. коммунизм, 1973, № 2.

Румянцев В. Б. Усиление гарантий верховенства Народного собрания Народной Республики Болгарии по конституции 1971 г. В кн. Проблемы государства и права на современном этапе, вып. 5. М., 1972.

Скопцов Г. По пути строительства развитого социализма. К 25-летию Февральской победы трудящихся Чехословакии. «Коммунист Узбекистана», 1973, № 2.

Трендафилов Н. Диалектика нового общества. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1973, № 3.

Фаворский А. Международное значение опыта КПСС в решении национального вопроса. Коммунист Сов. Латвии, 1973, № 3.

Фригауф Г. Источник и место чехословацких профсоюзов на современном этапе социалистического строительства. Сов. профсоюзы, 1973, № 7.

Фучикова Г. Опыт решения женского вопроса в социалистической Чехословакии. В кн. В. И. Ленин о роли женщины в обществе и опыт решения женского вопроса в социалистических странах. М., 1972.

Ягелло-Лысева Е. Новое общественное положение сельской женщины в народной Польше. В кн. В. И. Ленин о роли женщины в обществе и опыт решения женского вопроса в социалистических странах. М., 1972.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Бальцежак Я. Польская женщина в революционном и освободительном движении. В кн. В. И. Ленин о роли женщины в обществе и опыт решения женского вопроса в социалистических странах. М., 1972.

Воткович Г. Б. Деятельность компартии Западной Белоруссии по пропаганде социалистического строительства в СССР (1929—1933 гг.). Весн. Беларус. ун-та, Гісторыя, філасофія. Навук. камунізм. Эканоміка, права, Мінск, 1973, № 1.

Георгиева И., Москова Д., Радева Л. Опыт изучения системы кровного родства у болгар. Сов. этнография, 1973, № 2.

Драгнев Д. М. Динамика численности народонаселения и некоторые миграционные процессы в Карпато-Дунайских землях XVIII в. В кн. Юго-Восточная Европа в средние века. I. Кишинев, 1972.

Ерелийска М. Влияние ленинского учения на развитие революционного женского движения Болгарии. В кн. В. И. Ленин о роли женщины в обществе и опыт решения женского вопроса в социалистических странах. М., 1972.

Киряклов А. В. Борьба народов славянских стран Восточной и Юго-Восточной Европы против германского фашизма в освещении советской историографии. В кн. Проблемы германской истории. (Материалы симпозиума, состоявшегося в Вологде 15—17 окт. 1971 г.) Вып. 2. Вологда, 1973.

Королюк В. Д. О так называемой «контактной зоне» в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья. В кн. Юго-Восточная Европа в средние века. I. Кишинев, 1972.

Ливанцев К. Е. Реформация в Польше. Изв. высш. учебн. заведений. Правоведение, 1973, № 1.

Мельникова Е. Б. Борьба польских марксистов за принципы пролетарского интернационализма в дооктябрьский период. В кн. Вопросы научного коммунизма, вып. 2. М., 1972.

Михевц М. Участие женщин Югославии в революционном и освободительном движении. В кн. В. И. Ленин о роли женщины в обществе и опыт решения женского вопроса в социалистических странах. М., 1972.

Писарев Ю. А. Германо-австрийские планы на Балканах в годы первой мировой войны. «Новая и новейшая история», 1973, № 2.

Повалеев В. П. К вопросу о развитии внешнеполитической «концепции БРСДП (тесных социалистов) в дооктябрьский период (1903—1917 гг.). Уч. зап. Рязан. пед. ин-та, 1971, т. 112.

Рафалович И. А. Молдавия и пути расселения славян в Юго-Восточной Европе. В кн. Юго-Восточная Европа в средние века. I. Кишинев, 1972.

Сапожников Г. Н. Борьба узников Бухенвальда и Равенсбрюка против фашизма. Участие поляков, чехов, словаков и югославов в антифашистском подполье. В кн. Ежегодник германской истории. 1971. М., 1973.

Свиствова Л. Истоки и традиции советско-польского сотрудничества. Уч. зап. Моск. ин-та междунар. отношений. Всеобщая история, 1972, вып. 2.

Стеблич Б. А. Інтернаціональна солідарність трудящих Західної України з антифашистським рухом у капіталістичних країнах (1933—1935 рр.). Укр. іст. журн., Київ, 1973, № 3.

Сушкевич Л. П. Воззрения Анджеев Фрыча Моджевского по вопросам войны и мира. Весн. Беларус. ун-та. Гісторыя, філасофія. Навук. камунізм. Эканоміка, права, Мінск, 1973, № 1.

Флорья Б. Н. Антитурецкая коалиция и «бескорольев» 1587 г. в Речи Посполитой. В кн. Юго-Восточная Европа в средние века. I. Кишинев, 1972.

Фоменкова В. М. Польша накануне восстания 1863 года в освещении Оскара Авейде. В кн. Из истории освободительной борьбы народов за независимость. Киров, 1972.

Чертан Е. Борьба балканских народов за независимость и Россия. «Коммунист Молдавии», Кишинев, 1973, № 3.

2. Культура и наука

Алечкович М. Поэзия всегда была с нами... (Мира Алечкович — в «Иностранной литературе»). Иностран. лит-ра, 1973, № 3.

Бакш С. Социалистическая культурная революция и болгарская женщина. В кн. В. И. Ленин о роли женщины в обществе и опыт решения женского вопроса в социалистических странах. М., 1972.

Безбородов К. Основные результаты научных и технических исследований в области сельского хозяйства, проводившихся странами — членами СЭВ в 1966—1970 гг. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1972, № 4.

Болдиш Й. Библиотечные организации и органы управления и развитие библиотечной профессии в Словацкой Социалистической Республике. В кн. Профессиональная организация библиотекарей. М., 1972.

Братусь С. IV Международный конгресс по арбитражу. Москва, октябрь 1972 г. Внешн. торговля, 1973, № 4.

Будагова Л. Борющееся искусство, (О чехословацкой поэзии антифашистского Сопротивления.) Иностран. лит-ра, 1973, № 5.

Булаховська Ю. Л. Переклади «Кримських сонетів» Адама Міцкевича Буніним і Рильським. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1973, вип. 8.

Бурмістенко О. Д. Естетика драми в критичній спадщині Яна Неруди. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1973, вип. 8.

Васильков В. Н. Котарбинский о логике как науке. Вестн. Беларус. ун-та. Гісторія, філософія. Навук. камунізм. Економіка, права. Мінск, 1973, № 1.

Вервес Г. Д. Сучасні питання порівняльного вивчення слов'янських літератур. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1973, вип. 8.

Веселовский И. Н. От древних представлений — к гелиоцентрической системе мира Коперника. «Земля и Вселенная», М., 1973, № 1.

Винокур Б. И. Рабочий класс: его интернациональная природа и руководящая роль. (По материалам международного симпозиума). Рабочий класс и современ. мир. 1973, № 2.

VIII славистична конференція (Винниця, 21—24 октября 1971 г.). «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1973, вип. 8.

Гусев В. Е. Конгресс фольклористов Югославии. Сов. этнография, 1973, № 2.

Дерягин В. Я. К съезду славистов в Варшаве. Рус. речь, 1973, № 2.

Джурич С. Профессиональные ассоциации библиотечарей и библиотек в Югославии. В кн. Профессиональная организация библиотечарей. М., 1972.

Зінченко В. Г. Функції масових спен в романі А. Грасека «Ф. Л. Век». «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1973, вип. 8.

Зогович Р. Перевод и интернациональная культура коммунизма. Иностран. лит-ра, 1973, № 3.

Киселев Н. А. Из истории культурных связей Рашки с Италией и Далмацией. (Орнаментика средневековой архитектуры Рашской школы XII—XVI вв.). В кн. Юго-Восточная Европа в средние века. І. Кишинев, 1972.

Клевченя А. С. Распространение идей работы В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма» в Польше. В кн. Философское завещание В. И. Ленина и современность. Минск, 1973.

Кольцов П. Юлиус Фучик. К 70-летию со дня рождения. «Корреспондент», Ташкент, 1973, № 2.

Крементуло В. К. Из спостережень над пейзажем в поемі Адама Міцкевича «Пан Тадеуш». «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1973, вип. 8.

Кріль К. А. Зв'язки Наталії Кобринької з чехами на ниві фольклористики. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1973, вип. 8.

Лингарт Й. Психологические исследования в Чехословакии. Вопр. психологии, 1973, № 1.

Лірниченко В. А. Роль образу в ідейно-художній єдності сербської народної епіки. (Косівський цикл). «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1973, вип. 8.

Листи К. Мошинського до Ф. Колесси. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1973, вип. 8.

Манько А. В. Семинар болгаристов в Софії (3 августа 1972 г.). Вестн. высш. школы, 1973, № 2.

Мельникова К. П. Второй советско-польский симпозиум по истории русско-польских научных связей в области геологии и географии. (Ленинград, 13—18 июня 1972 г.). Вестн. Моск. ун-та. Геология, 1973, № 1.

Мишанич С. В. Сеньські усюки в сербському народному епосі. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1973, вип. 8.

Мовчанюк Г. П. Йосеф Вацлав Фріч і Марко Вовчок. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1973, вип. 8.

Небесник И. 25 лет единой школе Чехословакии. Нар. образование, 1973, № 4.

Обсуждение итогов первого Польско-Советского семинара по проблемам урбанизации. В кн. Проблемы географии расселения и сферы обслуживания. М., 1973.

Опульский А. Иван Вазов как писатель для детей и юношества. Дет. лит-ра, 1973, № 3.

Пиотровская А. Г. К типологии ранних романтических поэм Пушкина и Мицкевича. В кн. К истории русского романтизма. М., 1973.

Прилипка Я. П. Четвертый міжнародний семінар етнографів-славістів (9—22 сентября 1971 г.). Нар. творчість та етнографія, Київ, 1973, № 1.

Проект ЮНЕСКО «Славянские культуры». Лит. газета, 1973, 18 апреля.

Пуляев В. Т., Лашова Н. А. Социально-экономические проблемы рабочей силы при социализме. Вестн. Ленингр. ун-та, 1973, № 5. Экономика, философия, право, вып. 1.

Равич С. Я. Жизнь и творчество польского поэта Тадеуша Лада-Заблочного в Грузии. Тр. Тбил. пед. ин-та иностран. яз., 1972, т. 11—12.

Ровда К. И. Из истории чешско-русских литературных связей. (В. Ч. Бендл — пропагандист и переводчик Пушкина). Рус. лит-ра, 1973, № 1.

Рогов А. И. Из истории культурных связей Галиции и Молдавии с балканскими странами. (Фрески Лаврова). В кн. Юго-Восточная Европа в средние века. І. Кишинев, 1972.

Рыбка Э. Астрономия в Краковском университете XV столетия. «Земля и Вселенная», 1973, № 1.

Сарна Я. В. О философских воззрениях Станислава Игнацы Виткевича. (1885—1939). Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1973, № 3.

Севастьянов Л. И. VI Международный конгресс по экономике регионов. (Варшава, 8—22 мая 1972 г.). Эконом.-геогр. проблемы формирования территории. комплексов Сибири. Новосибирск, 1972, вып. 4.

Собкевич Т. Роль женщин в культурной жизни Народной Польши. В кн. В. И. Ленин о роли женщины в обществе и опыт решения женского вопроса в социалистических странах. М., 1972.

Сухорський С. Ф. Проблема єдності і диференційованості навчання в середніх школах соціалістичних країн. Рад. школа, Київ, 1973, № 2.

Трубецкая Л. Л. Географические аспекты XI Международного конгресса по ономастике (София, 28 июня—4 июля 1972 г.). Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1973, № 1.

Туманян Б. Е. Распространение идей Коперника в Армении. В кн. Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 4. (41) М., 1972.

Тюльпанов С. И. Высшее образование в Болгарии на новом этапе. Вестн. высш. школы, 1973, № 2.

Чернейко Г. Новый Болгарский журнал — «Международные отношения». Междунаур. жизнь, 1973, № 2.

Шевчук В. И. Всесоюзная конференция о проблем порівняльного вивчення слов'янських літератур (Москва, 18—20

мая 1971 г.). «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1973, вип. 8.

Шевчук В. И. Тематичні і сюжетно-образні аналогії в сатирі й науковій фантастиці східних і західних слов'ян XX ст. (Спроба типологічного зіставлення). «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1973, вип. 8.

Шекара Л. Из истории русско-сербских литературных взаимосвязей («Хасанагиница» в русских переводах). Рус. лит-ра, 1973, № 1.

3. Языкознание

Иванова Т. К вопросу о выражении принадлежности в современном сербохорватском языке. В кн. Ленинградский университет им. А. А. Жданова. Филологический факультет. Материалы научной студенческой конференции филологического факультета ЛГУ. Л., 1972.

Морозова М. И. Вопросы синтаксиса в чешской литературе. Изв. Воронежского пед. ин-та, 1972, т. 116.

Откупщиков Ю. В. О древнем названии хлеба в балтийском, славянском и германском. Изв. АН ЛатвССР, 1973, № 2.

Топоров В. Н. К вопросу о балтизмах в славянских языках (теоретический взгляд). Изв. АН ЛатвССР, 1973, № 2.

Фролова И. А. Способы выражения синтаксического лица в древнеславянском предложении. (По Синайскому патерику). Изв. Воронежского пед. ин-та, 1972, т. 126.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1973, № 2

Новый этап в политике партии за повышение жизненного уровня народа; А. Адемюв. Поджог Рейхстага и новые защитники действительных его авторов; Ив. А. Божилев. Болгария и печенеги (896—1018 гг.); Ив. Филипов. Отношение фабрикантов к рабочим законам и состав комитетов труда в Болгарии; К. Поглубко, Н. Червенков (СССР). Связи болгар, обучающихся в России, с русским революционным движением (50—70-е годы XIX в.); И. Д. Списаревская. О правовом режиме дубровницких колоний в болгарских землях под османским игом (XV—XVI вв.).

«Литературна мисъл», 1972, № 5

П. Диников. Изображение человека в «Истории славеноболгарской»; Г. Гачев. Национальный образ мира; А. Анчев. Димитр Димов и Достоевский; К. Генев. Концепция человека

и творческое своеобразие писателя; С. Янев. Журнал «Художник» и ранний болгарский символизм; Л. Минкова. Богарин в русской литературе.

№ 6

На пути к социалистической классике; П. Зарев. К новым вершинам в претворении нашей социалистической современности; К. Топалов. Иван Давидков; Л. Григоров. Станка Пенчева; Г. Неделчев. Иван Николов; Б. Делчев. Из моего блокнота; Г. Димов. К целостным и разносторонним сравнительно-историческим исследованиям литературных явлений и процессов; Е. Мутафов. К синтетической художественной организации.

1973, № 1

Г. Цанев. Поиски новых путей — поэзия пролеткульта и Христо Смирненский; И. Тодоров. Еще раз о подлинном тексте последнего стихотворения

Христо Ботева; Ц. Унджиева. Жанровые особенности фельетона «Вам этого не миновать»; П. Тотев. Вернуться бы...; Р. Тодорова. Внутренний монолог — основной композиционный элемент в повести Богомила Райнова «Дороги в никуда»; Г. Мичев. Эстетический вкус и эстетическое наслаждение.

«Език и литература», 1973, № 1

С. Станчев. Гердер и славянство; С. Петрова. Некоторые наблюдения над подчинительными предложениями причины и союзом *защото*; Л. Назарова. Базаров И. С. Тургенева и его потомки в русской литературе 80—90-х годов XIX в.; В. Константинова. Суффикс *-ств* в современном болгарском литературном языке; С. Русакив. Новые поэтические сочинения Платона Воронько; Б. Норман. Словосочетание и словосложение — синтез значения и формы; Н. Край. Опыт типологии польской драмы в эпоху просвещения и романтизма; Н. Косек. Лексическая интерференция в болгарских говорах на территории Украинской ССР.

№ 2

В. Велчев. Парижская коммуна в творческом развитии Христо Ботева; С. Семчинский. Данные болгарских народных говоров и румынские слова латинско-славянской этимологии; М. Желев. Поэтическое слово Елисаветы Багряны; В. Косека. Некоторые лексические и словообразовательные особенности болгарских диалектов в сравнении с другими славянскими языками; Е. Теодоров. Происхождение некоторых преданий и легенд в Лудогории; А. Григоров. Названия сел *Горна* и *Долна Вереница*; О. Охрименко. Творческие связи Павла Тычины с Болгарией.

«Przegląd Historyczny», 1973, № 1

Я. Тышкевич. Осваивание славянами Понеманья в VI—XI вв.; М. Тымовский. Город и деревня в Западном Судане в XIV—XVI вв.; А. Дзюбинский. Гданский корабль «Augustus III Rex Poloniae» на алжирской службе в 1749—1751 гг. (Из истории пиратства и рабства в Алжире); З. Либишовская. Джемс Дарно и его миссия; Ф. Рамотовская. «Великая провокация» 1864 г. в свете недавно выявленных архивных материалов; С. Бенбенек. Образ грядущей Польши в программе группы «Шанец».

«Pamiętnik Literacki», 1973, № 1

С. Эйле. Диалектика «Куклы» Болеслава Пруса; Т. Вейсс. Станислав Пшибышевский и романтизм; Э. Фронц-

ковьяк. В поисках мировоззрения. Интерференция «Границы» Зофьи Налковской; Э. Кузьма. Концепция поэтического языка в теориях польского экспрессионизма. (Поэтическая группировка «Здруй»); Г. Ковалевич. Средневековая поэзия польских жавок; О. М. Сельберг. Очерк Станислава Пшибышевского «Ein Unbekannter» в свете новых материалов.

«Język Polski», 1973, № 1

Е. Островская. О языке описаний природы в песнях Яна Кохановского; М. Зарембина. Статистическая структура диалектного текста (на примере текста из д. Зомб, Новотарского повета); М. Граховский. Семантическое понятие орудия действия (опыт интерпретации); М. Возный. Говор Макова и говор окрестных сел. (Несколько замечаний об исчезновении говора); Э. Брезга. Диалектные тексты (северокашубские); Я. Сеткович. Материалы к пастьешской лексике Живецкого Бескида; Т. Шиманский. Польские словарные мелочи. 1. Диал. *przyd*; А. Стеффен. Этимологические заметки; Ю. Спытковский. Фольклор окрестностей Кракова в моих воспоминаниях.

«Československý časopis historický», 1973, № 2

Л. Сущко. Немецкая политика по отношению к Словакии и Закарпатской Украине от сентябрьского кризиса 1938 г. до раздела Чехословакии в марте 1939 г.; Т. Войтех. Политические взгляды Виктора Дька; Й. Полишенский. Кризис испанского колониального общества и аграрный вопрос; Я. Гаскова. К вопросу о добыче и обращении серебра во время Иржиги Подебрадского.

«Slovanský přehled», 1973, № 2

В. Краль. За марксистскую концепцию национальной истории; Й. Кочи. Иосиф Юнгманн и чешское национальное Возрождение; К. Герман. Советская Россия в чешской рабочей печати в 1918 г. (окончание); Б. Легар. Развитие экономического сотрудничества стран — членов СЭВ в 1958—1962 гг. (окончание).

«Česká literatura», 1973, № 1

Л. Штолл. 50 лет СССР; М. Храпченко. О некоторых основных направлениях литературоведческих исследований; С. Волман. К методологии сравнительного изучения чешской и русской литератур; Р. Кузнецова. Характер гротеска у Вануры; В. Форст. Пути чешской литературы в СССР; М. Каган. Литература как:

наука о человеке; А. Мылъников. К вопросу о чешско-русских связях эпохи Просвещения.

№ 2

Г. Грзалова. 25 годовщина Февраля и чешская социалистическая литература; Я. Дворжак. Логика развития личности и творчества Б. Вацлава; Р. Пытлик. Швейк как литературный тип; С. Востокова. Бравый солдат Швейк глазами советских читателей.

«Slavia orientalis», 1973, № 1

Э. Папля. Николай Гумилев — теоретик и критик литературы; Я. Салайчик. Из наблюдений над стилем ранней прозы Леонида Леонова; Е. Фарыно. Поэтический язык Евгения Винокурова; М. Кузьмин. Литературный очерк Ефима Дороша; Э. Вольнич. Древние польские и украинские антропониимы в селе Вара (бжовского района); М. Лесюв. Украинские говоры в народной Польше.

«Slovenská literatúra», 1973, № 1

В. Кохол. Двадцать пять лет после победоносного Февраля; В. Турчаны. Антические (количественные) размеры Яна Коллара; З. Сойкова. Людовит Штур на страницах «Гласа»; Ю. Ногге. Замечания к концепции и методологии исследования словацкой прозы 20-х годов; С. Ракус. К поэтике новеллы Червеня; А. Багин. Авторская стратегия в тексте; А. Бациглова. Пространство в поэзии Мирослава Валека.

«Slavia», 1973, № 1

Я. Белич. Лексические различия на территории чешского языка с точки зрения отношений к другим славянским языкам; И. Немец. О межславянских различиях в продуктивности словообразовательных формантов на *-с(-ц-)*; Я. Паневова, П. Сгалл. Время и вид чешского и русского глагола; К. Кожевникова, В. Барнет, К. Хлупачова [и др.]. Проблемы общо-разговорного языка, особенно русского; Я. Петр. Итальянско-чакавское пособие по языку 1527 г.; К. Крейчи. Балзаковское «убийство мандарина» в творчестве Ф. М. Достоевского; З. Матхаузер. Онтологическо-стилистическая модель произведения романтизма; В. Бехинова. Южнославянский романтический эпос и древняя литература; П. Винцер. Мотивы Аполлинера в польской, чешской и словацкой поэзии авангардизма.

«Slovenská reč», 1973, № 1

Л. Двонч. О продуктивности некоторых словообразовательных суффиксов; Я. Сабол. Исследование и интерпретация ритмических тенденций текста; М. Мочарева. Лексические варианты фразеологических единиц; М. Майтанова. Слова *kažeň* в словарном составе древнего словацкого языка; Ш. Ондруш. Венгерского ли происхождения слово *chotár*?

№ 2

Ш. Педцар. Вспоминаем 25 годовщину победоносного Февраля; Э. Йона. Грамматика и взгляды Викторина на литературный язык; Ш. Ондруш. Греко-латинского ли происхождения слово *doska*?; Я. Оравец. Синтаксические отношения членов в согласованных сочетаниях существительных; Й. Младек. О частотности членов предложения в связном тексте; И. Рипка. О проблематике диалектных словарей; Г. Горак. О классификации придаточных предложений.

«Jezik», 1971—1972, № 4—5

А. Менац. О написании русских имен; С. Бабиц. Производные с суффиксом *-ica* от именных основ; Д. Брозович. Об одном интересном, но и спорном акцентологическом труде — размышления о генезисе, системе и норме; В. Вулетиц. Речь и стилистика; Е. Барич. Об обиходном и терминологическом употреблении слов *pečat* и *žig*; Д. Алериц. О написании некоторых слов с некавским рефлексом ятя.

1972—1973, № 1

З. Винце. Людовит Гай и хорватский литературный язык; Д. Брозович. О некоторых основных вопросах орфографической и орфоэпической нормы; В. Анич. Причинные значения падежей в языке Миховила Павлиновича.

№ 2

Л. Йонке. Литературный и разговорный язык в СР Хорватии; Д. Брозович. Роль боснийско-герцеговинских францевцев в формировании языка хорватской литературы и культуры (от Дивковича до Грге Мартича); К. Пранич. Можно ли в текстах Грге Мартича найти что-либо вдохновляющее для языка и в настоящее время? В. Анич. Причинные значения падежей в языке Миховила Павлиновича.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ Ю. ФУЧИКА

23 февраля—день рождения национального героя Чехословакии Юлиуса Фучика, в этом году ему исполнилось бы 70 лет.

Студенты и преподаватели кафедры славянской филологии Ленинградского государственного университета отметили эту дату торжественным заседанием, которое было подготовлено членами СНО под руководством доц. И. М. Порочкиной. На очередную «Славянскую пятницу» были приглашены члены чехословацкого землячества и пионерской дружины им. Ю. Фучика; почетными гостями были артист Театра имени Ленинского комсомола, лауреат Государственной премии М. А. Розанов и ленинградский поэт П. Н. Ойфа.

Во вступительном слове И. М. Порочкина, являющаяся членом Правления Ленинградского отделения Общества советско-чехословацкой дружбы, рассказала о большом значении деятельности Ю. Фучика в деле укрепления чехословацко-советской дружбы в предвоенные годы.

С интересным докладом о яркой жизни и многосторонней журналистской деятельности Юлиуса Фучика выступил Зденек Коварж, студент III курса факультета журналистики Ленинградского университета, приехавший к нам на учебу из Чехословакии.

Произведениям Фучика о Советском Союзе посвятил свой доклад студент V курса чешского отделения Е. Тимофеев. О том, как много сил отдал Фучик пропаганде знаний об СССР в Чехословакии, свидетельствуют цифры: 370 лекций за один год прочитал он после своей первой поездки в Москву (в 1930 г.).

С сообщением «Фучик о русской и советской литературе» выступил студент II курса чешского отделения А. Андреев. Ю. Фучик не только пропагандировал произведения русских и советских писателей, но и активно боролся за постановку советских пьес в буржуазной Чехослова-

кии. Так, в 1937 г. он выступил с протестом против запрещения постановки пьесы А. Корнейчука «Гибель эскадры».

Об изданиях «Слова перед казнью», или «Репортаж с петлей на шее», в Советском союзе собрала и представила материал первокурсница Л. Григорьева.

В выступлении студентки I курса чешского отделения Н. Будаевой «Об образе Ю. Фучика в советской драматургии» были рассмотрены пьесы «Прага остается моей» Бурыковского и «Дорогой бессмертия» В. Брагина и Г. Товстоногова.

Исполнитель одной из главных ролей в пьесе Товстоногова в ленинградском Театре им. Ленинского комсомола М. А. Розанов поделился воспоминаниями о том, как создавался этот новаторский для своего времени спектакль (1951 г.).

Поэт П. Н. Ойфа прочитал перед собравшимися свою «Балладу о Юлиусе Фучике», написанную по горячим следам событий в 1948 г., а также стихотворение, созданное на основе переписки с Густой Фучиковой.

О своей встрече с женой чехословацкого героя в 1956 г. рассказала ст. преподаватель кафедры Е. С. Андреева.

Представитель дружины им. Ю. Фучика 432 школы г. Ленинграда, ученица 10 класса Галя Осипова говорила о большой работе по созданию музея Ю. Фучика в их школе, о поездке на родину героя, о его книгах, которые они читают и о сочинениях, которые пишут о нем, об обширной переписке с чехословацкими друзьями и об изучении чешского языка.

Заведующий кафедрой славянской филологии Ленинградского университета проф. П. А. Дмитриев в своем заключительном слове коснулся значения героического примера Ю. Фучика в воспитании молодежи в духе любви к Родине и преданности коммунистическим идеалам.

Н. К. Жакова, Р. Х. Тугушева

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ

В Институте славяноведения и балканистики АН СССР с 12 по 14 декабря 1972 г. проходила конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Она привлекла внимание широкой научной общественности. В работе конференции приняло участие более 100 человек из 11 городов (Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Вильнюса, Томска, Тбилиси и др.) и более чем из 25 учреждений (институтов АН СССР и Академий наук союзных республик, университетов, издательства и др.). Конференция была приурочена к выходу в свет книги В. М. Иллич-Свитыча «Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский)» (М., 1971) и посвящена его памяти.

За время, истекшее со дня выхода в свет, книга В. М. Иллич-Свитыча стала заметным явлением в языковедении. Вышло несколько рецензий видных зарубежных ученых, в которых исследованию В. М. Иллич-Свитыча дается высокая оценка¹. У нас в стране и за рубежом книга В. М. Иллич-Свитыча стимулировала появление серьезных исследований не только непосредственно в области ностратического языковедения, но также в индоевропеистике, алтаистике, урاليистике и т. д.

Вступительным словом о В. М. Иллич-Свитыче открыл конференцию С. Б. Бернштейн. Он сказал: «Это уже не первая конференция по сравнительной грамматике индоевропейских языков, которую мы проводим в Москве. Однако данная конференция имеет свою специальную задачу. Мы решили на ней обсудить прежде всего проблемы взаимоотношений индоевропейской семьи языков с неиндоевропейскими языками Старого Света. Вот почему нам предстоит познакомиться со многими вопросами, далеко выходящими за рамки собственно индоевропейского языковедения. Естественно, что в нашей конференции принимают участие не только индоевропеисты, но и специалисты по алтайским, уральским, семитохамитским и другим языковым группам.

Интерес к вопросам генетического родства основных языковых групп Старого Света в нашей стране возник совсем недавно. После появления первых работ по данной проблематике прошло всего несколько лет. Однако в настоящее время в этой трудной области языковедения уже работает много молодых ученых. В этом заслуга В. М. Иллич-Свитыча, труды ко-

торого помогли преодолеть известное недоверие к подобного рода сравнительным штудиям. Расширились и рамки сравнений. В. М. Иллич-Свитыч построил свой этимологический словарь на материале индоевропейских, семитохамитских, уральских, алтайских, картвельских и дравидийских языков. Теперь уже широко привлекаются данные других языков Азии и Африки.

Интерес к подобного рода исследованиям наблюдается и в зарубежном языковедении. И здесь нередко публикуются труды, в которых на основе сравнения индоевропейских языков и неиндоевропейских производятся различного рода реконструкции. В качестве примера можно указать на монографию Линуса Бруннера «Die gemeinsamen Wurzeln des semitischen und indogermanischen Wortschatzes. Versuch einer Etymologie. Bern — München, 1969. Выход компаративистов за пределы индоевропейских языков объясняется большими достижениями в области этимологических исследований неиндоевропейских языков Старого Света. Сопоставления языков Старого Света в прежнее время не давали значительных результатов, так как лингвисты плохо знали историю этих языков. Во времена Х. Педерсена можно лишь было высказывать различные предположения и догадки, но убедительных аргументов в руках ученых не было. Теперь положение изменилось коренным образом. Об этом, между прочим, может свидетельствовать замечательный труд Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани «Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры» (Тбилиси, 1965).

Впервые в истории языковедения В. М. Иллич-Свитыч выявил около 600 общих корневых морфем, представленных в очень архаической лексике. По компетентному мнению специалистов, сопоставления В. М. Иллич-Свитыча отвечают современному уровню этимологий. Теперь уже нельзя так легко отвергать возможность родства основных языковых групп Старого Света, как это делали лингвисты прошлого. Обнаружена значительная общность корневых форматов, их значений. Эту общность нужно объяснить. Вероятно, часть этимологий В. М. Иллич-Свитыча в дальнейшем будет отвергнута, много этимологий будет предложено новых, но бесспорно одно: Иллич-Свитыч предложил на основе строго разработанной методики целую систему этимологических соответствий, которая впервые превратила ностратику из области гипотез и предположений в строгую область сравнительного языковедения. В настоящее время задача состоит не в том, чтобы признавать или отрицать ностратическую гипотезу, а в том, чтобы кропотливо и тща-

¹ См. рецензии: В. Пизани в «Archivio Glottologico Italiano», vol. 57, 1972; Н. Поше в «Finnisch-ugrischen Forschungen», t. 39, 1972; Р. Эккерта, Е. Паломе и др.

тельно изучать новые материалы, привлекать новые языки.

В. М. Иллич-Свитыч прожил недолгую, но яркую жизнь. За очень короткий срок он основательно изучил много языков различных групп. Его работы по славянскому, балтийскому языкознанию получили высокую оценку специалистов. Он отлично владел достижениями картвельской этимологии, серьезно знал алтайские языки, хорошо был знаком с семитологией. Из неиндоевропейских языков он имел особую глубокую познания в области тюркских языков, которыми он основательно занимался еще в университете. Его открытия в области алтайского консонантизма признаны большинством ученых.

Сила В. М. Иллич-Свитыча состояла в строгости его метода, в высокой культуре труда, в умении извлекать новые факты, в неожиданном сопоставлении старых фактов. Он обладал сильным аналитическим умом. В то же время он был очень самокритичен. Так, он признал ошибочными ряд положений в своих ранних работах, посвященных ларингальной теории в праславянском.

* * *

На конференции было прочитано и обсуждено 30 докладов, большинство которых так или иначе связано с новейшими открытиями в области ностратического языкознания². Первым был прочитан совместный доклад А. Б. Долгопольского, В. А. Дыбо и А. А. Зализняка (Москва) о вкладе В. М. Иллич-Свитыча в индоевропейское и ностратическое языкознание. (Текст этого доклада публикуется выше, стр. 82—91.)

Интересный в теоретическом аспекте доклад сделали Т. В. Гамкрелидзе (Тбилиси) и Вяч. Вс. Иванов (Москва) «Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных». Авторы полагают, что необходимо учитывать типологические критерии лингвистического вероятия реконструируемой системы (фонологической и морфологической), причем важны как синхронические типологические данные, так и данные диахронической типологии. Пересмотрев традиционную реконструкцию трех серий индоевропейских смычных (звонкие, звонкие придыхательные, глухие) в ее соответствии с данными синхронной и диахронической типологии, авторы получили несколько иную систему, где I серия реконструируется как незвонкие глоттализованные, а III серия — как глухие придыхательные.

² Тезисы докладов опубликованы отдельной брошюрой (6 п.л., 400 экз.): «Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12—14 декабря). Предварительные материалы». М., 1972.

В докладе Т. В. Гамкрелидзе («О соотношении смычных и фрикативных в фонологической системе»), который не зачитывался на конференции, предложено решение одной из основных задач фонологического анализа — определение компонентного состава фонемных единиц в терминах дифференциальных признаков. Богатый материал, иллюстрирующий мысль Гамкрелидзе о двух основных типах сочетаний признаков — маркированном и немаркированном — привела в своем докладе И. Г. Меликишвили (Тбилиси).

Доклад Н. Д. Андреева (Ленинград) явился попыткой путем интерпретации раннеиндоевропейских «ларингальных» как небных спирантов разрешить некоторые противоречия концепции, которая исходит из того, что раннеиндоевропейский корень состоял из двух согласных и силлабемы.

Исследование Д. И. Эдельман (Москва) системы трех рядов гуттуральных в индоиранских языках (язгулямском, кашмирском и, возможно, языке кати) и наблюдения над изменением этих рядов согласных в диахронии типологически подтверждают возможность индоевропейской тройной системы гуттуральных и объясняют ее перестройку.

В сообщении В. В. Шеворошкина (Москва) прослеживаются различия между двумя рядами согласных («ларингальными» и смычными) в поздних хеттолувийских языках, давших в других индоевропейских языках рефлексы «ларингальных», и предлагается их ностратическая интерпретация.

Восстанавливая рефлексы индоевропейского **d(e)ǵēu-* в фракийских языковых реликтах, Л. А. Гиндин (Москва) пришел к выводу о четырех продолжениях этого индоевропейского корня (по консонантному началу): группы с *d-* и *z-* в анлауте Гиндин считает исконными фракийскими продолжениями, а группы с *t-* и *s-* — возможными заимствованиями из хеттолувийских языков.

Ряд фактов, поддерживающих реконструкцию В. М. Иллич-Свитыча консонантной системы алтайских языков, был приведен в докладе В. И. Цинциус (Ленинград). Опираясь в основном на данные тюркских и тунгусо-маньчжурских языков, Иллич-Свитыч реконструировал алтайскую трехчленную оппозицию у трех рядов согласных: губных — переднеязычных — заднеязычных. В. И. Цинциус обращает внимание на данные корейского языка, где эта оппозиция распространяется на среднеязычные, что, по его мнению, может быть первичным.

В докладе О. С. Широкова (Москва) рассматривался вопрос о фонологическом сходении греческих, армянских, грузинских и семитских серий согласных.

Доклады В. А. Дыбо (Москва) и И. М. Стеблина-Каменкова (Ленинград), посвященные рефлексам индоевропейского

ударения в индоиранских языках, показали новые неожиданные источники изучения индоевропейского ударения.

О двух проблемах древнеиндийской морфологии говорил в своем выступлении А. А. Зализняк (Москва): о различии морфологического и морфонологического слова и морфонологическом описании языка по многоуровневой схеме, которая во многом соответствует предистории древнеиндийского языка. А. А. Зализняк показал также закономерности выбора ударения в глаголе при вторичной тематизации.

Ряд докладов представлял собой разysкания в области исторической грамматики и синтаксиса индоевропейских языков: В. В. Иоффе (Ростов-на-Дону) — «Происхождение и развитие категории рода в праиндоевропейском»; И. И. Ревзин (Москва) — «Семантика праславянского и индоевропейского родительного в свете гипотезы Бенвениста»; Г. А. Климов (Москва) — «Типология языков активного строя и реконструкция протоиндоевропейского»; Вяч. Вс. Иванов — «Сравнение поверхностных и глубинных структур как метод реконструкции общиндоевропейского и раннеобшеславянского синтаксиса».

С большим вниманием был выслушан доклад О. Н. Трубочева (Москва), показавший новый этап развития этимологических исследований. Исходя из того, что можно говорить о преимущественных или исключительных латинско-славянских древних языковых связях, О. Н. Трубочев рассматривает несколько латинско-славянских лексических параллелей, например, латин. *vennum dare* (*venundare, vendere*) — слав. **věno dati*, латин. *palus-ūdis* — слав. **pola voda*, которые дают возможность проследить переход от словосочетания к слову-сложению (или от слова к древнему тексту).

Оживленную дискуссию вызвал совместный доклад Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общиндоевропейского языка», в котором выдвигается гипотеза, допускающая индоевропейскую прародину на территории Восточной Анатолии, Южного Кавказа, Севера Иранского Плоскогорья.

На конференции были представлены доклады по проблемам ностратического языкования. Реконструкцию некоторых фрагментов общеностратической грамматической системы (системы служебных местоименных слов и ностратического синтаксиса) предложил в своем докладе А. Б. Долгопольский (Москва).

В докладе Л. Палмайтиса (Вильнюс) на материале четырех языковых групп: индоевропейской, семитохамитской, уральской и алтайской — делается попытка восстановить два ряда личных местоимений (эргативных и абсолютных).

Г. К. Вернев (Таганрог) показал индоевропейско-енисейские типологические параллели на примере категории рода, эргативных конструкций, а также некоторых фонетических черт и ряда словосложений.

Выступление этнографа А. К. Захарова (Москва) было посвящено анализу значения ряда ностратических терминов родства, реконструированных В. М. Иллич-Свитычем, в свете новейших данных этнографии и археологии.

Ряд докладов был сделан молодыми исследователями, недавними выпускниками и студентами МГУ (часть из них была подготовлена под руководством и в соавторстве с А. Б. Долгопольским): Н. С. Панова, А. Б. Долгопольский, В. Я. Порхомовский — «Центральночадские фонемы и этимология центральночадских корней в свете данных внешнего сравнения»; А. Н. Головастик, А. Б. Долгопольский — «Реконструкция чукотско-корячских корней и ностратические этимологии»; Е. А. Хелимский — «Селькупские дополнения к ностратическим этимологиям»; Г. М. Келлерман — «Древнехеттская и западноностратические глагольные системы (К типологии апофонии)»; В. А. Терентьев — «Ностратическое название указательного пальца». Особо нужно отметить доклад С. А. Старостина «К проблеме реконструкции праапонской фонологической системы», где проводится строгая и надежная реконструкция праапонской фонологической системы на базе древнеяпонского языка VIII в. и путем сравнения этого материала с обширным диалектным материалом. Любопытно проведенное автором сравнение 30 праапонских корней с ностратическими, подтвердившее возможность включения японского языка в сферу ностратических сопоставлений. Эти доклады показали, что Московский университет подготовил серьезные кадры специалистов по ностратическому языкованию. Конференция в своих решениях отмечает успешное чтение в МГУ курса лекций по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских и других ностратических языков.

Ряд интересных докладов не зачитывался на конференции, но тезисы их опубликованы в упомянутой выше брошюре, например, И. М. Дьяконова (Ленинград) — «Проблема протоафразийской глагольной системы»; В. Н. Топорова (Москва) — «*Tel-p-n, *tal-p-n в свете ностратической перспективы»; В. А. Дыбо (Москва) — «Об уральском вокализме» и др.

На конференции была заслушана информация В. А. Дыбо о состоянии работы над II томом «Ностратического словаря» В. М. Иллич-Свитыча и о задачах, которые стоят перед редакционно-издательской группой, работающей над книгой.

Конференция в своих решениях отметила, что советское языкование сохраняет приоритет в разработке ностратичес-

ских исследований. Конференция единодушно приняла решение об обращении в Комитет по Ленинским и Государственным премиям в области науки и техники при Совете Министров Союза ССР с ходатайством о присуждении В. М. Иллич-Свитычу (посмертно) Государственной премии за его исследования в области сравнительно-исторической грамматики

шести семей языков Старого Света, отмечая при этом особую значимость ностратических исследований для изучения языков народов нашей страны, основная масса которых относится либо к числу ностратических языков, либо к числу языков, сопоставляемых с ностратическими.

Р. В. Булатова, С. Б. Бернштейн

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ

22 марта 1973 г. на филологическом факультете Ленинградского университета состоялась защита В. Д. Андреевым докторской диссертации на тему «Литература демократического единства и проблемы реализма XX в. (на материале болгарской прозы 1920—30-х годов)». Оппоненты — д-ра филол. наук В. И. Злыднев, Н. П. Михальская и А. В. Русакова дали высокую оценку диссертации. Ими был отмечен серьезный вклад диссертанта в разработку теоретических проблем эстетики социалистического реализма, в изучение болгарской литературы. Автор диссертации ввел в научный обиход много нового фактического материала, который представлен в определенной системе и подвергнут четкой классификации. В работе анализируются эстетические воззрения и социальная психология творческой интеллигенции, раскрывается индивидуальное стилевое своеобразие творчества ряда болгарских писателей-реалистов.

Понятие «литературы демократического единства» отражает в диссертации специфический процесс консолидации работников национальной культуры Болгарии на антифашистской платформе Народного фронта. Исследуя взаимоотношения между пролетарской революционной литературой и идеологией попутничества, а также дифференцированно рассматривая заслуги и просчеты социологического направления в болгарской марксистской критике того периода, автор диссертации обратил особое внимание на формирование реализма нового типа, условно называемого реализмом XX в., имеющего в каждой стране свои национальные особенности и в то же время множество временных совпадений и соответствий в различных литературах Европы. По мнению А. В. Русаковой, работа В. Д. Андреева с очевидностью доказывает тот факт, что не только самые общие постулаты, но все основные эволюционные элементы дают представление о типологической общности. В представленном исследовании как раз интересна эта сторона наблюдений, показывающая единство общих путей при разнообразии частных форм.

Положительно оценивая удачное стремление диссертанта поставить изучаемые проблемы одной национальной славян-

ской литературы в контекст общеевропейского культурного и литературного движения, оппоненты высказали пожелание усилить сопоставление национальных вариантов явлений мирового литературного процесса в типологическом плане (общие закономерности в развитии пролетарского литературного движения и других литературно-художественных направлений, развитие некоторых литературных жанров, форм реалистической условности и др.).

Критические замечания в адрес автора диссертации высказал В. И. Злыднев, по мнению которого порою недостаточно обоснованными являются трактовки различных этапов становления литературы демократического единства. Положительно оценивая содержащийся в диссертации анализ эстетической сущности реализма таких крупных мастеров национальной прозы, как Г. Райчев, Г. Стоматов, Й. Йовков, А. Карайличев, А. Страшимиров и др., В. И. Злыднев обратил внимание на то, что порою допускается неточная и неполная оценка отдельных произведений реалистической прозы (К. Петканов, Л. Стоянов, Г. Караславов), с чем диссертант согласился. В то же время В. Д. Андреев решительно возразил против тезиса оппонента о «несущественности „выходов“ в нереалистическую прозу 1910—20-х годов», указав, что в работе он стремился показать процесс трансформации нереалистических средств изображения у таких авторов, как Н. Райков, Л. Стоянов, Г. Милев и др., и экскурсы в нереалистическую прозу были необходимы для анализа взаимодействия реализма с родственными и неродственными художественными направлениями.

На ученом совете были оглашены отзывы на автореферат диссертации, поступившие из Болгарии: из Софийского университета им. Кл. Охридского, подписанный проф. Г. Веселиновым и канд. филол. наук Ж. Видевым; из Института литературы Болгарской АН, подписанный проф. С. Божковым. Болгарские коллеги дали высокую оценку работе В. Д. Андреева.

Ученый совет единогласно присвоил В. Д. Андрееву ученую степень доктора филологических наук.

Г. Сафронов

АКАДЕМИК ЛЮДМИЛ СТОЯНОВ

11 апреля 1973 г. на 86 году жизни скончался действительный член Болгарской академии наук, выдающийся болгарский писатель и общественный деятель, большой друг Советского Союза Людмил Стоянов (Георги Стоянов Златаров).

Богатый жизненный и творческий путь Л. Стоянова — это путь неустанных поисков справедливости, путь борьбы за идеи гуманизма и высокие социалистические идеалы.

Испытавший в начале творческого пути влияние модернизма, Л. Стоянов в пору писательской зрелости перешел в позицию революционного искусства. Связь с народом, с передовыми устремлениями своего времени позволили Л. Стоянову создать такие замечательные произведения, как «Серебряная свадьба полковника Матова» (1933), антивоенная повесть «Холера» (1935), историческая повесть «Мехмед Синаш» (1936). Одной из лучших поэтических книг Стоянова стал сборник стихотворений «Земная жизнь» (1939), в котором нашли воплощение и поэтические мечтания автора, и его вера в зарю социального обновления. Печатавшиеся в 30-е годы страстные антифашистские статьи писателя составили волнующую книгу «Путь маятника» (1945). Эти произведения вошли в сокровищницу болгарской социалистической литературы, а их автор в глазах болгарской и передовой международной общественности стал выразителем совести и сознания народной болгарской интеллигенции.

После освобождения Болгарии от фашизма Л. Стоянов вступает в ряды Болгарской коммунистической партии, становится одним из активнейших строителей новой социалистической культуры.

Новые произведения писателя — роман «На рассвете», сборник стихотворений «За железным занавесом», повесть «Детство», а также выход собраний сочинений Л. Стоянова и сборников литературно-критических статей — «О литературе, искусстве и культуре» (1959), «Народ и писатель» (1961) и др. — стали выдающимися событиями в культурной жизни Болгарии. Признанием большого вклада

писателя в национальную литературу и культуру явилось избрание Л. Стоянова в члены Болгарской академии наук (1946), присвоение ему званий Героя социалистического труда НРБ (1963) и Народного деятеля культуры Болгарии (1963).

В течение ряда лет он возглавлял Союз болгарских писателей, был директором Института литературы Болгарской академии наук (1949—1959), избирался депутатом Народного собрания, был постоянным членом Всемирного Совета Мира с момента его основания.

Л. Стоянов был в Болгарии одним из ревностных популяризаторов русской классической и советской литературы. Под его редакцией и при его непосредственном участии в переводах в 1942 г. вышло первое в Болгарии Собрание сочинений А. Пушкина в 10 томах. Итогом его многолетней работы над переводами М. Лермонтова явилось пятитомное издание сочинений русского поэта (1942). За большие заслуги в ознакомлении болгарской общественности с классической русской и советской литературой Советское правительство наградило Л. Стоянова в 1948 г. орденом Трудового Красного знамени, а Союз советских писателей в 1972 г. удостоил его премии имени М. Горького.

Выдающийся болгарский писатель проявлял живой интерес к работе Института славяноведения и балканистики АН СССР. Встречи с писателем, откровенные разговоры по самым животрепещущим проблемам современности, литературы всегда оставляли глубокое впечатление. Он был взыскателен и добродушен, настойчив и непреклонен в утверждении дорогих ему идей. Он был большим патриотом и пламенным интернационалистом.

В сознании советских читателей, советских ученых-славистов Л. Стоянов навсегда останется взыскательным художником слова, гуманистом, выразителем передовых национальных традиций болгарской культуры и литературы, нашим верным другом.

В. И. Злыднев

CONTENTS

- I. Kostyushko.* Fighting Traditions of the Popular Polish Army. *M. A. Birman.* The Bulgarian Proletariat's Revolutionary Movement in 1918—1923 and Anti-Fascist September Revolt, 1923. *S. Michalkjewich* (Poland). The Structure of Silesia's Working Class at the Second Part of the XIX-th Century. *E. A. Knyazetskaya.* Russia's Connections with Dalmacia and Boka Kotorska under Peter the First. *A. P. Grickjevich.* The Documents on the History of «Vybrancy» at Sluck as a Source on the Peasant Generalogy. *V. Mochalova.* The Comedy of the «Rybalty» in the History of the Polish Drama of the First Quarter of the XVII-th Century. *A. B. Dolgopolsky, V. A. Dybo, A. A. Zaliznyak.* Contribution of V. M. Illich-Svitych in the Comparative-Historical of the Indo-European and Nostratic Languages 3

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

- S. M. Tolstaya.* The Modern State of the Polish Dialectology (the Berief Bibliographical Review). *E. P. Pugach, V. V. Marjina, G. P. Muraschko.* The Path of the Czechoslovak Peasantry to Socialism (1948—1960). *V. D. Koroljuk.* «The Slavic Collection». *V. Ja. Grosul, K. A. Poglubko.* Essays on the History of Bulgaro-Russian Revolutionary Connections (60—70-ies of the XIX-th Century). *I. V. Churkina, M. Tanty.* Panslavizm, carat, polacy. *T. M. Islamov.* A Book on History of Pangermanism in Austria. *I. S. Dostyan.* Russia's Policy towards Turkey and Balkan Peoples in 1813—1815. *A. J. Moskalenko, L. V. Gorina.* Social-Economic Relations in the Second Bulgarian kingdom. *L. Kischkin, A. A. Cuma.* Jan Amos Komensky and Russian School (up to 70-ies of the XVIII-th Century) 92

Bibliography

- The Main Articles and Materials on the Present State, History, Culture and Languages of the Foreign Slav Peoples published in the Soviet Periodicals in 1972—1973. Contents of the Foreign Periodicals 113

SCIENTIFIC LIFE

- N. K. Zakova, P. Kh. Tugusheva.* The Celebrating Meeting Dedicated to the Memory of J. Fučík. *R. V. Bulatova, S. B. Bernschejn.* The Conference on the Comparative-Historical Grammar. *G. Safronov.* Defence of the Thesis 122
- V. I. Zlydnjev.* Academician Ljudmil Stoyanov 127

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

В целях обеспечения своевременной доставки нашего журнала, каждому подписчику присвоен постоянный цифровой код, который будет сообщен Вам Центральным подписным агентством «Союзпечать».

При возобновлении подписки на 1974 и последующие годы цифровой код следует проставлять на нижней строке абонемента, справа от фамилии, инициалов (наименования организации, выписывающей данное издание).

Технический редактор *Т. Н. Сенченко*

Сдано в набор 11/VI-1973 г. Т-11741 Подписано к печати 13/VIII-1973 г. Тираж 1170 экз.
 Зак. 2470 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 11,2 Бум. л. 4,0 Уч.-изд. л. 13,

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

*Издательство «Наука»***Готовятся к печати книги:***Общеславянский лингвистический атлас.*

Материалы и исследования. 1971. 15 л. 95 к.

Очередной выпуск сборника является своеобразным отчетом Комиссии ОЛА при Международном Комитете славистов предстоящему VII Международному съезду славистов. Основная часть сборника представляет собой пробный выпуск Атласа (25 лингвистических карт по всей славянской языковой территории и комментарии к ним). Кроме того в сборнике печатаются статьи по теории лингвистической географии и славянской диалектологии.

Книга предназначена для славистов, диалектологов и лингвистов.

Славянское языкознание.

Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1966 по 1970 г. 65 л. 4 р. 50 к.

Книга является продолжением трех ранее изданных под тем же названием указателей, последовательно охватывающих периоды 1918—1955, 1956—1960, 1961—1965 гг.

В указателе отражены монографии, сборники, статьи, авторефераты, рецензии, опубликованные в СССР как на русском языке, так и на других языках народов СССР. Указатель частично аннотирован. Расположение материала систематическое.

Книга рассчитана на языковедов — специалистов в области славянского языкознания, а также ученых других специальностей (психологов, философов, историков, методистов), преподавателей вузов.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117463 МОСКВА, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13; 320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; 252030 Киев, ул. Ленина, 42; 277012 Кишинев, ул. Пушкина, 31; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 Ленинград, Менделеевская линия, 1; 199004 Ленинград, 9 линия, 16; 103009 Москва, ул. Горького, 8; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 630076 Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49; 450075 Уфа, проспект Октября, 129; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.